

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 25 (158)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2009

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 9

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д-р филол. наук, проф. **О.А. Турбина**
(*отв. редактор*)

д-р филол. наук, проф. **Л.Г. Бабенко,**

д-р филол. наук, проф. **Е.В. Харченко,**

д-р филол. наук, проф. **А.П. Чудинов,**

канд филол. наук, проф. **Т.Н. Хомутова,**

канд. филол. наук, доц. **С.С. Голубева,**

канд. филол. наук, доц. **Е.А. Дамман,**

Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

Серия основана в 2004 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 29016 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 2 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ГОЛУБЕВА С.С. Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории	4
КАЦЮБА Л.Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста	11
ЛАРИОНОВА А.Ю. О функционировании общих названий человека в студенческом речетворчестве	18
ТУРБИНА О.А., РЯЗАНЦЕВА Д.Б. История формирования текстов русских и американских анекдотов	24
СЕРЕБРЯКОВА А.Ю. О компонентах коммуникативной ситуации	30
ЧЕРНИКОВА Е.М. Языковые контакты древности (на материале эвфемизации теонимов и демонимов)	33

ФРАЗЕОЛОГИЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

КАЗАКОВА Ю.В. Фразеологические единицы призначной семантики с компонентом наречием	36
КАЗАЧУК И.Г. Форма и значение объекта в конструкциях с управлением процессуальных единиц семантики «побеждать / победить»	40
КИРОВ Е.Ф., МИШЛАНОВ В.В. Актуализация понятия процесса в немецком языке	43
ПЕСТОВА Н.В., СУМЕНКОВА Е.М. Прагматическая направленность страдательного залога в политической коммуникации	48

ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

ВДОВИНА О.А. Полифункциональность языка дипломатии в полиполярном мире	52
ХОМУТОВА Т.Н., БАБИНА О.И. Научный текст: лингвокогнитивный подход	61

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

АВЕРКИЕВА М.С. Репрезентация знаний об этикете в лексических значениях слов (на материале прилагательного «вежливый» и его дериватов)	74
АХМЕТОВА А.М. Когнитивно-прагматический аспект модальности в эзотерическом дискурсе	80
БЫКОВА Л.В., ЕЛИСЕЕВА С.В. Прецедентные феномены, восходящие к немецкой и французской культуре, в современной российской прессе	83
ВОРОБЬЕВА Н.Ю. Симультаный роман первой половины XX века	88
ДВОЙНИШНИКОВА М.П. Поэтика абсурда в русской литературной традиции XX века (на материале лирики Г. Сапгира)	91
КОВАЛЕВА Е.А. Дискурсивная семантика поэтических текстов: место железнодорожного дискурса	94
ХОЦ А.Ю. Специфика взаимовлияния стихотворного и прозаического начал в романе «Мастерская человеков» Ефима Зозули	98

CONTENTS

LINGVOCULTURE AND SOCIOLINGUISTICS

GOLUBEVA S.S. Linguistics markedness of the gender as a socialcultural category	4
KATZUBA L.B. Originality of the national-cultural models of the paroemialogical text's construction	11
LARIONOVA A.YU. About common man nominations functioning in student speech creativity	18
TURBINA O.A., RYAZANTSEVA D.B. Historical view on formation of the texts of Russian and American anecdotes	24
SEREBRYKOVA A.YU. About components of communicative situation	30
CHERNIKOVA E.M. Language contacts in ancient times	33

PHRASEOLOGY, LEXICAL AND GRAMMATICAL SEMANTIC

KAZAKOVA J.V. Phraseological units of semantics of an attribute with a component an adverb	36
KAZACHUK I.G. Form and meaning of object in contractions with regime of processual units with semantics «win / have won»	40
KIROV E.F., MISHLANOV V.V. Actualization of the verbal forms in German	43
PESTOVA N.V., SUMENKOVA E.M. Pragmatic directivity of the passive voice in the political communication	48

LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES

VDOVINA O.A. Multifunctional language of diplomacy in the multipolar world	52
KHOMUTOVA T.N., BABINA O.I. Reseach text: linguistic and cognitive approach	61

GREEN PAGES

AVERKIEVA M.S. Representations of politeness in lexical meaning of the words (on the example of the adjective «polite» and it's derivatives)	74
AKHMETOVA A.M. Cognive-pragmatic aspect of modality in esoteric discourse	80
BYKOVA L.V., ELISEEVA S.V. Precedent phenomena traced back to the German and French cultures in the contemporary Russian press	83
VOROBEOVA N.U. Simult novel in the first half of the XX century	88
DVOJNISHNIKOVA M.P. The poetics of absurdity in the Russian literary tradition of the XX century (on the material of the poetry by H. Sapgir)	91
KOVALEVA E.A. Discourse semantics of poetic texts: the place of the railway discourse	94
HOTS A.J. Specificity of interference verse and prosaic beginnings in the novel «Masterskaya chelovekov» by Efim Zozula	98

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 430

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ГЕНДЕРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КАТЕГОРИИ

С.С. Голубева

LINGUISTICS MARKEDNESS OF THE GENDER AS A SOCIALCULTURAL CATEGORY

S.S. Golubeva

Исследование направлено на описание способов маркирования социокультурной категории гендера с помощью лингвистических знаков различных языковых уровней, а также экстра- и паралингвистических средств. Нами определяются основные понятия исследования «пол», «гендер», «род», анализируются основные направления в изучении гендера в лингвистике, выделяются тенденции проявления сексизма в языке, выявляются лингвистические маркеры, значимые для определения гендерной принадлежности носителя языка.

Ключевые слова: гендер, пол, род, сексизм, лингвистические маркеры гендера.

The present research is directed to describe ways of marking the category of the gender by means of linguistic signs on various language levels, and also external and paralinguistic means. We define the basic research's concepts as «the sex», «the social gender», and «the grammatical gender». We analyze the basic directions of gender studies in linguistics and tendencies of display of the sexism in the language. Linguistic markers that are significant for definition of the gender accessory of the native speaker are found out.

Keywords: the sex, the social gender, the grammatical gender, the sexism, linguistic markers of the gender.

Гендерные исследования как самостоятельное научное направление стали результатом широко распространенных на Западе в 60–70 гг. XX века женского движения и являются предметом изучения многих наук: философии, экономики, социологии, истории, антропологии, психологии, социо- и психолингвистики.

В настоящее время внутри гендерных исследований выделяется ряд направлений, связанных с идеологическими установками авторов и с историческим развитием самих гендерных исследований. Так, согласно А.В. Кириловой, в историческом ракурсе различают три этапа их формирования.

1. «Алармистский этап». Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность

традиционной патриархальной эпистимеологии. Такая постановка вопроса прослеживается в постмодернистских трудах, в теории социального конструктивизма и символического интеракционализма. Изучались институализация и ритуализация пола, роль социальных структур в формировании гендерной идентичности, выявлялись отношения единиц языка и говорящей личности.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. Создаются феминистски ориентированные науки, такие как феминистский психоанализ и феминистская лингвистика, не скрывающие своей идеологической ангажированности. В основном они были направлены на разоблачение патриархата – мужского доминирования в общественной и культурной жизни. К специфике феминистской критики

Голубева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: golsvet2000@mail.ru

Svetlana S. Golubeva, candidate of science in linguistics, assistant professor of the department of the general linguistics SUSU. E-mail: golsvet2000@mail.ru

языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственно лингвистической методологии, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т.д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется эмпирической проверкой идей, высказанных представителями ранней феминистской лингвистики, появлением «мужских исследований», кросскультурного и лингвокультурологического исследования гендера, привлечением к анализу материала большого количества языков и новым осмыслением методологических проблем¹.

В отечественной лингвистике первые регулярные исследования гендера появились только в конце 80-х – начале 90-х годов. А уже с середины 90-х происходит бурный рост исследований, посвященных изучению гендерного параметра в языке и речи. Описывая особенности этих работ, О.Л. Каменская предлагает «развести» их по двум направлениям. Так, первое направление – *гендерная лингвистика*, по мнению ученой, исследует язык и речевое поведение с применением гендерных методов, а объектом второго направления – *лингвистической гендерологии* – является изучение категории гендера с применением лингвистического инструментария. При этом автор отмечает, что «...провести четкую границу между этими двумя направлениями удастся не всегда»². Однако становится понятным, что наряду с формированием этого направления в лингвистике происходит и выработка его методологических основ, когда используется как чисто лингвистический инструментарий, так и методы, применяемые для изучения категории гендера в других социальных науках (психологии, социологии, философии). И постепенно с развитием направления параллельно происходит как развитие его собственной, уже устоявшейся методологии, так и появление новых методов, так как, по сути, идет становление ещё одной исследовательской парадигмы³.

А. Г. Фомин отмечает, что «проблема оценки различия между полами (определенных категориями мужчины и женщины) возникает тогда, когда одному из данных полов отводится ведущая роль в социальных процессах и иных сферах жизни. В большинстве случаев, когда зарубежные исследователи говорят о различии между полами, используя термин «гендер», они говорят о том, как именно женщины отличаются от мужчин»⁴.

Как известно, теория и практика гендерных исследований на Западе были направлены не только против сексизма (т.е. предвзятых установок по отношению к представителям того или иного пола), но против тех идеологий и институтов, которые сознательно или бессознательно построены на отношениях неравенства. Поэтому изначально как теории, так и образовательные практики гендер-

ных исследований выступали в виде критики самого процесса познания и образования, а значит, занимали политическую позицию. Использование гендерной теории и методологии открывают для исследователя различных социальных наук новые возможности для изучения общества и культуры. Они позволяют раскрыть социальные и культурные механизмы, которые формируют неравенство на основе биологического пола в традиционном обществе⁵.

Лидия Семенова пишет о том, что большинство исследований направлено на выявление различий между полами и очень часто игнорируются сходства. Данный феномен можно объяснить следующими причинами.

1. Особенности человеческого мышления таковы, что легче вычлняются различия, чем сходства.

2. Представители разных полов не только внешне и биологически выглядят по-разному, но и выполняют разные социальные роли. В результате именно различия становятся привычными и стереотипизируются. А то, что непривычно, воспринимается как нечто странное, это в лучшем случае, а в худшем – как враждебное и опасное⁶.

Язык является одним из значимых механизмов фиксации любых культурных и социальных проявлений, а также при функционировании – эффективным механизмом воздействия и формирования социокультурных установок и стереотипов.

Согласно Е.И. Горошко⁷ и О.А. Колосовой⁸, если рассматривать современное состояние гендерных исследований на Западе, то там обычно выделяют три магистральных подхода.

Первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом «мужской» или «женский» язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии.

Второй – социопсихолингвистический подход – научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения полов. Для ученых, работающих в данном направлении, статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения.

Представители третьего направления в целом делают упор на когнитивный аспект различий в языковом поведении полов. Для них оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование её показателями, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий.

В современной научной парадигме все три подхода считаются взаимодополняющими и лишь в своей совокупности они обладают объяснительной силой.

Современные гендерные лингвистические исследования оперируют такими основными понятиями, как пол, гендер и род, а также связанными с ними – гендерный дисплей, гендерная роль, гендерные стереотипы. Остановимся на трех основных, разграничение которых является значимым для лингвогендеристики.

Отечественная лексикографическая традиция характеризует пол как «одну из родовых половин»⁹, как «каждый из двух генетических и физиологических противоположностей разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок), организмов»¹⁰, т.е. основой является физиологическое различие. Однако социологи говорят о трех различных подходах к рассмотрению сущности пола.

1. Биологический фундаментализм (основной представитель З. Фрейд) основывается на том, что пол человека есть производное от его анатомического строения. Однако эта взаимосвязь понимается как результат социальной практики индивида, результат его способности выбрать соответствующую его анатомии модель для подражания¹¹.

2. Структурный, или ролевой, фундаментализм подчеркивает производный характер пола, его абсолютную зависимость от тех социальных систем и функций, которые существуют в обществе. Процесс половой дифференциации сначала рассматривается как процесс социальной, а затем и политической дефиниции. Пол определяется как отражение сложившегося разделения труда в обществе, а, следовательно, и имеющихся материальных, моральных, политических и других ресурсов¹².

3. Символический фундаментализм выделяет два основных фактора. С одной стороны, отображающая, символическая, скрытая природа пола, т.е. его социальный характер. Таким образом, пол рассматривается как культурно обусловленный, а не природный феномен. А с другой стороны, указывается на дискурсивное или речевое проявление пола. Как указывает С.А. Ушакин, «именно благодаря бесконечному потоку разнообразной литературы, половые различия из юридико-экономической частной категории превратились в категорию онтологическую, универсальную, определяющую смысл и траекторию развития индивида»¹³.

Сополагаясь с социальным представлением пола появляется термин «гендер». Ученые Московского центра гендерных исследований дают такое определение гендера:

1. Общее значения различия между мужчинами и женщинами по анатомическому полу.

2. Социально значимое социальное деление, часто основанное на анатомическом поле, но не обязательно совпадающее с ним¹⁴.

Термин «гендер» понимается и как представление отношений, показывающих принадлежность

к классу, группе, категории. Гендер конструирует отношения между одним объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенным классом (группой); это отношение принадлежности. Термин «гендер» включает в себя сложную систему. Н.И. Абубикирова полагает, что гендер – «это конструкция концептуальная и основанная на опыте, индивидуальная и общественная, кросс-культурная и специфически культурная, физическая и духовная, а также политическая. То есть она является отражением жизни в мире, создавшем нас не просто людьми, но всегда женщиной или мужчиной. В мире, где любое различие или разделение находятся в системе строгих иерархических и доминирующих отношений»¹⁵.

И, наконец, собственно лингвистический термин «род – грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть мужской, женский и средний. Семантические основания родовой классификации очень размыты. Лишь в части существительных можно выявить релевантное отношение половых различий»¹⁶.

Отсутствие четких формальных показателей привело к образованию промежуточных классов, которые еще в античных грамматиках называли общими (*ambiguo*), – напр.: *неряха, недомена, хумик, хурьпе; el/la deportista, el/la turista*, и обоюдными (*epiceno*) – напр.: *собака, белка, la ardilla, la liebre, el elefante*. Особенность общего и обоюдного родов состоит в том, что они содержат имена одного рода по формальным признакам, но эти имена приложимы к номинации лиц (особей) обоюдого пола. Для проявления значимого физиологического различия в научной и научно-популярной литературе, например, в биологических трактатах, для имен обоюдного рода вводится дополнительный детерминант – самец, самка, *macho (varón), hembra*.

Представляет интерес тот факт, что словами общего или обоюдного рода в испанском языке становятся слова с коннотативными значениями, образованные сложением основ, например, *el/la zampalimosnas (нопрошайка, побирушка), el/la ablandabreves (пустой человек, ленивый и бесполезный)* или при метафорическом переносе, например, *la abeja (пчела), la hormiga (муравей)* – в значении *трудолюбивый человек, la ardilla (белка) – непоседа, пройдоха*. Хотя при этом ряд слов с подобным словообразованием может сохранять четкую как формальную, так и семантическую принадлежность одному роду/полу, например: *el botafuego (1. запальник; 2. вспыльчивый человек, порох), el zángano (трутень, лентяй)*. Для сохранения оппозиции мужской/женский род в языке появилась форма *la zángana*, образованная от формы мужского рода флексией женского рода *-a* для номинации женщины-лентяйки, в то время

как в живой природе такого вида насекомых не существует.

Языковые гендерные маркеры приобретают большую значимость в прикладных лингвистических дисциплинах, направленных на идентификацию говорящего – носителя естественного национального языка в письменном и устном дискурсах. Можно отметить, что такие маркеры выделяются на различных языковых уровнях.

Начнем наш анализ с фонетико-фонологического уровня. При рассмотрении звучащей речи мы имеем дело не только с фонетической структурой языка, но и с экстралингвистическими показателями: голосом и просодией. Как отмечает Х. Коттхофф, в сфере голоса и просодии проявляется переплетение культурного и природного¹⁷. Обычно исследователи исходят из того, что в сфере голоса и просодии, являющейся экстралингвистическим показателем, причиной различий является анатомия. Действительно, существуют анатомические основания для различий в голосе. Женская гортань в среднем меньше, чем мужская, тем самым голосовые связки короче, а, следовательно, основная частота голоса женщин выше, чем у мужчин. Настолько же короче вокальный тракт женщин, поэтому частота резонанса у них, как правило, на 20 % выше, чем у мужчин¹⁸. За эти основные частоты, главным образом, ответственны вибрации голосовых связок, которые измеряются в герцах (Гц). Чем быстрее вибрируют голосовые связки, тем выше основная частота и тон. Длинные голосовые связки производят таким образом низкие тона, а значит, мужчины обладают в среднем более низким голосом (около 100 Гц). Однако оба пола могут владеть всем спектром регистров и тональности, но не используют все данные природой возможности.

Различные форманты (основные частоты), определяющие звуки, производимые человеком, существенно варьируются от индивида к индивиду. Жаклин Сакс обратила внимание на то, что вокальные формантные частоты американцев и американок различаются больше, чем можно было бы предположить только по различию размеров вокального тракта. Кроме того, формантные частоты уже в детстве, когда различия в размере вокального тракта еще не выражены, представляют собой важный акустический признак пола говорящего.

Итак, Х. Коттхофф утверждает, что формантные частоты представляют собой феномен, при котором благодаря более или менее устойчивым конвенциям еще прочнее закрепляются анатомические различия¹⁹.

С. Моосмюллер обобщила исследования, которые подтверждают в качестве среднего значения 225 Гц – для японских женщин, 217 Гц – для испанок, 214 Гц – для американок и ниже 200 Гц – для шведских и голландских женщин. В случае формантных частот мы имеем дело с психологическим различием, которое усиливается благодаря соци-

альным стереотипам. В зависимости от культуры «нормальными» для мужчин и женщин считаются определенные голосовые регистры. Ю. Охара пишет, что в Японии женский голос с высокой основной частотой оценивается как привлекательный, сладкий, приятный, нежный, милый, вежливый, спокойный, юный и красивый, тогда как женщины с низким голосом воспринимаются как упрямые, эгоистичные, прямолинейные, откровенные и сильные²⁰.

Интонация воспринимается, главным образом, как колебание высоты тона, чем, как правило, обусловлены и изменения в громкости. Основные частоты ответственны за то, что мы можем ощущать при восприятии звуков разность высот. Форма колебания высоты тона, т.е. интонация, обусловлены культурой. С. Макконнел-Джине пишет, что в соответствии с нашим стереотипом женской речи, женщины должны говорить более высоким голосом, дольше сохранять тональность и говорить с придыханием. Если имитируют женщину, эти признаки становятся явными. К ним прибегают также в случае, если имитируют гомосексуального мужчину. Они считаются экзальтированными и потому отрицательно коннотированными. Типично мужской интонационный рисунок вряд ли может быть использован для имитации, так как он считается «нейтральным»²¹. В нашем исследовании испанского плутовского романа (тексты 17 века) было отмечено, что именно женская речь подвергалась имитации в художественном тексте. Некоторые женские персонажи демонстрировали в речи явление «сесео», т.е. произносили в словах звук [θ] вместо [s], напр., casa ['kaθa], mesa ['meθa]. Пабло Хауральде Поу указывает, что мода «*zacear*» или «*cecear*» сложилась при дворе, и «*ceceo*» являлось отличительной манерой дворянок и знаком жеманства, кокетства у представительниц других слоев, которые копировали манеру дам высшего общества²². То есть авторы художественных произведений осознавали социальную маркированность женской речи.

Х. Коттхофф отмечает: «Некоторые исследования подтвердили, что мужчины и женщины по-разному интонируют в том смысле, что женщины говорят более динамично»²³. Интонационный рисунок, который употребляют женщины, звучит более эмоционально и выразительно. Он не имеет четкого значения, так как вне контекста он совершенно не конвенционален. Тем не менее, интонационный рисунок применяется в качестве способа контекстуализации, и с сильным интонированием ассоциируется эмоциональная экспрессивность. Таким образом, в сфере голоса и интонации мужественность и женственность ритуализируются. Мы видим, что мужская речь является нейтральной или нормативной, в то время как женская речь приобретает различные коннотации.

Интонационные различия в речи людей разного пола являются общеизвестными. Гораздо реже речь мужчин и женщин различается фоноло-

гическим составом слов. Одним из языков, в которых такие различия были зафиксированы, считается чукотский язык. Он существует в мужском и женском вариантах, причем эти варианты различаются набором фонем²⁴. Е. Перехвальская в своей статье «Гендер и грамматика» приводит пример противопоставления фонем *с* (женский вариант) и *г* (мужской вариант) в рамках слова, например, *тсеп – тгеп* (комар), *сеґокаһын – геґокаһын* (не-сец). А также противопоставление фонем *с* (женский вариант) и *s* (мужской вариант), напр., *сајкок – сајкоґ* (чайник), *иткис'ын – иткис'ып* (кан-кан). Мужской вариант обычно рассматривается как собственно чукотский язык, именно он оказался закрепленным в орфографии. Женский вариант либо не принимается во внимание, либо о нем упоминается вскользь. Такая ситуация возникла, поскольку первые исследователи данного языка – мужчины, записывали его от информантов-мужчин. Женскую речь они слышали значительно реже, чем мужскую, а потому иной фонемный состав слов воспринимался как аномалия. Нелингвистами высказывалось даже мнение о том, что чукотские женщины «не могут» произносить слова «правильно», поскольку их артикуляционный аппарат устроен иначе, чем у мужчин. Довольно скоро, правда, выяснилась несостоятельность этой идеи, так как оказалось, что в процессе нарратива, воспроизводя речь мужчины, женщины вполне способны использовать слова с «мужским» фонемным составом. В настоящий момент известно, что чукотский язык существует в двух вариантах, при этом, однако, только мужской вариант продолжает считаться основным, немаркированным, а женский воспринимается как выделенный, маркированный²⁵.

Подобные фонемные различия выделяются также в языках тангоа (полинезийская группа) и в индейском языке племени гросс вентр. Однако в большинстве существующих этнических языках таких различий не зафиксировано.

Очевидно, что даже на фонетическом уровне становится заметной определенная сексиская тенденция, о которой говорили представители феминистской лингвистики. Еще более очевидно эта тенденция проявляется на лексическом уровне. Немецкая исследовательница Марлис Хеллингер отмечает, что сексизм наблюдают во всех исследованных на сегодняшний день языках²⁶. При этом выделяют следующие закономерности его проявления.

1. Мужское начало воспринимается как норма, а женское – как отклонение от нее. Это особо отчетливо манифестируется на морфологическом и лексико-семантическом уровне. Например, словарная форма прилагательного – мужской род, единственное число и в русском, и в испанском языках, мужской род является собирательным в испанском языке, например: *los abuelos* – бабушка и дедушка. *Poetа, m; poeta, t* – норматив-

ное употребление и в русском, и в испанском языке; *poэтесса, ж; poetisa, f* – стилистически маркировано.

2. Мужское ассоциируется с положительным, а женское – с отрицательным.

Это демонстрируется исследованием значений отдельных слов и лексических полей. Например, *golfo* – *пройдоха, гулена, ловкач*; *golfa* – *проститутка*; *gallo* – *петух, галан, драчун*; *zorro* – *лис, хитрец* (положительная оценка), *gallina* – *курица, домохозяйка, глупая*; *zorра* – *лиса, лицемерка, проститутка* (отрицательная оценка). Как показало исследование Г. Емирсуиновой, согласно оксфордскому словарю английского сленга 1996 года количество обозначений распушенной, неразборчивой в интимных отношениях женщины значительно превышает обозначение мужчин: 220 к 22²⁷. Рената Шрамбке провела подобное исследование на материале юго-западных диалектов немецкого языка. Ею было выделено 543 бранных слова. Из них 333 лексемы приходятся на долю женщин, 131 – на долю мужчин и 79 – детей. Тем самым для того, чтобы оскорбить женщину в распоряжении носителя языка имеется в три раза больше пейоративных выражений, чем для оскорбления мужчин. Самое большое количество ругательств, приходящихся на долю женщин, составляют инвективы с дополнительной семантикой «сексуальной распушенности», среди которых *Dreckbüchse*, *Hure*, *Fudel*, *Funzel*, *Luder*, *Mannsrolli*, *Mush*, *Rätche*, *Röschi*, *Schelle*, *Schluder*, *Vettel*, *Zottel*. Этому впечатляющему списку противопоставлены лишь выражения: *Bock* (козел) и *Hurenbock* (похотливый козел), а также *Kloben* (чурбан), использующиеся для обозначения старого похотливого мужчины²⁸. В настоящий момент мы работаем со словарями испанского и русского языков, но исследование не закончено, поэтому таких подсчетов лексических единиц в испанском и русском языках нет, хотя в испанском языке общая тенденция подобна тенденции, сложившейся в английском и немецком языках.

В семантике инвектив, адресованных мужчинам, например, *bastard* (бастард), *mother fucker* (ублюдок), *Hundesohn* (сукин сын), *hijo de puta* (сукин сын) заложено унижение женщины матери. В культурно-сопоставительном исследовании инвективной лексики Греджерсен обнаружил, что в 66 языках наиболее сильные инвективы касаются женщины-матери. Только 20 языков имеют бранные слова, оскорбляющие отца²⁹.

3. Мужское доминирует в языке, женское «невидимо». Эта закономерность доказывается, прежде всего, в номинации лиц определенного пола, что важно с точки зрения влияния языкового материала на возможную неадекватную самоидентификацию носителей этих названий.

Мы уже отмечали ранее, что наименование людей по профессии является тем лексическим пластом, где проявляется гендерная асимметрия³⁰.

В испанской гендерной лингвистике этому вопросу уделяется огромное внимание, что отражено в исследованиях И. Арумбусабала, А.М. Вигара Таусте, С. де А. Кастельанос, И. Альмар, А. Гарсия Айарсон и др.¹

Поскольку исторически профессия являлась прерогативой мужчин, в номинации профессий как в русском, так и в испанском языках наблюдается доминирование имен мужского рода, напр.: *врач, преподаватель, кузнец, médico, molinero, soldado*. Для обозначения женщины-деятели в официальной номинации либо используются те же самые номинации: *врач Иванова/женщина-врач, la médico López/la mujer médico López*, либо образуются дериваты от номинаций мужчины-деятели: *машинист – машинистка, учитель – учительница; vendedor – vendedora, profesor – profesora*.

Ряд вышеперечисленных существительных, оставаясь формально формами мужского рода: *врач, químico, médico*, в середине XIX – XX вв. стали семантически именами общего рода.

Достаточно позднее внедрение женщины в профессиональную деятельность привело к тому, что потенциал языка для образования существительных женского рода от номинаций мужчины-деятели к этому времени был исчерпан, и дериваты женского рода уже существовали, обладая значением, отличным от номинации профессии, и были омонимами профессиональной номинации: *мельничиха, molinera – жена мельника; профессорша – жена профессора; tornera – жена токаря; soldada – солдатское жалование; torera – титичная куртка торседора; olivatera – пора сбора оливок*. Немалая часть наименований по признаку женского пола имеет разговорный и разговорно-обиходный оттенок: *повариха, секретарша, продавщица, адвокатесса и адвокатша; médica, estudianta, poetisa, cantanta*. Однако постепенно формируется ряд номинаций при сохранении нейтрально-стилевых характеристик имен, выражающих признак женскости: *актриса, певица, рабочая, точилицыца; actriz, secretaria, vendedora, tejedora, abogada*.

Интенсивное проявление женского пола в профессии и внедрение номинаций женского рода в язык наблюдается в испанском языке последних 30-ти лет: *arbitra, f; jueza, f; minera, f; médica, f* определяются современными испанскими словарями как нормативные.

Прочитав Феликса Асуа, журналиста газеты «El País» (15.11.00, последняя страница): «*Y si abres cualquier diario te encuentras con ministras, conductoras de autobús, empresarias, guardias civiles, catedráticas, pilotos, teólogas. Hace veinte años, esa comunidad de seres autónomos no existía. En las noticias sólo aparecían tonadilleras, asesinas y esposas. [...] En sólo veinte años se ha producido una revolución mucho más eficaz que la soviética. Las mujeres han conquistado su soberanía sexual, política y laboral. Esta nueva soberanía las afecta a ellas, pero hace mucho más interesante la vida de millones*

de varones» /«Открыв любую газету, мы то и дело сталкиваемся с сообщениями о женщинах-министрах, водителях автобусов, предпринимателях, полицейских, профессорах, теологах. Двадцать лет назад такого сообщества независимых индивидов не существовало. В новостях упоминались только жены, певицы и убийцы [...] За двадцать лет мы претерпели революцию, куда более эффективную, чем советская. Женщины отвоевали сексуальный, политический и трудовой суверенитет. Этот новый суверенитет касается их самих и делает более интересной жизнь миллионов мужчин»/.

Очевидно, что русский язык более статичен, а потому смены в номинации вышеперечисленных профессий (министр, водитель, предприниматель, полицейский, теолог) не произошло. Формы женского рода не появились, либо не утратили стилистической маркированности, сравните: *водительница, предпринимательница*.

Таким образом, в некоторых пластах лексики, где наиболее точно отражается социальная структура общества, выявляются единицы, значимые для выявления гендера в языке.

В настоящее время мы также продолжаем работу с русскоязычными и испаноязычными текстами для выявления гендернозначимых лингвистических признаков на уровне предложения и в дискурсе. Такие показатели важны как для определения языковой картины мира носителей испанского и русского языка (социокультурный аспект), так и для определения лингвистических параметров для идентификации говорящего в письменном и устном тексте (прикладной аспект).

¹ Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–30.

² Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2002. С. 13–19.

³ Горошко Е.И. Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода). URL: <http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo.php>

⁴ Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Семенова Л. Как навязываются стереотипы: кушать подано, только отделили зерна от плевел // Гендер для чайников. М.: Звенья, 2006. С. 29.

⁷ Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие/ под ред. И. Жеребкиной. Харьков, СПб. 2001. С. 238–277.

⁸ Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990.

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

¹¹ Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. М.: Азбука, 2007.

- ¹² Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994.
- ¹³ Ушакин С.А. Поле пола// Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 35–45.
- ¹⁴ Что такое гендер?// URL: www.gender.ru
- ¹⁵ Абукирова Н.И. «Что такое гендер?» // Общественные науки и современность. 1996. №6. С. 123–125.
- ¹⁶ Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. С. 417.
- ¹⁷ Коттхофф, Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 574.
- ¹⁸ Moosmüller S. Die Stimme. Ausdruck geschlechtlicher Individualität oder sozialer Aneignung. Цит. по Коттхофф Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике// Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 575.
- ¹⁹ Коттхофф Х. Указ. соч. С. 575.
- ²⁰ Ohara Yumiko. Performing gender through voice pitch: A cross-cultural analysis of Japanese and American English // Pasero U., Braun F. Wahrnehmung und Herstellung von Geschlecht. Opladen: Westdeutscher verlag, 1999. P. 105–116.
- ²¹ McConell-Ginet Sally. Intonation in a man's World / Sign 3, 2. P. 541–559.
- ²² Jauralde Pou Pablo. Introducción biográfica y crítica/ Quevedo F.de. El buscón. Madrid: Clasicos Castilia, 1990. P. 7–33.
- ²³ Коттхофф, Х. Указ. соч. С. 576.
- ²⁴ Dann M. Chukchi women's language: a historical-comparative/ Antropological Linguistics, 42. No 3. P. 305–328; Скорик, П.Я. Грамматика чукотского языка. Л., 1977. Т. 1–2.; Коатс, Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 75.
- ²⁵ Перехвальская Е. Гендер и грамматика // Язык – гендер – традиция: материалы международной конференции. Пропповский центр. СПб., 2002. URL: www.folk.ru/propp/publics/gender/perehv.html.
- ²⁶ Хеллингер М. Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Тверь, 1999. С. 91–98.
- ²⁷ Емірсуїнова, Г. Відбиття соціального статусу жінки в англійській мові // Вісник Харківського національного Університету ім. В.Н.Каразіна. Серія «Романо-германська філологія», 1999. С. 142–147.
- ²⁸ Schramke Renate. Dupp und Dottel, Lush und Lottel. Geschlechtsbezogene sprachliche varianz bei Schimpfwörtern des süddeutschen Sprachraums. Цит. по Коттхофф, Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 568.
- ²⁹ Gregersen E.A. Sexual linguistics // Judith Orasanu M.K. Slater L.L. Adler. Language, sex and gender. Does la difference make a difference. New York: New York Academy of Science. P. 3–22.
- ³⁰ Голубева С.С. Гендерная асимметрия при вербализации концепта «профессия» в русском и испанском языках // Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» Гранада, 7–9 мая 2007 г. С. 563–569; Отражение категории гендера в семантике и грамматических формах одушевленных существительных // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2008. Вып. 6. № 1. С. 24–26.
- ³¹ URL: <http://www.ucm.es/info/especulo/cajetin>.

Поступила в редакцию 26 ноября 2008 г.

СВОЕОБРАЗИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ СТРОЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Л.Б. Кацюба

ORIGINALITY OF THE NATIONAL-CULTURAL MODELS OF THE PAROEMIOLGICAL TEXT'S CONSTRUCTION

L.B. Katzuba

Статья посвящена исследованию национально-культурных моделей строения паремиологического текста, отражающего языковое сознание русского народа.

Ключевые слова: паремиологический текст, строение текста, национально-культурная модель текста.

The article is devoted to the originality of the national-cultural models of the paroemiological text's construction, reflecting linguistic consciousness of the Russian people.

Keywords: paroemiological text, text's construction, the national-cultural text's model.

В настоящем исследовании мы рассматриваем особый тип единиц – паремии, которые являются выражением языкового сознания народа. Под паремией понимаем минимальный текст, состоящий из одного или нескольких предложений с определенной структурой и лексическим составом. Выражая всегда обобщенную социокультурную ситуацию, паремиологический текст обладает природой этнолингвистической формулы, которая вырабатывалась с помощью особой системы мировоззрения народа. Выявление национально-культурной специфики построения паремиологического текста на сегодняшний день является проблемным. К решению этого вопроса мы попытались приблизиться в данной статье.

Термин «паремия» синонимичен «нелингвистическому» термину «пословица», которым дефинируется микротекст с содержанием – законченной мыслью. Паремия – минимальный текст с определенным количеством текстовых категорий, таких как содержательность, связность, последовательность, цельность, завершенность, модальность, эмотивность, прецедентность, интерпретивность, функциональная направленность¹. Паремии, как любой другой текст, – это не только содержательно, но и структурно самостоятельные произведения устного народного творчества. Исконная принадлежность их к устной речи объясняет некоторые особенности структуры.

Устную речь отличают произвольность, меньшая абстрактность и большая конкретность в сравнении с письменной речью, быстрота темпа,

композиционная простота, тенденция к сокращению, упрощение синтаксиса, минимальная синтаксическая расчлененность и т. д.² Проявление вышеназванных качеств устной речи во многом свойственно паремиям. Стремление синтаксической организации паремии к свернутости, к сокращению обусловлено природой самой пословицы. Суждения, которые выражают пословицы, синтаксически оформлены по-разному. Самыми распространенными оказались модели простого и сложного предложения.

Как показало наше исследование, 54 % паремий имеют синтаксическую модель простого предложения. Господство пословиц данной модели в исследованном материале закономерно. Краткость, сжатость формы присуща пословицам изначально (при определении понятия пословицы краткость как одна из характерных черт всегда называлась различными исследователями³): *Веретеном оденусь, сохой укроюсь; Зубами скатерть с конца на конец натягиваем; Вслед за милым не нагоняешься; Крестом любви не свяжешь; Из хорошей обезьяны не сделаешь и плохого человека; Руби дерево по себе; От воды всегда жди беды; Погоняй коня не кнутом, а овсецом; Подкошенная трава и в поле сохнет; Деньга деньгу наживает; Ум бороды не ждет; Нашла коса на камень; Худые вести не лежат на месте; Свиные глаза не боятся грязи; И медведя бьют, да учат.*

Как уже было сказано, паремия всегда выражает мысль, суждение. Поэтому сложное, глубоко

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: larrakatz@yandex.ru

Larisa B. Katzuba, candidate of philological science, assistant professor at the department of Speech culture and professional communication SUSU. E-mail: larrakatz@yandex.ru

кое содержание пословицы требует нередко сложной синтаксической конструкции.

В нашем материале модель сложного предложения имеют 46 % исследованных единиц.

Анализ выявленных моделей позволил выделить следующие наиболее продуктивные группы:

1) паремиологический текст, состоящий из предложения сложной синтаксической модели с соотношением разных форм лица, числа, наклонения в частях предложения;

2) паремиологический текст, состоящий из предложения сложной синтаксической модели с соотношением одинаковых форм лица, числа, наклонения в частях предложения.

Модель с соотношением разных форм лица, числа, наклонения в частях сложного предложения

Основную группу здесь составили единицы сложной синтаксической конструкции с соотношением в частях сложного предложения разных форм лица, числа, наклонения, которое позволило выявить существенные закономерности, глубинные связи и «сложные, многомерные отношения» между формами лица, числа, наклонения.

Так, в нашей картотеке представлены конструкции с соотношением всех трех форм лица: 1 лицо соотносится со 2-м (2 лицо – с 1-м); 2 лицо соотносится с 3-м (3 лицо – со 2-м); 3 лицо соотносится с 1-м (1 лицо – с 3-м). Все конструкции с соотношением разных форм лица, числа, наклонения представляют собой полисубъектные предложения. Данные конструкции составили около 21 % от общего количества паремий сложной структуры.

Самыми продуктивными оказались конструкции с соотношением форм 3 и 2 лица или 2 и 3 лица, (единственного и множественного числа повелительного, изъявительного наклонения) – 87 %.

В силу того, что по своей природе категория лица является качественной, формы 2 и 3 лица характеризуют действие по-разному, иначе говоря, проявляются разные свойства, названные глаголами в форме 3 лица и в форме 2 лица. Форма 3 лица характеризует действие, производителем которого является лицо или предмет, не связанные с речевой ситуацией; форма 2 лица говорит о том, что действие производится собеседником, адресатом речи. Формы лица в одном предложении соотносятся между собой противопоставленно: *Ты боишься лошади, а она тебя боится; За добрым делом находишься, худое само навяжется; Бог не даст – нигде не возьмешь.*

Паремии с соотношением форм 3 лица и форм 2 лица представляют собой органичный симбиоз опыта и философских сентенций и одновременной передачи этого опыта конкретному адресату, обращения к непосредственному слушателю в форме совета, рекомендации, пожелания, наказа и т. д.: *Что будет, то будет, того не минуешь; Правда прямо идет, а с нею не разминешься; Время деньги*

дает, а на деньги времени не купишь; Каков родился, таков и есть: сверху не закрасишь.

Категория числа прямо связана с категорией лица и подчинена ей. Так, в приводимых далее конструкциях наблюдается соотношение форм 3 и 2 лица (и 2-го с 3-м) множественного и единственного числа, которое выражает качественную и количественную характеристику субъектов полисубъектного предложения: *Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь; Мало ли что говорят, да всего не переслушаешь; Скажешь слово, а прибавят десять.*

Отдельно стоят конструкции с соотношением форм 2 и 3 лица (и 3-го со 2-м) единственного числа повелительного и изъявительного наклонения. Они составили большую часть (около 90 %) паремий, анализируемых в этой группе.

Если говорить о существенных признаках, то категория наклонения относится к разряду категорий отношения. Она опирается на сугубо человеческие факторы и, в конечном счете, всегда антропоцентрична, поскольку устанавливает отношения такого рода: существует ли действие в реальности или оно имеет ирреальную природу, и как оно оценивается, квалифицируется говорящим: *Руби дерево здоровое, а гнилое и само свалится; Не учи козу, сама стянет с возу; На вдовый дом хоть щепку брось, и за то бог помилует; Когда кипит, тогда и вари!; Стреляй в куст, пуля виноватого сыщется; Покорись беде, и беда покорится; Черта крести, а он в воду глядит.*

В приведенных фактах значения изъявительного наклонения: осознанной, целенаправленной, конструктивной деятельности (*слушает*); уверенности (*везде найдет, теперь не потянет*); обычности, повторяемости (*оно все растет, он все глядит*); закономерности, обязательности какого-либо действия (*...без року смерти не будет*); непреложности факта, его независимости от воли субъекта (*бойся не бойся*); необычности, фантастичности действия (*водица говорит, правда всплывает, худо придет*) и другие, связанные с реальностью, – взаимодействуют со значением 3 лица, которое обозначает действие того, о ком или о чем говорится в суждении, и обладает максимальной информативностью.

Для глаголов повелительного наклонения форма 2 лица типична, так как со стороны говорящего побуждение к совершению действия может относиться, прежде всего, к собеседнику. Значение волеизъявления различной степени побуждения связано со значением 2 лица, которое обозначает действие того, к кому обращается с волеизъявлением говорящий. Императивная интонация в исследуемых предложениях зависит от позиции части сложного предложения с глаголом в форме повелительного наклонения. Если названная часть сложного предложения находится в препозиции по отношению к другой части сложного предложения, императивная интонация сглаживается, если в

постпозиции, то все сложное предложение окрашивается типичной для повелительного наклонения интонацией побуждения со значением просьбы, приказа, мольбы, наказа, запрета, совета и т. д.: *Дал бог руки, а веревки сам веи!*; *Сваха все знает, только верь ей!*; *Ження едет родня – отвори ворота, мужня родня – запирай ворота!*

Взаимосвязь категорий лица и наклонения демонстрирует тесную спаянность, взаимопроникновение значений. Это происходит еще и потому, что значение наклонения выражается, помимо собственных, средствами других грамматических категорий, в частности лица и числа.

Наконец, в нашем материале имеют место единичные примеры с соотношением разных форм лица, числа, наклонения. Формы 3 лица множественного числа изъявительного наклонения соотносятся с формами 2 лица единственного числа повелительного наклонения: *Пока бьют, пота и кричи*; *Где любят, там не учащай, а где не любят, туда ни ногой!*; *Ударь кулаком в стол: ножницы скажутся.*

Думается, что высокая частотность паремий с соотношением глаголов в форме 3 лица изъявительного наклонения и глаголов в форме 2 лица повелительного наклонения имеет глубокие корни: в данном случае просматривается отчетливое стремление народа соединить информативную и дидактическую части высказывания в единое сложное целое. Речевая ситуация складывалась таким образом, что говорящий произносил поговорку как вывод, сделанный на основе жизненного опыта, и одновременно, обращаясь к собеседнику, сопровождал сказанное выражением собственной воли в форме наказа, приказа, запрета и т. п. При этом информативная и дидактическая функции всей поговорки совпадают или находятся в иерархических отношениях в зависимости от структуры сложного предложения. Последняя стала точкой отправления в решении вопроса о синтаксических отношениях внутри сложного предложения.

Паремии модели сложного предложения с соотношением форм 3 лица и форм 2 лица продемонстрировали богатое разнообразие синтаксических отношений. Они выявили:

- условно-следственные отношения (наиболее продуктивно представленная группа): *Любовь не пожар, а загорится – не потушишь*; *Бог не родит, не возьмешь ни семенем, ни племенем*; *Ружье не выстрелит – и птицы не убьешь*; *Не дразни собаку, так не укусит*; *Кинь добро назад, очутится впереди*; *Ела кашу коса – ходи ниже, не ела каши коса – бери выше*; *Пришла беда – не брезгуй и ею!*; *Не твоему здоровью пьют, не отзывайся спасибом!*

- уступительные отношения (широко представлены в поговорках): *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*; *Как ни гнети дерево, оно все вверх растет*; *На добрый жернов что ни засыпь, все смелется*; *Засыпь правду золотом, а она всплывет*; *Как ни молись, бог все услышит*;

- причинные, причинно-следственные и целевые отношения (продуктивная группа поговорок): *Оглянись назад, не горит ли посад!*; *Делай добро, и тебе будет добро*; *Наказуй детей в юности, упокоят тя на старости*; *Проси Николу, а он спасу скажет*; *Не учи козу, сама стянет с возу*; *Причитывай, баба, по покойнику: теперь за космы не потянет*;

- сопоставительные, сопоставительно-сравнительные, сопоставительно-противительные отношения: *Ищи добра, а худо и само придет*; *Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит*; *Бей того, кто плачет; жури того, кто слушает!*;

- противительные отношения: *Посей хлеб, уродится и куколь*; *Избу сруби, а тараканы свою артель приведут*; *Вари кутью, а кутейники сами придут*;

- временные и пространственные отношения (единично представленные примеры): *Хвали сон, когда сбудется!*; *Поминай отца, как время придет!*; *Тогда пляши, когда играют*; *Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где богу молятся*; *Когда товарщицев двор горит, смисли о моем.*

На втором месте по продуктивности стоят паремии сложной структуры с соотношением форм 3 и 1 лица (единственного и множественного числа изъявительного наклонения): *За вешней пашней шапка с головы свалится – не подыму*; *Люблю сивка за обычай: кряхтит, да везет*; *Люди солгали, да и мы правды не сказали*; *Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили*; *Бог дал, а с чертом потягаемся*; *Всяк как хочет, а мы как изволим*; *Пойду туда, где про меня рожь молотят.*

В примерах данной группы, помимо соотношения форм лица, числа, наблюдается соотношение форм наклонения (формы 3 лица условного наклонения и желательного (оптатив) соотносятся с формой 1 лица изъявительного наклонения): *Светил бы мне ясный месяц, а по мелким звездам колом бью*; *Хоть бы та избушка сгорела, в которой я заговела!*

Особый интерес представляют единичные факты одновременного соотношения форм 3 и 1 лица, единственного и множественного числа, условного и изъявительного наклонения: *Была бы корова, найдем и подойник*; *Была бы основа, а уток найдем*; *Было б поле, найдем и сошку.*

Приведенные факты явились показательными в плане выражения синтаксических отношений. Наиболее регулярными оказались причинно-следственные и условно-следственные отношения: *Мы умолчим, так каменья возопиют*; *Была бы оброть, а коня добуду*; *Был бы конь, а по оброту не тужу*; *Была бы куделька, пряслице сделаем, а донце взаимы возьмем.*

Другие типы синтаксических отношений – изъяснительные, сопоставительно-противительные, сравнительно-сопоставительные и прочие – имели место в исследованном материале, но в

меньшей степени: *Я думал, идут двое, ан мужик с бабой; Женатые грешат, да не каются; а мы грешим, да каемся.*

Несмотря на то, что пословицы, в основном, реализуются в разговоре, в устной речи, сложные конструкции с соотношением форм 1 2 лица как участников речевой ситуации оказались самыми непродуктивными и низкочастотными по употреблению. Стремление пословицы к анонимности, к обобщенности смысла, к высокой концентрации информации свело к минимуму количество паремий с соотношением форм 1 и 2 лица.

Глагольные лексемы в паремиях этого типа соотносятся в частях сложного предложения формами лица, формами единственного и множественного числа, изъявительного и повелительного наклонения: *Не жалуй в город, я и в деревне живу; Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко!; Нам хлебушка подай, а разжует мы и сами; Ты бай на свой пай, а я раскину на свою половину.*

Такие факты соотношения форм 1 и 2 лица наиболее ярко обнаруживают присущее всем паремиологическим текстам движение от конкретно разговора между участниками речевой ситуации к обобщенному смыслу пословицы в целом.

Как отмечалось ранее, текст пословицы проявляет тенденцию к сокращенности, сжатости, лаконичности формы, что обусловило в паремиях сложных конструкций сведение к минимуму соотношений трех форм лица глагола внутри одного предложения.

Модель с соотношением одинаковых форм лица, числа, наклонения в частях сложного предложения

Паремии модели сложного предложения с соотношением одинаковых форм лица, числа, наклонения в обеих частях сложного предложения составили около 56 % по отношению к другим конструкциям сложного предложения.

Я на лед послов пошлю, а на мед сам пойду, О ком сокрушаюсь, того нет; кого ненавижу, за всегда при мне; Чего боимся, того и стыдимся; Живем – не люди, а умрем – не родители; Мы, кого обидим, того зла не помним (1 лицо ед. и мн. ч.);

Не увидишь, так услышишь; Наперед не узнаешь, где найдешь, где потеряешь; Не потчуй лошади ездом, а корми тестом; Не гладь рукой, посыпай мукой; Любишь лето – люби и зиму (2 лицо ед. ч.);

Лето прошло, а солнце не обожгло; Язык болтает, а голова не знает; Ртом болезнь входит, а беда выходит; Малый вор бежит, большой лежит; Горесть польни лечит, а сладость мышьяка калечит; Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего и не хочет; Русского человека что парит, то и правит (о бане); Коня куют, а жабы лапы подставляют; Когда дрова горят, тогда и кашу варят; В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют; Ваши играют, а наши рыда-

ют; Аптекари лечат, а хворые кричат (3 лицо ед. и мн. ч.).

Как видно из приведенных фактов, соотношение форм лица, числа, наклонения в синтаксических моделях сложных двухчастных конструкций является полным. Так, в обеих частях сложного предложения совпадает:

1) лицо субъектов действия (1 л. ед. и мн.ч. – сам говорящий (говорящие); 2 л. ед.ч. – адресат, собеседник, к которому обращается говорящий; 3 л. ед. и мн.ч. – лицо (лица) или предмет (предметы), не участвующие в речевой ситуации;

2) количество субъектов (выраженное категорией числа);

3) модальность сообщения, заключающегося в каждой части, формальными средствами выражения значения которой «являются изъявительное наклонение глагола и констатирующая интонация (интонация сообщения)»⁴ либо повелительное наклонение и побудительная интонация.

Паремии этой группы представлены как моносубъектные предложения, если глагольные единицы имеют форму 1 лица единственного и множественного числа и 2 лица единственного числа, или как моно- и полисубъектные предложения с глаголами в форме 3 лица единственного и множественного числа.

В объединении паремиологических текстов с соотношением одинаковых форм лица выделились отдельные подгруппы пословиц, глагольные единицы в которых, имея форму одного лица, соотносятся в частях сложного предложения разными формами числа и наклонения и составляют около 8 % от общего количества анализируемых в группе.

В частности, количественное соотношение субъектов в полисубъектном предложении проявилось в пословицах с глагольными лексемами в форме 3 лица. В формах 1 лица и в формах 2 лица такое соотношение наш материал не выявил.

В паремиях с соотношением форм единственного и множественного (множественного и единственного) числа глагола в частях сложного предложения проявляются различные синтаксические отклонения:

- сопоставительно-сравнительные: *На гору десятеро тянут, а под гору один толкнет; Жернова говорят: в Киеве лучше, а ступа говорит: что тут, что там; Поп сидя обедню служит, а миряне лежа богу молятся;*

- сопоставительно-противительные: *Один и дома горюет, а двое и в поле воюют; Один говорит – красно, двое говорят – пестро; Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут; Передние колеса лошадь везет, а задние сами идут;*

- противительные: *Лбом красится, а затылок вши едят; Дети крадут, отец прячет; Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Телега дом собирает, а сани разоряют;*

- отношения уточнения: *Что люди говорят, то и сбудется; Знают в Орле, кто живет в добре; Не родом старцы ведутся, а кому бог велит; Что ручки сделают, то спинка износит;*
- условно-следственные (непродуктивная группа): *Воевода приедет, и калачи привезут; Отстанет бог, покинут и добрые люди; Найдет свороб, найдутся и ногти.*

Количественное соотношение субъектов в частях сложного предложения в паремиях данной подгруппы обусловило характер синтаксических отношений в предложении. Такие пословицы, как правило, типизируют человека (или живое существо), дают определение какому-либо явлению, уточняют, конкретизируют сущность явления или человеческой личности и выражают мнение о ком-либо. Лицо, личный деятель в таких паремиях – это лицо, не участвующее в речевом акте, в основном известное, то есть субъект назван, выражен в большинстве употреблений именем существительным: *Не выросла та яблонька, чтоб ее черви точили; Держался авоська за небоську, да оба в яму упали; Мать пазуху прорвала, деткам прячучи, а детки пазухи прорвали – от матки прячучи.*

Следующую подгруппу составили пословицы, глагольные единицы которых имеют форму одного лица, но соотносятся в частях сложного предложения разными формами склонения.

В полисубъектных предложениях глаголы в форме 3 лица условного склонения соотносятся с глаголами в форме 3 лица изъявительного склонения будущего простого времени совершенного вида. В этом соотношении просматривается глубокая закономерность, так как категории времени и склонения органично связаны между собой. Условное склонение не имеет форм времени, а формы будущего времени «обозначают действия, которых еще нет, но которые возможны...»⁵. Будущему простому времени совершенного вида присуще многообразие модальных значений, одно из которых – возможность времени действия. Ирреальная модальность, присущая условному склонению, переносится в план будущего. Условное склонение указывает на обстоятельства, условия, при которых могли бы быть действия, выраженные глаголом будущего простого времени совершенного вида. Наиболее частотным оказался базисный глагол существования *быть* в своем собственном значении (23 употребления): *Не взяла бы лихота, не возьмет и теснота; Прилетела бы чайка, а весна будет; Был бы друг, будет и досуг; Была бы голова, будет и петля; Были бы побрякунчики, будут и поплясунчики; Были бы бумажки, будут и милашки; Были бы крошки, а мышки будут.*

В предложениях такого типа на фоне оппозитивной модальности отношения желательности возможности сопровождают и дополняют условно-следственные отношения.

Форма лица глаголов условного и изъявительного склонения в полисубъектных предложениях определяется аналитическим и синтаксическим способами соответственно. Глаголы условного склонения имеют полную аналитическую модель; главным показателем лица таких форм явились имена существительные в форме именительного падежа.

В моносубъектных предложениях глаголы в форме 2 лица единственного числа повелительного склонения соотносятся с глаголами в форме 2 лица единственного числа изъявительного склонения (и напротив формы 2 лица единственного числа изъявительного склонения соотносятся с формами 2 лица единственного числа повелительного склонения).

Соотношение форм изъявительного и повелительного склонения говорит о том, что в предложении наблюдается взаимодействие общих и частных значений форм изъявительного и повелительного склонения (в обобщенном смысле – это взаимодействие реального и нереального образов действия). Формами изъявительного склонения выражается разная модальность человеческой деятельности: физическая – *поешь, уйдешь, заместишь, вышибешь*; психическая – *веришь, думаешь, любишь*; многообразные состояния как деятельность – *живешь (поживешь, проживешь), помрешь, спишь*; отношения между людьми и т. п.

Для значения форм повелительного склонения обязательным является выражение воли говорящего, адресованной собеседнику, сопровождаемое побудительной интонацией, наличием адресованности действия. Причем в момент выражения воли говорящим действия не происходит, оно может осуществиться только после момента речи. Это проявление общего значения форм повелительного склонения – значения нереального образа действия. Образом форм повелительного склонения выражается волеизъявление говорящего различной степени побуждения: мягкое, умеренное, жесткое.

Связанные с речевой ситуацией моносубъектные предложения сложной конструкции выражают причинно-изъяснительные, уступительные, причинно-следственные, условно-следственные отношения: *Не сердись, печенку испортишь; Сколько ни мудри, а воли божьей не перемудришь; Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем.*

Наиболее продуктивными оказались условно-следственные отношения, которые охватили около 90 % паремий данной подгруппы. На основе анализа отношений и связей между формами склонения в анализируемых текстах были произведены некоторые наблюдения. В 60 % пословиц глагольная единица в форме 2 лица единственного числа изъявительного склонения оформляет главную часть сложного предложения – следствие, а глагол в форме 2 лица единственного числа повелительного склонения – придаточную часть – условие.

В целом такое предложение выражает, как правило, морально-нравственный закон, выведенный на основе нравственно-социального опыта. Например, 2 лицо единственного числа в обеих частях сложного предложения: *Работай до поту, так поешь в охоту; Учи других – и сам поймешь; Ешь горькое, доберешься и до сладкого; Поменьше говори, побольше услышишь.*

В придаточной части называется условие, выполнение или невыполнение которого обуславливает подтвержденный жизненным опытом и временем вывод, закономерность.

В представленных конструкциях проявилось соотношение частных значений форм изъявительного и повелительного наклонения: сознательность, осознанность, целеустремленность, направленность деятельности адресата усиливается выраженной волей говорящего в форме умеренного побуждения (наказ, совет) и жесткого побуждения (приказ, предостережение, запрещение): *На nive потей, в клетки молись, с голоду не помрешь; Пусты черта в дом, не вышибешь его и лбом; Поживешь счастливо, паши не лениво!*

В 40 % паремий глагол в форме 2 лица единственного и множественного числа повелительного наклонения представлен в главной части сложного предложения (следствия), а глагол в форме 2 лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения – в придаточной части сложного предложения (условия). Предложения, формы повелительного наклонения которых оформляют главную часть, а формы изъявительного наклонения – придаточную, имеют содержание волеизъявления, выражают не закономерность, а допущение, рекомендацию, совет, пожелание, наказ, приказ, запрещение и т. д., в зависимости от интенсивности побуждения. Такие предложения в целом охвачены побудительной, а не информативной, интонацией: *Захочешь добра – посыть серебра; Прозеваешь бражку – и водицу пей; Не пеняй на соседа, когда стнешь до обеда.*

В приведенных конструкциях наблюдается соотношение частных значений форм повелительного и изъявительного наклонения: значение неизбежности, неуверенности, невозможности или целеустремленности деятельности, недоброжелательный, созидательный или разрушительный характер деятельности определяет выраженность воли – мягкое побуждение (допущение, пожелание), умеренное побуждение (совет, рекомендация, уговор) или жесткое побуждение (приказ, запрет, отказ): *Не послушался нас, так плачься на себя; Лихо думаешь – богу не молись!; Виноват не виноват, а попался – заплатись!; Коли любишь – прикажись, а не любишь – откажись!; Увели коня, так возьмите и обротъ.*

Таким образом, разные формы наклонения в пословицах сложной структуры несут эстетическую функцию. Не нарушая законов логики, реальный и нереальный образы действия соотносят-

ся друг с другом в моносубъектных и полисубъектных предложениях, определяя соответствие форм лица модальной сущности наклонения (форм 2 лица – изъявительному и повелительному наклонению; форм 3 лица – условному и изъявительному наклонению). При этом подтверждается тезис о единстве содержательной и структурной самостоятельности паремиологического текста.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Суждения, которые заключены в паремиологических текстах, синтаксически оформлены как простые или сложные предложения. В нашем материале 54 % паремий построены по модели простого предложения, 46 % имеют модель сложного предложения. Преобладание паремий структуры простого предложения обусловлено природой пословицы: краткость, сжатость формы присуща пословицам как произведениям устного творчества изначально. Паремии простой и сложной структуры позволили наиболее полно раскрыть динамику народной речи, движение от частного к общему.

2. Паремии сложных синтаксических конструкций распределились на две наиболее продуктивные группы:

1) паремии модели сложного предложения с соотношением разных форм лица, числа, наклонения в частях сложного предложения;

2) паремии модели сложного предложения с соотношением одинаковых форм лица, числа, наклонения в частях сложного предложения.

Самыми продуктивными оказались конструкции с соотношением форм 3 лица и 2 лица или 2 лица и 3 лица (единственного и множественного числа повелительного, изъявительного, условного наклонения). В этом факте просматривается стремление народа соединить в пословичном суждении информативную и дидактическую части в единое сложное целое.

Сведенное к минимуму сложное соотношение форм 1, 2, 3 лица в пределах одной конструкции подтверждает стремление формы пословичного суждения к свернутости, лаконичности.

3. Паремии модели сложного предложения в зависимости от структуры сложного предложения являются выразителями различного рода синтаксических отношений, главенствующее место среди которых заняли причинно-следственные. Это показательный факт, вскрывающий философские, культурологические подтексты. Неграмотные люди, создававшие пословицы, обладали колоссальным жизненным опытом, были наделены житейской мудростью. Глубина осмысления жизни, активная жизненная позиция выражались в простой, но не примитивной форме пословиц. В пословицах народ ставит один из основных, глубинных вопросов философии – «почему?», и сам же в пословицах на него отвечает.

4. Паремиологические тексты сложных конструкций с соотношением форм лица, числа, на-

клонения, а также времени демонстрируют эстетическую наполненность формы. Разные формы лица, числа, наклонения, времени в анализируемых пословицах несут эстетическую функцию. Без нарушения законов логики в паремиях соотносятся субъекты действия, количество субъектов действия, реальный и нереальный образы действия, плоскости прошедшего, настоящего, будущего. Наличие соотношения форм лица, числа, наклонения, времени в паремиях говорит о том, что каждая из пословиц – это и содержательно и структурно самостоятельное произведение устного народного творчества.

¹ Актуальные проблемы современной русистики / Н.М. Шанский, Е.Н. Щелокова, И.Л. Резниченко и др.; под ред. Н.М. Шанского. Л.: Просвещение, 1991. С. 207; Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. С. 464; Белянин В.П. Введение в психолингви-

стику. 2-е изд. М.: ЧеРо, 2000. С. 128; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 138; Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец-тей вузов. М.: Ось-89, 1999. С. 192.

²Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т.2: Проблемы общей психологии / под ред. В.В.Давыдова. М.: Педагогика, 1982. С. 504.

³Аникин В.П. Долгий век пословиц. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1988. С. 3–12; Даль В.И. Напутное. Пословицы русского народа: сборник. В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 5–21; Жуков В.П. О словаре пословиц и поговорок. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. М.: Русский язык, 2000. С.9–21.; Мартынова А.Н. Мудрость и красота. Пословицы. Поговорки. Загадки. Сост. А.Н. Мартынова, В.В.Митрофанова. М.: Современник, 1986. С. 6–17.

⁴Гайсина, Р.М. Синтаксис современного русского языка: Теория. Схемы и образцы анализа. Упражнения: учеб. пос.: в 2 ч. Уфа: Башкирск. ун-т., 2001. Ч. I. С. 135.

⁵Чепасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: уч.-практ. пос. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. С. 141.

Поступила в редакцию 29 мая 2009 г.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОБЩИХ НАЗВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СТУДЕНЧЕСКОМ РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ

А.Ю. Ларионова

ABOUT COMMON MAN NOMINATIONS FUNCTIONING IN STUDENT SPEECH CREATIVITY

A.Yu. Larionova

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования общих (родовых) названий человека / совокупности людей в неформальном студенческом дискурсе, закреплённом в граффити. Содержит наблюдения о специфике данного фрагмента дискурсивного материала, о повторяемости направлений характеристики человека, выводы о преимущественно оппозитивной стратегии репрезентации актуальной признаковости человека и ее специфичной маркированности в дискурсе.

Ключевые слова: общие названия человека / совокупности людей, дискурсив, дискурсивная специфика социотворчества, оппозитивность, маркированность.

The article is devoted to the scientific research of functioning of common (gender) man/people nominations in informal student discourse, fixed in graffiti. The article includes examinations of special features of this discursive material fragment, recurrence of man characterization directions, conclusion about mainly opposite strategy of actual man identifications representation and its specific marking in discourse.

Keywords: common man/set of people nominations, discursive, discursive specific of society creativity, oppositiveness, marking.

Студенческое речетворчество представляет собой систему языковых и предметных предпочтений, отражающих ментальный мир социума, социумно специфичное видение реальной и воображаемой действительности. Предпочтения влияют на организацию дискурса, проявляющуюся, в частности, в лексической разработанности отдельных концептосфер, а также в специфичной маркированности репрезентаций того или иного предмета речи. Лексическую разработанность мы связываем с явлением ключевой лексической парадигмы дискурса, специфичную маркированность репрезентаций – с установлением в сознании языковой личности ассоциативных связей между ментальными и языковыми единицами. По мнению В.П. Нерознака, эти связи контрастируют с ассоциациями большинства носителей языка вне данного социума и представляют собой либо свежие, не возникавшие ранее ассоциации, демонстрирующие креативность сознания, либо ассоциации, проявление которых в данной культуре принято считать асоциальным¹.

Предмет исследования в данной работе составляют особенности функционирования общих

(родовых) названий человека / совокупности людей, репрезентированных 13 номинациями в 116 текстах (примерно 5 % описываемого дискурсивного продукта). Анализ опирается на признание данного фрагмента дискурсивного продукта одним из ключевых (в рамках антропологической парадигмы дискурса) и предполагает исследование особенностей функционирования данных лексем и их контекстного окружения, позволяющее выявить предметные признаки и отношения, синтезируемые в предложениях или группе предложений текстового ряда и отличающиеся социумно специфичной маркированностью.

К общим названиям человека / совокупности людей мы относим зафиксированные в неформальном студенческом дискурсе слова *индивид, индивидуальность, личность (личности), люди, люд, народ, общество, существо, толпа, чел (челы), человек, человечек, человечество*, обозначающие человека как разумное существо (обладающее мышлением, речью) или совокупность таких существ. Нормативное дефинирование данных слов (в МАС) демонстрирует ряд общих признаков. Во-первых, включение во взаимоидентификации, ср.:

Ларионова Алла Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». E-mail: alarionov@bk.ru

Alla Yu. Larionova, candidate of philological science, associate professor of Russian language department, Yeltsin Ural State Technical University – UPI (Ekaterinburg). E-mail: alarionov@bk.ru

индивид – человек, личность; *индивидуальность* – человек; *личность (личности)* – человек, индивидуум; *человек* – существо, личность; *существо* – человек; *люди* – люди; *человечество* – люди; *народ* – люди; *люди* – мн. ч. к человек; *общество* – совокупность людей; *толпа* – люди. Во-вторых, минимизация и обобщенность дифференциальной семантики. Последняя репрезентирована, как правило, указанием аспекта человеческих проявлений без их конкретизации, в частности указаниями «живой», «один, много», «характер», «социальная признаковость», «моральные свойства», «интеллектуальные свойства», например: *индивид* – *отдельный человек, личность; индивидуальность* – совокупность *характерных, своеобразных черт человека, личность; личность (личности)* – совокупность *свойств человека, человек с точки зрения его характера, о человеке с ярко выраженной индивидуальностью, отдельный человек, индивидуум; люд* – *толпы людей, люди, объединенные общностью каких-либо условий (социальных, территориальных и др.); люди* – лица, принадлежащие к *какой-либо среде, характеризующиеся наличием каких-либо общих признаков; народ* – *население, жители страны, государства; нация, национальность, народность; основная трудовая масса населения страны; люди; общество* – совокупность людей, объединенных общими для них *конкретно-историческими условиями* материальной жизни; *существо* – *живой организм; носитель определенного свойства, качества; толпа* – множество, масса людей; *человек* – *живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими; носитель каких-либо внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащий к какой-либо среде, обществу и т. п.; в значении единицы счета (людей); как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств; человечество* – *люди, человеческий род; человеческое общество*. Очерчивание в дефинициях сферы признаков предопределяет аспект их конкретизации в дискурсивах в соответствии с социумно специфичными установками.

Таким образом, специфика данного фрагмента дискурсивного материала видится в сочетании общего характера семантики родовых названий человека / совокупности людей и конкретизированного содержания дискурсивов, позволяющих вычленив характерные для субкультуры когнитивные признаки концепта «человек» и специфичный ракурс их репрезентаций. Небольшим отступлением от данной тенденции выступают единичные фиксации исследуемых лексем в словарной реализации «единицы счета (людей)», например, в дискурсиве *25 тысяч человек*, либо в количественном значении «совокупность людей», например, слово *толпа* в дискурсиве *Король и шут, толпа уродов*, где внимание фокусируется не на общей номинации, а на конкретизированной группой *уродов*, относящейся к парадигме специализи-

рованных названий человека. Между тем, большинство исследуемых словоупотреблений общих номинаций связано с репрезентацией вполне определенных признаков, интересных для социотворчества, специфично маркированных в нем и имеющих референтную перспективу (через признаки одного репрезентируются признаки другого). Так, в дискурсиве *Начинающего художника понимают лишь несколько человек. Знаменитого – еще меньше* функционирование слова *человек* в составе количественно-именного сочетания связано с репрезентацией иронично маркированного признака «разбирающийся в живописи», соотносящегося со смыслом ранжированности людей (творцов и реципиентов их творчества) по опыту и знаниям в сфере искусства. Следует отметить, что большинство контекстных реализаций общих названий человека осуществляется по уже выявленным ранее (в процессе анализа социумно специфичных концептосфер «женщина», «мужчина») направлениям характеристики, а именно: человек в отношениях с другими людьми, деятельностные и поведенческие проявления, черты характера, интеллектуальная характеристика². Более того, в единичных случаях функционирования общих номинаций репрезентация связанного с предметом номинации признака конкретизируется гендерной маркированностью, определяемой на основе содержания дискурсива и дополнительных репрезентантов лица. Например, слово *люди* в дискурсиве *Вот и верь после этого людям, Целовал он меня при луне, А потом взял мои белые груди ...* (в устном варианте многоточие соответствует и *связал их узлом на спине*) конкретизируется последующей местоименной лексемой *он*, указывающей на однозначную репрезентацию мужчины и связанной с ним признаковости. Слово *человек* в дискурсиве *Если человек умеет превратить свои слабости в силу, значит он женщина* включено в дефинирующие отношения со словом *женщина*, репрезентируя признаковость последней. Слово *человек* в дискурсиве *Каждый человек имеет право на лево* предполагает вариативные, гендерно маркированные реализации, репрезентирующие не человека вообще, а женщину или мужчину при доминирующем потенциале последнего, обусловленном традиционным «человек – это мужчина». В подобных случаях результаты анализа исследуемых словоупотреблений пополняют количественно и/или качественно соответствующие концептуальные парадигмы дискурса: «женщина», «мужчина». Кроме того, часть исследуемых словоупотреблений, в частности парное функционирование номинаций «человек – студент», «челы – ботаны» в единичных дискурсивах *Человек становится взрослым, когда в нем умирает студент; Ботаны forever! Рульные челы!* пополняет также признаковость концепта «студент».

В исследуемом материале обращает на себя внимание та часть дискурсивов, в которых с общими названиями человека связано выражение

обычных (не отличающихся оригинальностью, банальных) признаков. Например, признаки «хотеть жить» в дискурсиве (1) *Если человек по-настоящему хочет жить, то медицина бессильна; «подвергаться воздействиям каких-либо явлений внешней среды»* в дискурсиве (2) *При прохождении через человека тока величиной 0,01 ампера наступает летальный исход, после чего он летать уже не может...; «быть разумным существом (не животным)»* в дискурсиве (3)³. *Самое страшное бога проклятье – это проклятье – быть человеком; «заниматься созидательной деятельностью»* в дискурсиве (4). *Для потехи во всем свете люди строят Политехи, а потеха из потех – Ярославский Политех* и др. Экспликация банальных признаков в условиях бравадного, игнорирующего табу дискурса рассматривается нами как речетворческий прием, нацеленный на репрезентацию оригинального содержания и достижение определенного эффекта его восприятия: комического, сингулярного (идушего вразрез с ожиданиями), абсурдного. Общим основанием создания такого эффекта в большинстве случаев выступает отклонение от нормы (лингвистической, этической, ментальной) в ее традиционном представлении, отражающее принципиальный для социотворчества оппозитивный подход к признаковой дифференциации предмета речи. Так, в приведенных дискурсивах (1, 2) актуализованный в связи со словом *человек* признак «погибающий / не погибающий под воздействием обстоятельств» соотносится не просто с табуированной тематикой смерти, но противоречащей традиции ее ироничной репрезентацией. В одном случае смерть репрезентируется как абсурдный результат усилий медиков, потенцируя отрицательно маркированный имидж современной медицины и обеспечивая социальное звучание дискурсива. Во втором случае смерть репрезентируется как абсурдный результат экспериментального воздействия электрическим током на человека, символизирующий уничижительное отношение к человеку как подопытному существу. В дискурсиве (3) актуализованный в связи со словом *человек* признак «плохо быть человеком» предполагает, как минимум, двойственную интерпретацию. Одна из интерпретаций находится в явном противоречии с традиционным представлением «надо быть (достойным, порядочным) человеком», другая соотносится с абсурдным утверждением «хорошо быть животным».

В дискурсиве (4) актуализованный в связи со словом *люди* признак «занимающийся ненужным делом», в котором семантика ненужности репрезентируется контекстным указанием «для потехи», противоречит представлению о рациональности и полезности человеческой деятельности вообще и о важности строительства объектов культуры, в частности. Уничижительная репрезентация человека здесь имеет целью в аналогичном ракурсе репрезентировать конкретное учебное заведение и его

социумно специфичную оценку в аспекте престижности.

Как видим, функционирование общих названий человека в дискурсе представляет собой яркий фрагмент реализации оппозитивной стратегии социотворчества. Оппозитивность проявляется уже в том, что с общими названиями человека в дискурсе связаны репрезентации не только обобщений, но и конкретизированной предметности и признаковости предмета номинации, а также в том, что актуальная признаковость репрезентируется преимущественно на основе контраста ментальных и социумно специфичных представлений об определенных фрагментах действительности и человеке в них.

Создание оппозитивного стиля репрезентаций в дискурсе поддерживается активным использованием приемов, потенцирующих поляризацию семантики, смысловые сдвиги слов и выражений, вплоть до абсурдизации содержания. С этой целью, например, в дискурсивы одновременно могут быть включены: а) пары общих (родовых) номинаций человека / совокупности людей или пары родовидовых номинаций, репрезентирующие признаковые оппозиции предметов номинаций; б) пары противоположных признаковых лексем / сочетаний, относящихся к одной номинации человека, обозначающей один предмет / одну совокупность предметов. Примером первого выступают лексические пары «человек / человек» в дискурсиве *Человек может быть только добрым и злым, а добреньким или злым может быть только человек*; «человек / женщина» в дискурсиве *Несмотря на то, что женщина несколько миллионов лет живет рядом с человеком, в ее поведении и образе жизни остается еще много загадочного и непонятного; «люди / (люди)»* в дискурсивах *Хороших людей много! Полезных мало... и Хорошие люди после смерти попадут в США, а плохие в Сомали*. Примером второго выступают лексические пары «высокий / маленького роста» в дискурсиве *Шел высокий человек маленького роста ...; «порядочный, скромный / не умеет этого показать»* в дискурсиве *Бывает так, что человек и порядочный и скромный, а вот не умеет этого показать; «ум / характер»* в дискурсиве *Индивидуальность человека несравненно чаще проявляется не в уме, а в характере*. Одновременное включение нескольких родовых или родовидовых номинаций человека / совокупности людей, а также противоположных признаковых лексем / сочетаний осуществляется преимущественно с опорой на антонимичные в своей основе приемы. Наиболее частотным здесь является использование лексической и контекстно обусловленной антонимии. Например, зафиксированы лексические антонимы *купить / продать* (человека), *добрый / злой* (человек); контекстные антонимы *человек / человек*, *знаменитый / начинающий*, *хороший / полезный*, *США / Сомали*, *рокировки / мат*, *добрый / добренький*, включая проявления языковой игры, к

которым относится квазипаронимичное использование слов *летальный / летать* с антонимичной дифференциальной семантикой «быть недвижимым» и «легко передвигаться», квазиантонимичное использование слов *право / лево* в соответствующих сочетаниях «иметь право» и «ходить налево (изменять)». К приемам создания оппозитивного стиля репрезентаций относятся также перифрастические экспликации противопоставлений и опора на энантиосемичное развитие семантики. В качестве примера перифрастического противопоставления приведем оппозицию *порядочный, скромный / не умеет этого показать* в дискурсиве *Бывает так, что человек и порядочный и скромный, а вот не умеет этого показать*, где признак *не умеет этого показать* фактически отрицает положительно маркированные *порядочный, скромный*, актуализируя отрицательно маркированный признак «непорядочный». В качестве примера энантиосемичного развития семантики приведем использование прецедентного *медицина бессильна*, традиционное значение которого «медики сделали все, чтобы спасти пациента, но не спасли» контрастирует с социумно специфичной репрезентацией «медики сделали все, чтобы пациент умер, но пациент выжил».

Как показывает материал, в связи с функционированием общих названий человека наиболее актуальными сферами репрезентации противопоставлений выступает сфера характеристики морали, духовного облика современного человека и сфера характеристики мужчины или женщины. Характеризация осуществляется, как правило, на подчеркнутом контрасте (эксплицитном или имплицитном) традиционных и социумно специфичных представлений. Так, в дискурсиве *Несмотря на то, что женщина несколько миллионов лет живет рядом с человеком, в ее поведении и образе жизни остается еще много загадочного и непонятного* использование лексической диады «человек – женщина» нацелено на уничижительную репрезентацию женщины как нечеловека, соответствующую мифологическому «человек – это мужчина» и противоречащую логическому «люди – это мужчины и женщины». В дискурсивах *Вот и верь после этого людям, Целовал он меня при луне, А потом взял мои белые груди ...; Каждый человек имеет право на лево* актуальные признаки «нарушающий семейные / любовные отношения, изменяющий партнеру» и «не заслуживающий доверия», характеризуют мужчину или женщину, репрезентируют моральный аспект признаковости, противореча ментальным представлениям о единстве семьи и о вере, без которой русским «нельзя жить». В дискурсивах *Люди не врут: это правда меняется; Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых* номинация *люди* связана с имплицитными признаковыми оппозициями «говорить правду / неправду», «нарушать / соблюдать закон», при этом актуальными выступают нега-

тивно маркированные признаки «говорить неправду», «нарушать закон». В дискурсиве *Человек может быть только добрым и злым, а добреньким или злым может быть только человек* оппозиции *человек / человек, добрый / злой, добренький / злобный* призваны репрезентировать наблюдаемую в реальности противоположность «человек достойный, порядочный» и «человек мелкий, низкий в мыслях и поступках». В дискурсиве *Хороших людей много! Полезных мало...* признаковое противопоставление *хороший / полезный* актуализует смысл (предпочтение выгодных людей людям порядочным), отражающий доминирующую мораль в современном мире. В дискурсиве *Хорошие люди после смерти попадут в США, а плохие в Сомали* признаковое противопоставление *хороший / плохой* через систему иных оппозиций, эксплицитных, имплицитных и ассоциативных (духовная награда за добродетель – духовное наказание за преступление, рай – ад, поминание добрым словом – поминание плохим словом или забвение, США как мировой лидер – Сомали как страна третьего мира, высококомфортная и малокомфортная жизнь), репрезентирует признак «стремящийся к материальным благам», противоречащий духовным приоритетам в русской ментальности.

Анализ парного функционирования общих названий человека / совокупности людей или родовидовых номинаций, а также признаков лексем / сочетаний, определяющих одного человека / совокупность людей, позволяет отметить ряд особенностей. Одна из них заключается в нацеленности исследуемых номинаций на репрезентацию «особой» признаковости, приписываемой предмету номинации и имеющей особую значимость для содержания дискурсива. Так, в дискурсиве *Если человек умеет превратить свои слабости в силу, значит он женщина* эксплицитная пара номинаций «человек – женщина» репрезентирует женщину как человека, обладающего особым, характерным только для нее качеством «хитрость, изворотливость». В дискурсивах *Человек становится взрослым, когда в нем умирает студент; Ботаны forever! Рульные челы!* эксплицитные парные номинации «человек – студент», «челы – ботаны» репрезентируют студентов как людей, занимающих особое положение среди иных социумов, и как группу людей (челов), занимающих особое положение в самом студенческом социуме. В дискурсиве *В этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты весь мир!* предикатная оппозиция «всего лишь человек – весь мир» имеет целью передать смысл особой значимости любимых людей (в сравнении с людьми, не являющимися предметом любви). В дискурсиве *Нет такой чистой и светлой мысли, которую русский человек не смог бы выразить в грязной матерной форме* имплицитная оппозиция «человек – русский человек» призвана репрезентировать мысль об особом каче-

стве русских – их приверженности к выражению мыслей и чувств в вульгарной, бранной форме. В дискурсиве *В наше ненормальное время любой нормальный человек ненормален уже тем, что он нормален* через повторы слов *нормальный, ненормальный* выражается особое качество современных людей «оставаться людьми» при невероятном темпе и непростых условиях жизни.

Другой особенностью парного функционирования общих названий человека / совокупности людей и связанных с ними атрибутивных лексем / сочетаний выступает доминирующая маркированность актуальной признаковости, представленная в дискурсе негативом восприятия предмета речи, его признаковости (отношение к предмету речи, оценка предмета речи) либо его абсурдизацией. Так, в дискурсиве, повторяющем прецедентный текст, *Шел высокий человек маленького роста ...* безусловно актуальным выступает одновременное приписывание предмету противоположных признаков (внешних данных), создающее образ несуществующего или безмерно противоречивого человека. Нарушение логики противопоставления, затрудняющее восприятие, наблюдаем в дискурсиве *Индивидуальность человека несравненно чаще проявляется не в уме, а в характере*. Оппозиция «ум – характер» демонстрирует претензию на творческую находку, экспрессивизирующую дискурсив, однако противоречит единству наблюдаемых поведенческих проявлений человека и его ненаблюдаемой мыслительной деятельности. Обращение к словарно-нормативной презентации слова *индивидуальность* также не дает оснований для разграничения мыслительных и поведенческих признаков человека. Ср. в МАС: *индивидуальность* – 1. Совокупность характерных, своеобразных черт, отличающих какого-либо человека от другого. 2. Человек как носитель личных, характерных для него признаков, свойств; личность.

Анализ материала позволяет отметить, что актуализация отрицательно маркированных признаков является значительно более частотной в исследуемом дискурсе. Примером служит факт предпочтения эксплицированной отрицательной характеристики человека в дискурсиве *Мелкие дела порождают и мелких людей* при очевидности имплицитного положительно маркированного члена оппозиции «большие дела для больших людей». Очевидна актуализация отрицательного признака «не разбирающийся в проблеме функционер» в связи с использованием слова *личности* в дискурсиве *По мнению некоторых личностей, студенты – единственная часть общества, которая может выжить без денег*, репрезентирующем социальную проблему нищенского финансового положения студентов. В дискурсивах *...Быть одному потому, что людей не осталось...; Меня окружали милые, добрые люди, медленно сжимаемая кольцо; Вытъем за хороших людей – нас так мало осталось* оппозиция «я (мы) – они»,

«плохих людей много – хороших людей мало (нет)», «милые, добрые – сжимать кольцо» нацелены на актуализацию отрицательно маркированного признака «плохие, злые (люди)». В дискурсиве *Бывает так, что человек и порядочный и скромный, а вот не умеет этого показать* одновременно приписываемые предмету противоположные признаки (проявлений характера) создают образ человека, чьи поступки не соответствуют внешнему благопристойному имиджу, т. е. человека лживого, лицемерного, подобные качества которого в традиции всегда оценивались отрицательно. Аналогичную актуализацию отрицательно маркированного признака *давит всех* на фоне контраста с положительным качеством *реальный* в значении «разумный, правильный» наблюдаем в дискурсиве *Вова Мт-16081 Реальный чел он давит всех*. В дискурсиве *Если человека нельзя купить, то его можно продать* оппозитивная признаковость «человек, которого можно купить – человек, которого можно продать» репрезентирована на основе нарушения традиционной сочетаемости глаголов *купить, продать* с названиями неодушевленных предметов либо животных. Оппозиция призвана репрезентировать социумное специфичное видение отношения в современном мире к таким положительно маркированным в традиции качествам человека, как принципиальность, неподкупность. Актуальным здесь выступает признак «испытывающий отрицательное воздействие со стороны, наказываемый за принципиальность». В ходе анализа материала мы не раз обращали внимание на характерность для дискурса обобщенного признака «подвергающийся отрицательному воздействию», по-разному конкретизированного в довольно большом количестве дискурсивов. Повторяемость свидетельствует о его особой значимости для дискурса, отражая осознание процесса редукции ментально позитивных представлений о человеке в современной культуре. Так, в дискурсиве *Все люди живут по одним принципам, но по-разному их нарушают* в признаковой оппозиции «соблюдать – нарушать принципы» в качестве актуального признака человека выступает признак «беспринципность». Следует отметить, что в отдельных случаях дискурсивы не отступают от традиционных представлений, однако внимание здесь привлекают те качества, которые в народе всегда маркировались как отрицательные. Так, в дискурсиве *Жизнь как шахматы: в правительстве регулярные рокировки, в народе – сплошной мат* оппозиции «народ – правительство» и «мат – рокировки» призваны актуализировать характерные для русского народа признаки «недовольный политикой государства» и «выражающий недовольство с помощью бранной, вульгарной лексики» (или в истории – с помощью дубины). Содержание дискурсива призвано репрезентировать социальный характер актуального признака, противореча при этом его этическому аспекту (решать проблему неагрессив-

ным способом). В дискурсиве *Водка – враг народа, но наш народ врагов не боится!* оппозиция «бояться – не бояться врага» реализуется на основе контраста характерных для русских, противоположно маркированных в традиции качеств: положительного «смелость» и отрицательного «алкоголизм».

Резюмируя анализ функционирования общих названий человека / совокупности людей в неформальном студенческом дискурсе, отметим ряд особенностей. Во-первых, функционирование общих названий человека / совокупности людей отличает повторение направлений характеристики человека, специфичных для дискурса в целом. Наиболее частотной здесь выступает характеристика поведенческих проявлений и черт характера человека, отражающих моральный облик человека / общества. Во-вторых, функционирование общих названий человека / совокупности людей связано с обобщенными и конкретизированными, частными и социально значимыми признаковыми репрезентациями человека. Выявленный признаковый ряд демонстрирует как традиционную (ожидаемую, в том числе банальную), так и социумно специфичную (неожиданную, оригинальную) признаковую предмета номинаций. В-третьих, совмещение общего характера семантики названий человека и тенденции к конкретизации признаков предмета

номинации нацелено в дискурсе на репрезентацию признака в качестве актуального и типичного с точки зрения продуцента. В-четвертых, актуальная признаковая человека репрезентируется преимущественно на основе принципа оппозитивности и характеризуется доминирующей отрицательной маркированностью, выраженной в признаках «объект отрицательного воздействия», «носитель негативного качества» и соответствующей социумно специфичному видению «предмета».

¹ Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // *Язык. Поэтика*. Перевод: сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112–116.

² Ларионова А.Ю. Концепт «женщина» в студенческих граффити // *Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 375–383; Ларионова А.Ю. Концепт «мужчина» в студенческих граффити: разнообразие номинаций и социумно специфичная маркированность // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. СПб., 2008. В печати.

³ Ларионова А.Ю. Концепт «мужчина» в студенческих граффити: разнообразие номинаций и социумно специфичная маркированность // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. СПб., 2008. В печати.

Поступила в редакцию 1 декабря 2008 г.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АНЕКДОТОВ

О.А. Турбина, Д.Б. Рязанцева

HISTORICAL VIEW ON FORMATION OF THE TEXTS OF RUSSIAN AND AMERICAN ANECDOTES

O.A. Turbina, D.B. Ryazantseva

Рассматривается специфика национального языкового сознания русских и американцев, отражающаяся в речемыслительной деятельности индивида. Автор изучает, как в ходе истории становления нации происходит формирование русского и американского анекдотов, что позволяет выявить национальную концепцию передачи комического смысла: особенности структурной организации анекдота, основные средства передачи комического.

Ключевые слова: анекдот, национальное языковое сознание, структурная организация, двойственность, комический смысл.

The article deals with Russian and American peculiarity of national language consciousness, which is reflected in speech-cogitative activity. The author of the article analyses how the course of formation of the nation influences the organization of Russian and American anecdotes. It helps to reveal national conception of rendering comical sense in the anecdote: its peculiarity of structural organization, the main language means of rendering comical sense.

Keywords: anecdote, national language consciousness, structural organization, ambiguity, comical sense.

Весь жизненный опыт и все достижения культуры, особенности развития нации фиксируются в языке, находят в нем зеркальное отражение. Национальное языковое сознание складывается по мере развития национального языка. Оно охватывает обширную область национального общественного сознания и представляет собой специфический, основанный на интерпретации способ отражения универсума и формируется в процессе речевой деятельности (языкового бытия) на основе единства когнитивно-психических процессов, посредством которых осуществляется осмысление языковым коллективом объективного мира и своего бытия в нем. В языке закрепляется не только общечеловеческий, но и национальный опыт, который находит отражение в специфических национальных особенностях языка на всех уровнях. В этой связи мы можем говорить о наличии особой национальной языковой картины мира русских и американцев, и соответственно о специ-

фике формирования текстов анекдотов, складывающихся в ходе истории становления нации и отражающих особенности стиля эпохи.

Структура и особенности современных анекдотов во многом определяются историей появления и становления текстов, направленных на реализацию комического эффекта. Особенности формирования текстов анекдотов отражали не только сущность категории комического, но и условия социально-общественных отношений. Анализ истории развития русского и американского анекдотов позволит нам выявить национальную концепцию передачи комического, объяснить особенности структурной организации анекдота, его объем и компрессивность информации.

История развития русского анекдота

В истории становления русского анекдота выделяются две линии: народная и литературная. Народная линия характерна для этапа появления

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: toa@susu.ac.ru

Рязанцева Дарья Борисовна, аспирант кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О.А. Турбина. E-mail: lingda@mail.ru

Olga A. Turbina, PhD, professor, head of the chair of General Linguistics, SUSU. E-mail: toa@susu.ac.ru

Daria B. Ryazantseva, postgraduate, chair General Linguistics SUSU. Scientific Supervisor – Turbina Olga Alexandrovna, PhD, professor. E-mail: lingda@mail.ru

и становления русского анекдота и прослеживается со времен Древней Руси до середины XVIII века. Становление русских анекдотов связывается с появлением *смеховых произведений*. Если заглянуть в историю русского юмора, то можно обнаружить, что только царским шутам было позволено «молвить слово правдивое» подле царского трона, а поэтому к нему прислушивались с особым вниманием. Характерной особенностью такого смеха являлась направленность на самого смеющегося. «Смеющийся чаще всего смеялся над самим собой, над своими злоключениями и неудачами», в скрытой и открытой форме критикуя существующий мир¹. Именно тогда появилось сложение *коротких смешных историй*, смысл которых был двояким. Наказания всегда можно было избежать, если подтекст оказывался настолько тонким, что судьи не могли его доказать. Но как только затрагивались интересы сильных сил, их свобода и жизнь зависела от власти тех, на кого была направлена критика. Таким образом, анекдоты были ничем иным, как возможностью вслух высказывать свое собственное мнение.

Мир в смеховых произведениях представлялся двуплановым: мир настоящий, организованный и мир ненастоящий, неорганизованный. Первый мир олицетворял благополучие, второй – неустрашенность жизни. Д.С. Лихачев выявляет определенную схему построения антимира в смеховом тексте: разрушить значения и упорядоченность знаков; обесмыслить их; дать им неожиданное и неупорядоченное значение; создать неупорядоченный мир, мир без системы, мир нелепый². Соответственно упорядоченность знаковой системы мира настоящего соотносилась с перевернутым образом мира (ненастоящим миром), для которого была характерна спутанность значений. Комический смысл в смеховых произведениях передавался за счет разрушения упорядоченности знаковой системы реального мира и ее отражения в перевернутом образе мира.

Отметим, что, хотя для смеховых произведений не был характерен определенный объем текста, противопоставление двух миров представлялось в каждой строке или паре строк. Основными средствами создания двух миров для реализации комического эффекта являлись *сокрытие адресата, создание нереального времени*. Например, шутовская челобитная XVII века, в которой образ адресата для создания комического эффекта намеренно скрыт: «*Ис поля вышел, из лесу выполз, из болота выбрел, а неведомо кто*»³. В данном примере противопоставляется настоящий мир, представленный языковыми единицами *поле, лес* и ненастоящий, актуализирующий языковой единицей нехарактерной для первого мира: *неведомо кто*. Из той же шутовской челобитной XVII века процитируем другой пример: «*Дело у нас в месяце саврасе, в серую субботу, в соловой четверк, в желтой пятюк*»⁴. Употребление языковых единиц

– *суботу, четверк, пятюк* – противопоставляемых в одном периоде времени создает комических эффект за счет нереальности создаваемого периода времени.

На данном этапе становления смеховых произведений для текстов характерно представление двойственного мира (реального мира и перевернутого образа мира) для передачи комического смысла за счет нарушения отношений между языковыми единицами в знаковой системе. Реализации комического эффекта способствует связывание двух языковых единиц по некоторому неожиданному отношению, нехарактерному для данных единиц.

Отметим, что в XVII веке формирование текста анекдота продолжается вслед за изменениями стиля эпохи. Именно в этот период в эстетической мысли выделяется направление барокко. Особенности этого стиля проявляются не только в архитектурных сооружениях, но и в литературе, что в дальнейшем и определили специфику текстов литературных произведений, в частности, смеховых. Основными представителями данного направления являлись Бальтасар Грасиан-и-Маралес, Эммануэле Тезауро и Маттео Перегрини, которые изучали остроумие. «Барочное остроумие – это умение сводить несхожее. Основой остроумия является метафора, связывающая предметы или идеи, кажущиеся бесконечно далекими»⁵. Сущность комического остается неизменной – противоречивость, но асимметричность текста, характерная для барочного стиля эпохи, в наибольшей степени теперь признается универсальной для создания двойственности мира. Лихачев Д.С., изучая смех XVII века, отмечает его связанность с раздвоением: «смех открывает в одном другое – не соответствующее»⁶. На наш взгляд очевидно сходство идеи двойственности мира, асимметричности в истории становления анекдота и формирования эстетического направления барокко. Объясняется это тем, что для всех видов искусства была характерна единая социально-экономическая обусловленность. XVII век определил структурную организацию анекдота (начало и концовка), характерную и для текстов современных анекдотов.

Тема двойственности сохраняется в XVIII веке. Самым ярким смеховым произведением того времени считается «Повесть о Фоме и Ереме». Это повесть о похожих друг на друга комических персонажах, оказывающихся в сходных, бедственных ситуациях. Созданный для них нереальный, состоящий только из одних несчастий мир противопоставляется реальному миру. И в XVIII веке, и в XVII веке в тексте создавалась двуплановость мира. Но особенностью смеховых произведений XVIII века в отличие от XVII века являлось то, что противопоставление языковых единиц осуществлялось в рамках только осмеиваемого мира, то есть идея о сопоставлении реального и нереального мира не получает своего дальнейшего развития. Построение текста осуществлялось на основе

грамматического или звукового сходства двух частей, на которые распадается изложение. Обе части строились синтаксически сходно, хотя синтаксическое повторение редко бывало полным повторением. Одинаковым было в обеих частях смехового повторения положение подлежащего и сказуемого, например, «*Ерему в шею, а Фому в толчки*».

Основные средства, которые использовались при написании смеховых произведений в XVIII веке, являлись следующие:

- фонетическая близость окончаний

Липовые два котла, да и те згорели дотла.

Сосновой кувшин да везовое блюдо в шесть аршин.

Приведенный пример взят из смехового произведения «Роспись о приданном», в котором раздвоение касается только осмеиваемого мира. В тексте это отражается в двойном построении фраз, в разбивке каждого стиха на две части. В каждой фразе осуществляется сопоставление языковых единиц: *котла – дотла* на основе фонетической близости окончаний, такое неожиданное совмещение единиц производит комический эффект;

- рифменное созвучие

Радуйся, с добрыми людьми поброняся, а в хлебнее сидя веселяся!

Радуйся, тив воду, а ныне и воды в честь!

Комический эффект в данном примере осуществляется на основе рифмовки несопоставимых в смысловом отношении понятий: *поброняся, веселяся*, то есть «игра на чисто звуковом соответствии»⁷ связывает новыми, нетипичными отношениями языковые единицы;

- нарушение причинно-следственных связей
*А как хозяин станет есть,
так не за чем сесть...*

В цитируемой фразе из «Росписи о приданом» отрицание возможности реализации действия *хозяин станет есть* во второй фразе *не за чем сесть* приводит к нарушению причинно-следственных связей типичной ситуации: *когда хочешь есть, нужно сесть за стол*. Отрицанием создается двойственное понимание осмеиваемого мира, что производит комический эффект.

Итак, смеховое произведение XVII и XVIII веков представляло собой текст, в котором комический смысл передавался за счет соотнесения языковых единиц в смысловом отношении не связываемых, что передавало двойственность понимания. Для структуры текста была характерна асимметричность начала и концовки, закрепившаяся в эпоху барочного направления, что позволяло передавать двойственное представление об осмеиваемом мире.

С середины XVIII века получает развитие вторая, литературная линия становления русского анекдота. В этот период в России оформились как особый литературный жанр *исторические анекдоты* – короткие рассказы о событиях или происшествиях из жизни исторического лица на-

воучительного характера. Особую популярность они приобретают в пушкинскую эпоху⁸. На формирование русского анекдота в этот период большое влияние оказывает европейская культура, откуда появилось и само слово, греческое *anecdotos* – «неизданный, неопубликованный», применявшееся в форме множественного числа *anecdōta* к обозначению впервые издаваемых старых рукописей. Позднее, очевидно через посредство итальянской культуры, где *анекдот* приобрел новый смысл, сблизившись по содержанию с родственными жанровыми формами *фаблю* («рассказ, басня») и *фацеция* («шутка»), а также через французскую литературную традицию, *анекдот* в старом, классическом его понимании попадает в русскую элитарную культуру, распространяется в узком слое образованных людей и остается очень популярным вплоть до середины XIX века⁹. Например, *Жена Педрилло была нездорова. Ее лечил доктор, спросивший как-то Педрилло: – Ну что, легче ли жене? Что она сегодня ела? – Говядину, – отвечал Педрилло. – С аппетитом? – любопытствовал доктор. – Нет, с хреном, – простодушно изъяснил шут. (Книга четырех шутов, 1869: 140)*. В данном анекдоте создается ситуация, направленная на определенную реакцию читателя, но в концовке происходит нарушение устоявшихся в языковой системе отношений, что реализует комический эффект.

Таким образом, смеховые произведения, характерные для периода до середины XVIII века, сменяются анекдотами, сохраняя при этом формальную специфику короткого рассказа социальной направленности и двухчастную структуру для реализации двусмысленности. Основное отличие народного анекдота (смехового произведения) от литературного анекдота заключается в том, что если до XVIII в. анекдот представлял собой рассказ, направленный на самого автора, то впоследствии объектом осмеяния становятся поступки других людей.

К XX веку, в период демократизации и снижения элитарной культуры анекдот приобретает все большую популярность. Этот этап в развитии русского анекдота можно обозначить как период появления *политических анекдотов*. Сильнейшим стимулом для развития политического анекдота стало установление тоталитарного режима в Советском Союзе, так как именно в подтексте анекдота люди стали выражать свой протест против существующего режима, тем самым, компенсируя отсутствие свободы слова и действий. Анекдот приобретает характер рассказа злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутилкой или сатирической окраской, становится основным жанром преимущественно городского фольклора¹⁰. Например, *Приехал корреспондент в деревню, спрашивает колхозницу: – У вас председатель перестроился? – Да. – А партсекретарь? – Тот же. – А агроном? – Агроном еще не успел: лесу не хватило. (История СССР в анекдотах, 1991: 234)*. Главными

героями анекдотов были политические деятели, высмеивание действий и поступков которых становилось основным содержанием текста. Тем самым, люди в неявном виде показывали свое отношение к происходящим событиям.

Становление русского анекдота осуществлялось по линии от смеховых произведений царских шутов над собой до собственно анекдотов, в которых высмеиваются поступки других людей. Асимметричность комического текста сохраняется на протяжении всей истории формирования текста анекдота и на современном этапе функционирования определяет текстовую структуру анекдота, но если смеховые произведения до середины XVIII века (народная линия) строились по принципу двучастности каждой фразы в произведении, то впоследствии построение всего текста анекдота носит двучастный характер. Мы объясняем это, прежде всего, тем, что до XVIII века в смеховых произведениях шло противопоставление двух миров – настоящего и ненастоящего, а последующее развитие анекдота представляло передачу комического смысла противопоставлением языковых единиц, отражающим представление только об одном осмеиваемом реальном мире.

История становления американского анекдота

Американский анекдот зарождается на основе представлений первых американских поселенцев о бескрайних просторах, изобилии природы на новом континенте – Америка. Так, XVII век Г. Хилл характеризует следующим образом: «ранние периоды были очень трудными, но ... как только жизнь в Новом мире становилась лучше, все большее распространение получали слухи о природной и суперприродной силе материка»¹¹.

Первопроходцы с каждым годом все больше и больше узнавали об Америке «невероятных историй о флоре, фауне, коренных жителях, географии», а затем «давали правдивые или неправдивые, но более или менее возможные объяснения» своим открытиям. Со временем эти истории становились комичными, основываясь на «неправдивых заявлениях о великолепии или ужасах новой страны»¹². Причем многие из первопроходцев имели проблемы с законом, а кого-то влекла страсть к легкой наживе, поэтому американский юмор считался бесшабашным, открытым, был средством разрядить обстановку, отвлечься от опасной жизни¹³. Отличительной особенностью построения текста американского анекдота является не сопоставление разных языковых единиц по нехарактерному отношению, противопоставляя

Some declared it was a savage of a nation hitherto unknown, others that it was an Indian conjuror, in one of their quaint disguises; others again (these were the travelled men) were strongly of opinion that it was an Englishman of fashion, dressed in a driving coat. Some few ventured to differ from the rest, and said they thought it looked very like a bear. A quiet Yankee... suggested that, be what it might, they

два мира, как в русских анекдотах, а перенос существующих отношений между языковыми единицами нереального мира в реальный. Именно поэтому *гипербола* являлась основным средством создания комического, основной и единственной формой которого является *tall tale* – «рассказ с преувеличением».

Для первопроходцев были характерны так называемые *длинные рассказы*, излагаемые какому-нибудь наивному приезжему. Так, например, в 1714 году один из приезжих в Северную Каролину сообщил «о существовании огромного тюльпанового дерева, на котором жил сильный мужчина... до тех пор, пока ему не дали обустроенный дом». Смысл таких рассказов в том, что новичок никогда не знает наверняка, разыгрывают его или нет, а у всех остальных на этот счет нет сомнений. В силу этого многие американские анекдоты следуют постоянно осмысливать и переосмысливать. Такие комические истории, обыгрывающие особенности нового материка, распространялись по миру. К сожалению, история американских анекдотов недостаточно исследована, вероятно, по причине того, что, в основном, анекдоты передавались устно, поэтому в литературных источниках редко встречаются примеры таких рассказов. В настоящее время этот вопрос остается открытым для дальнейшего изучения.

В XIX веке с формированием буржуазного общества и утверждением «американской мечты» (богатым не рождаются, а становятся) природа комического становится разоблачителем клише и стереотипов¹⁴. Основное внимание акцентируется на особенностях человеческой натуры в большом городе. Именно в этом заключается основное отличие американской культуры от европейской. Американцы любят тонкий розыгрыш, каламбур или шутку, которые выражаются либо в юморе над собой, либо в розыгрышах. В этот период рассказы об Америке не просто передаются, а фиксируются писателями в книгах, например, James Kirke Paulding «Travels in North America in 1827–28» (Джеймс Кёрк Полдинг «Путешествия по Северной Америке в 1827–28»), Frances Trollope «Domestic Manners of the Americans» (1832) (Френсис Трлоуп «Манеры американцев»). Основная цель американцев заключалась в том, чтобы обмануть приезжего, а затем с удовольствием посмотреть на свою ложь, опубликованную писателем. Например, рассказ Френсис Трлоуп о медведе, который сбросил индейца с каноэ, занял его место, опустошил фляжку виски, отправившись затем в Новый Орлеан.

Некоторые говорят, что это был дикарь неизвестного до сих пор народа, другие – что это был индейский волшебник в одном из своих причудливых обликов; путешественники были уверены, что это был англичанин, занимающий высокое положение в обществе. Другие хотели отличаться от других и говорили, что он был похож на медведя. Тихий янки ... заметил, что кто

should have a better chance with it on land than on water, and proposed that a hook, attached to a cord of prudent length, should be cast in such a manner as to enable them to draw the canoe to shore. The proposal was acted upon. The prow again touched the land, and the stranger, uttering one loud growl that speedily cleared him a passage, gave another spring that placed him high and dry on land... ran through the wondering throng... and soon found shelter in the woods.

The Indian, on repossessing his canoe and finding the whiskey gone, philosophized: "Did he too learn to love it? ... Poor beast! If he tasted it, how could he help it?"

Комические истории периода XVII–XIX веков можно охарактеризовать как длинные смешные истории, чаще всего основанные на лжи; преувеличенные слухи.

К 1960 году сюжетные особенности комических историй оформились до конца, длина историй сократилась, хотя и продолжала изменяться от историй в одно предложение до рассказов. Циничные американские рассказчики в первой части своих историй вызывали недоверие слушателей, а разрешали его в кульминации¹⁵. Учеными также отмечается наличие большого числа анекдотов с черным юмором, то есть анекдотов, основанных на нелепости и связанных с областью человеческих страхов. Причина определяется опять же историей освоения Америки, связанной с существующими опасностями на новом неизвестном континенте.

В американской языковой культуре анекдот называется *joke, canned joke, funny story* («шутка, забавная, смешная история»). Источники комического американского анекдота варьируются от забавных нелепостей быта и человеческой природы до резкой критики социальных институтов. И в русских, и в американских анекдотах прослеживается социальная направленность как критика человеческой природы, но в американских анекдотах чувствуется еще и жизнеутверждающая сила, отражающая причины зарождения анекдота как способ отвлечься от опасностей на новом континенте, а также отражающая традиционную приверженность американской мечте.

Национальная концепция комического русских и американцев имеет как сходные, так и специфические особенности, формирующиеся в ходе истории русских и американских анекдотов. Становление американских и русских анекдотов проходит по двум линиям: от народной (XVII–XVIII вв.) и литературной (XIX–XX вв.). Американским анекдотам предшествовали слухи первопроходцев о новом континенте, которые впоследствии оформлялись в длинные рассказы о нелепости человеческой природы или о критике социальных институтов. Русские анекдоты имеют более длинную историю, им предшествовали смеховые произведения шутов периода Древней Руси, которые были направлены на осмеяние самого автора.

бы он ни был, лучше с ним встретиться на суше, чем на воде, и предложил, чтобы крюк, прикрепленный к веревке достаточной длины, закидывался таким образом, чтобы можно было дотянуть каное до берега. Так и было сделано. Нос каное уже был на берегу, когда от одного рычания незнакомца толпа разомкнулась, одним прыжком он оказался на суше... пробежал через изумленную толпу ... и скрылся в лесу.

Индеец, вернувший свое каное, увидел пустую фляжку из-под виски и философски сказал: «Он и это научился любить? ... Бедный зверь! Как же он смог выдержать это?»

Организация современного анекдота представляет собой короткую историю. Современные русские анекдоты, сохраняя традиции смеховых произведений, чаще всего гораздо меньше по объему американских, что объясняется описанной историей возникновения анекдота, связанной с историко-общественным опытом нации. Текст русского анекдота имеет двучастную структуру: начало и кульминацию, которая в ходе истории становления анекдота отражала либо двойственность мира: реальный и нереальный, либо противоречивость одного, реального мира. Отметим, что двучастная структура американского анекдота сохраняется с самого его зарождения и закрепляется как специфическая структура анекдота, в рамках которой сначала представляется ложное утверждение, разрешающееся в концовке. Основным средством передачи комического смысла соответственно была гипербола, как языковое средство, наиболее ярко передающее преувеличенность и нелепость историй.

С самого первого этапа зарождения русские и американские анекдоты представляли собой текст, несущий двоякий смысл. На основе двусмысленности реализуется эффект неожиданности, характерный для концовки анекдота. Информация в анекдоте передается первоначально и сейчас таким образом, чтобы произвести эффект неожиданности посредством неожиданного совмещения языковых единиц.

Анекдот в прошлом и современном его понимании особым образом отражает отношение человека к окружающему его миру. Поэтому неслучайно обращение нашего внимания на тот факт, что становление анекдота происходит в ходе исторического развития нации. Национальное сознание отражает национальную специфику и традиции, которые оказывают влияние на формирование текстов, в частности текстов анекдотов. Историческое развитие текстов анекдотов определяет, в целом, национальную концепцию комического, структурную организацию анекдота и характерные принципы выражения комического смысла.

¹ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 4.

² Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Указ. соч. С. 12.

³ Цит. по Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 13.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ URL: www.krugosvet.ru

⁶ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1999. С. 369.

⁷ Бороденко М.В. Два лица Януса-смеха. Ростов н/Д: АО «Цветная печать», 1995. С. 30.

⁸ Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. СПб., 1990.

⁹ Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской

речевой культуры. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/khimik/anecdote_02.html

¹⁰ Борисов О.С. Анекдот on-line. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/borisov/anecdote_08.html

¹¹ Hill H. America's humor: From poor Richard to Doonesbury. New York: Oxford univ. press, 1978. P. 5.

¹² Ibid. P. 8.

¹³ Сычев А.А. Природа смеха, или Философия комического. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003. С. 140.

¹⁴ Белов С.В. Американский юмор. XX век. М.: Радуга, 1984. С. 14–20.

¹⁵ Hill H. America's humor: From poor Richard to Doonesbury. New York: Oxford univ. press, 1978. P. 22.

Поступила в редакцию 22 мая 2009 г.

О КОМПОНЕНТАХ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

А.Ю. Серебрякова

ABOUT COMPONENTS OF COMMUNICATIVE SITUATION

A.Yu. Serebrykova

В статье речь идет о коммуникативной ситуации и ее компонентах. За основу выделения компонентов ситуации берется обобщенно-классифицирующая роль местоимений, распределяющих в языковой системе указание на объекты и субъекты действительности, их свойства и признаки. Подробно рассматриваются все важнейшие компоненты коммуникативной ситуации, начиная с адресата и адресанта и заканчивая социумом и этносом. Особое внимание уделяется национальной специфике речевого поведения, языка и культуры. Статья предназначена для студентов и аспирантов, занимающихся изучением вопросов межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, адресат, адресант, тема, цель, мотив, социум, этнос, среда, нация.

This article is devoted to communicative situation and its components. Integrated data of pronouns are taken as the basis of component separation in various situations. Pronouns in language system distribute indications to objects and subjects of the reality, their properties and signs. It considers carefully all the most important components of communicative situations, starting with addressee and addresser and finishing with society and ethnos. Special attention is paid to the national features of speech, language and culture. The article is intended for students and post-graduate students learning intercultural communication matters.

Keywords: communicative situation, addressee, addresser, theme, aim, motive, society, ethnos, environment, nation.

В повседневной жизни у человека постоянно возникает необходимость, потребность, желание сказать что-либо другому, спросить о чем-то. Возникает речь, направленная к другому, – общение, для которого нужна та сумма условий и обстоятельств, которую называют коммуникативной ситуацией. Всякое общение, производство и восприятие текстов-дискурсов происходит в социальной ситуации. Именно социальные ситуации определяют наличие типичных сфер общения, таких как научная, производственная, административно-юридическая и деловая, общественно-политическая, обиходно-бытовая и др. Изменения в общественно-политической жизни приводят к изменениям в речи и общении – в выборе тем общения и лексики, в структуре самих высказываний. Поэтому от общей социальной ситуации следует отличать такую ее деятельностную часть, которая ведет к порождению и протеканию речи. Если денотативная ситуация формирует семантическую структуру предложения, то коммуникативная ситуация характеризует обстоятельства общения в целом, его стимулы, его участников и т.д.

Таким образом, под коммуникативной ситуацией мы будем понимать сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату¹. Этот комплекс, с одной стороны, порождает речь, а с другой, – отражается в речи в своих существенных компонентах.

Впервые модель общения была предложена Р. Якобсоном в 1965 году. Вот как она выглядела: «адресант – сообщение – адресат – контекст – контакт – код»². По Якобсону этой модели соответствуют основные функции языка. Сообщение как выражение мыслей его автора выражает экспрессивную функцию; воздействие на адресата проявляется в конативной функции; сообщение оформляется языковыми средствами и отражает определенное содержание (референтная функция); в общении есть средства организации контакта – фатическая функция, и организация текста – металингвистическая функция.

И.П. Сусов уточняет структуру коммуникативной ситуации применительно к высказыванию

Серебрякова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в г. Златоусте. E-mail: serebrjakova_a@mail.ru

Anna Y. Serebrykova, candidate of science in Philology, Assistant Professor of the Department of Social-Law sciences and Humanities of the SUSU, Zlatoust Branch. E-mail: serebrjakova_a@mail.ru

– речевому действию: «Я – сообщаю – тебе – в данном месте – в данное время – посредством данного высказывания – о данном предмете – в силу такого-то мотива или причины – с такой-то целью или намерением – при наличии таких-то предположений или условий – таким-то способом»³.

Шведова предлагает взять за основу выделения компонентов ситуации обобщенно-классифицирующую роль местоимений, распределяющих в языковой системе указание на объекты и субъекты действительности, их свойства и признаки.

Поэтому ряд существенных местоименных классификаторов как компонентов ситуации общения может выглядеть так: *кто – кому – о чем – почему – зачем – как – каким способом – в каком состоянии – где – когда – в каком социуме – в каком этносе*.

Этот ряд расшифровывается как *адресант – адресат – тема – причина – цель – код – стиль – экспрессия – место – время – среда – нация*.

Важнейшими компонентами ситуации общения оказываются партнеры по общению – адресант и адресат (*кто – кому*). Это языковые личности, несущие в себе, с одной стороны, типизированные черты своего народа, своей культуры, с другой стороны – личный опыт знаний, мнений, оценок. Адресант (по определению, имеющий стимул к общению) прогнозирует в адресате определенный образ, ориентируясь на который он использует общий фонд знаний, выбирает тематический пласт, стилистический регистр и т.д.

Социальные взаимоотношения адресанта и адресата упорядочиваются по двум координатам – вертикали «вышестоящий – равный – нижестоящий» по статусу и роли и горизонтали «свой – чужой», что удобно изобразить схемой:

Адресант и адресат являются носителями определенных социальных статусов и ролей и взаимодействуют с ними, что находит обязательное отражение в порождаемых и принимаемых текстах.

Тематическая составляющая коммуникативной ситуации (*о чем*) продиктована текущим моментом бытовых, профессиональных и социальных задач (обсуждение делового документа, визит к подруге, подготовка к экзамену, поездка на море).

У адресанта в качестве стимула должен быть мотив (*почему*) как побудительная причина и цель (*зачем*) как стремление к достижению результата сообщения. Здесь область коммуникативных замыслов, намерений, речевых интенций говорящего: *сообщить, попросить, спросить, пообещать, похвалить и т.д.*

Компонент ситуации *как* определяет выбор вербального и невербального кода, иначе говоря, общающиеся используют как словесные произведения, так и жестово-мимические знаки, в устном контактном общении настолько значимые, что порой меняют или уточняют смысл сказанного. Например, приветствие – *Как я рад вас видеть!* при определенном взгляде может прозвучать не так искренне и полностью изменить стереотип приветствия.

Компонент ситуации *каким способом* предопределяет стилистическую тональность произведения, от официально-деловой до обиходно-непринужденной, фамильярной, что задается не только социальными сферами общения, но и статусно-ролевыми позициями коммуникантов и их нахождением в среде «своих/чужих». Например: *Разрешите вам представить моего друга или Привет! Это Колян! Мой дружок!*

Общение адресанта и адресата происходит в каком-либо месте (*где*) и в какое-либо время (*когда*). Партнеры общаются в каком-то предметном и протекающем участке места и времени: это может быть в аэропорту, в гостинице, в гостях, в семье, утром или вечером, летом или зимой и т.д., что предопределяет событийный план представляемой в высказываниях ситуации. Так, в сознании говорящих может быть запечатлен сценарий «покупка продуктов», «заказ в ресторане», «сдача экзамена», «посещение выставки» и множество других жизненных проявлений, в которых на предметном фоне строятся тексты в соответствии с принятым в обществе речевым поведением. По такому принципу при обучении иностранным языкам составляются разговорники, которые содержат различные, связанные с определенными ситуациями общения разделы, например: *В магазине. В гостинице. В аэропорту. У врача и т.д.*

Среди условий и обстоятельств общения важную роль играет среда, определенный *социум*. Специфика общения зависит от того, владеют ли говорящие нормами литературного языка (социум носителей литературного языка) либо это носители диалектов и просторечия, или склонные к жаргону и аргю. В межличностном, групповом, публичном, массовом общении среда диктует свой выбор языковых/речевых средств, речевого и невербального поведения.

Важным является и влияние *этноса*, особенно в межкультурной коммуникации. Если сравнить русскую и немецкую коммуникативные культуры, то у немцев наблюдаются западные образцы «сохранения лица», в то время как русские в большей степени допускают нарушение границ своей «территории»⁴. Так, у русских вполне возможны вопросы о зарплате, марке автомобиля, количестве детей в семье, разводе с мужем, что, как правило, неприемлемо в немецком обществе. В этом плане показательны также русские застолья, обычаи выпивки с гостями. Русские даже на семейных

праздничных застольях произносят разнообразные тосты, выражая, с одной стороны, добрые пожелания гостям и хозяевам, но, с другой стороны, принуждая пить за все тосты, да еще до дна. Таким образом, русские умудряются доброе дело сопровождать насилием, считая, что в этом и заключается долг гостеприимства. Немцы, напротив, не терпят насилия, и отказ от принятия спиртного воспринимается с пониманием.

Национальная специфика речевого поведения, языка и культуры нередко заставляет при использовании неродного языка обращаться к калькам перевода, что нередко приводит к коммуникативным неудачам.

Все перечисленные выше компоненты коммуникативной ситуации очень важны и существенным образом влияют на производимые адресантом единицы общения, которыми он и обменивается с адресатом.

¹ Формановская А.В. Культура общения и речевой этикет. М., 2002. С. 254.

² Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 321.

³ Сусов И.П. прагматическая структура высказывания // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1985. С. 243.

⁴ Газизов Р.А. Коммуникативное поведение немцев и русских в этикетном общении. Уфа, 2004. С. 176.

Поступила в редакцию 16 апреля 2009 г.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ДРЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ ТЕОНИМОВ И ДЕМОНИМОВ)

Е.М. Черникова

LANGUAGE CONTACTS IN ANCIENT TIMES

E.M. Chernikova

Детально рассмотрены основные пути заимствований теонимов и демонимов в индоевропейских языках в диахроническом аспекте, а также исследовано взаимовлияние древних индоевропейских и семито-хамитских культур. Исследование затрагивает индоевропейские культуры, начиная со второго тысячелетия до н.э. и заканчивая началом второго тысячелетия н.э.

Ключевые слова: языковые контакты, теоним, демоним, заимствование, индоевропейский, финикийский, древнегреческий, римский, древнеегипетский, иранский, индийский, русский, бог, религия, культура.

The article is devoted to the main ways of borrowings of theonyms and demonyms in Indo-European languages in the diachronical aspect. In the article was explored the inter-influence of ancient Indo-European and Semito-Hamitic cultures. The study touches the Indo-European cultures from the second millennium b.c. up to the beginning of the second millennium a.d.

Keywords: language contacts, theonym, demonym, borrowing, Indo-European, Phoenician, old Greek, roman, old Egyptian, Iranian, Indian, Russian, the god, religion, culture.

Гендерные исследования как самостоятельное научное направление стали результатом широко распространенных на Западе в 60–70 гг. XX века женского движения и являются предметом изучения многих наук: философии, экономики, социологии, истории, антропологии, психологии, социо- и психолингвистики.

В настоящее время нельзя с достоверностью определить, в какой мифологии или религии впервые табуизированное имя бога подверглось эвфемизации и каким был первый эвфемизированный теоним. Однако следы эвфемизации находят практически во всех древних мифологиях и религиях.

Эвфемизированные теонимы можно найти еще в Шумере (4 тыс. до н.э.), где имя одного из центральных богов, бога неба Ана, «пишется знаком, обозначающим понятие «бог» и ставящимся как детерминатив перед именами других богов»¹. Семиты, считавшие шумерский язык священным и использовавшие его для религиозных целей, сохранили иероглиф «ан» («звезда», идеограмма для «бога» и «неба») для обозначения апеллиатива «бог», хотя он и не соответствовал семитскому произношению (шумерск. «ан» и семит. «илу» или «шаму»).

Другая древнейшая мифология мира – египетская – также не обошлась без табуирования и последующей эвфемизации теонимов.

Эвфемизация коснулась прежде всего верхов-

ного бога Египта, Нетера. «В тех редких случаях, когда египтяне упоминали этого верховного бога в своих текстах, они всегда называли его «Нетер», т.е. Бог, и не давали ему имени. Точное значение слова «Нетер» неизвестно»².

Другими эвфемизированными теонимами были Амон (настоящее имя – Аман)³, Ра, Гор. Именно в Египте появляется запрет на произнесение и написание теонимов, перешедших в класс демонимов: «Апоп и Сет становятся настоящими чертями. Статуэтки Сета уничтожаются, имя его выскабливается и избегается; вместо него начинают употреблять «бу», т.е. пустое место»⁴.

Египет был тем самым государством, с которым активно взаимодействовали, а, следовательно, многое заимствовали существовавшие в то время (2 тыс. до н.э.) страны и народы древнего Востока (Передней Азии). В частности, мы не можем отрицать египетского влияния на семитское население древнего Востока.

Распространение табу и последующей эвфемизации предполагает многочисленные контакты Египта с Вавилоном и семитскими народами, в результате которых эвфемизация теонимов, равно как и демонимов, была заимствована как некое культурное явление или непременная часть религиозного культа.

Черникова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: acvos@chelcom.ru

Chernikova Elena Mihaylovna, SUSU, the candidate of philological science, assistant professor of the General Linguistic department. E-mail: acvos@chelcom.ru

Эвфемизация теонимов и демонимов проявляется практически во всех религиях и мифологиях древнего Востока: Вавилон, Ассирия и Аккад (теонимы: Бел, Иштар; демонимы: *bel dababi*⁵), Финикия и западно-семитская мифология (теонимы: Баал, Илу, Мильком, Астарта; демонимы: Тифон, Муту).

Мифологии Финикии, Египта и Вавилона тесно переплетаются благодаря постоянным заимствованиям теонимов и демонимов: финикийский Адду – «бог, почитавшийся и в Ассирии, и у арамейцев под именем Раммана, или Адада»⁶; кипрский Решеп, «перешедший в Египет вместе со своей женской половиной Анат, известной и в Палестине (в городах Бет-Анат и Анатот)»⁷; финикийцы заимствовали культы многих египетских богов (Птах, Тот, Осирис)⁸. Подобное взаимодействие и взаимовлияние благоприятно сказалось на распространении многих обрядов, ритуалов, запретов и суеверий. Во всех трех мифологиях сохранен запрет на произнесение истинного имени бога. Избегалось также упоминание демонимов.

Результатом данного распространения явилось проявление запрета на произнесение истинного имени бога, а также его последующая эвфемизация в иудаизме (теоним: Яхве; демоним: Сатана). Эвфемизация демонимов косвенно присутствует в Ветхом Завете (истинное имя антагониста бога не названо), но четко сформулированного запрета на произнесение демонима в данном са-кральном тексте нет.

Замствование теонимов и демонимов коснулось практически всех народов Средиземноморья. Некоторые теонимы и демонимы Древней Греции имеют четкие параллели в финикийской мифологии: финик. Адон – греч. Адонис; финик. Тиннит (Пенэ Баал) – греч. Дидона (Цалам-Ваал, Саламбо); финик. Пуам (бог-карлик, досл. «бог молотка») – греч. Пигмей («бог с кулак») и др. Заимствуя богов, греки заимствовали и всё, что было с ними связано: мифы, ритуалы и обряды, запреты и суеверия. Большая часть богов с отрицательными чертами (разрушители, боги подземного царства и др.) не называются демонимами, а потому к ним применяется запрет на произнесение имени бога. Многие греческие боги названы по функции, которую они выполняют (персонификация абстрактных понятий), или же имеют множество эпитетов, заменяющих истинное имя во время религиозных обрядов: Зевс (*Ζεύς* «светлое небо»); Гера («Нра «охранительница», «госпожа»); Аид («Ἅιδης, Αἴδης «безвидный», «невидный», «ужасный»); Арес («Ἄρης, его эпитеты: «сильный», «огромный», «быстрый», «беснующийся», «вредоносный», «вероломный», «губитель людей», «разрушитель городов», «запятнанный кровью»).

Римляне, в свою очередь, практически полностью заимствуют греческий пантеон (12 основных богов, так называемые Олимпийцы), но наделяют богов другими, своими именами: греч. Зевс – рим.

Юпитер, греч. Гера – рим. Юнона, греч. Афродита – рим. Венера, греч. Гермес – рим. Меркурий, греч. Аполлон – рим. Аполлон, греч. Арес – рим. Марс, греч. Аид – рим. Плутон и др.⁹. У римлян также встречается запрет на произнесение истинного имени бога¹⁰, который сохраняется не только у жрецов, но и простых людей.

Запрет на произнесение демонимов не зафиксирован, что может быть связано, как и в Греции, с отсутствием персонифицированных демонимов.

Во II – I тыс. до н.э. отмечаются также контакты семито-хамитов и индоевропейцев, что, несомненно, вело к многочисленным заимствованиям теонимов и демонимов. Примерами подобных контактов могут служить хетто-арамейские культурно-политические образования, индо-иранские боги Индра и Митра у митани¹¹, упоминание имени Митры в египетских источниках¹². В XVI веке до н.э. в Вавилонии появляется племя касситов, на которое, по мнению Б.А. Тураева, повлияли индоевропейцы, «насколько это можно заключить по собственным именам, в состав которых входят такие имена богов, как Шуриаш (бог солнца, индийское Сурия, греческое *ὁ Ἥλιος*), Бугаш («Бог»), Шумалия, Марутгаш и др.»¹³. Однако мы не обнаруживаем данных о заимствовании табу на истинное имя бога или дьявола. Мы можем предположить, что большее влияние оказывали индоевропейцы на семито-хамитов, а не наоборот.

Отсутствие данных о заимствовании табу может говорить о том, что табу уже существовало у обеих групп народов. Так, в древней Индии были многочисленные запреты на произнесение имени бога, которые отразились в Ведах. И в настоящее время нам известны имена индийских богов только в эвфемизированном варианте, а именно в виде эпитетов. Например, Вишвакарман (др.-инд. букв. «Творец всего»), Шива (др.-инд. букв. «благой», «приносящий счастье») и др.

Следы эвфемизации встречаются также и в Авесте. Авестийский (иранский) теоним «Ахура Мазда» (букв. «Господь Премудрый») был эвфемизирован и с течением времени был переосмыслен в новое имя собственное Ормузд.

Религии Вед (Индия) и Авесты (Иран) определенно относятся к одному первоисточнику, их родство не вызывает сомнений: «верховное семибожие; борьба за власть во вселенной двух родственных, но враждующих группировок богов; драконоборство; низведение на землю небесных вод, две посмертные дороги души, чудесный мост в загробный мир, охраняемый собаками, и др.»¹⁴. Однако индийские боги в Иране переосмысливаются в демонов (дэвы), индийские демоны-асуры становятся богами Ахурами. И в Индии иранские боги ахуры считаются демонами, а демоны-дэвы являются духами добра. Именно благодаря инвертности религий Вед и Авесты эвфемизация теонимов могла распространиться и на демонимы, почитаемые «соседями» в качестве богов.

Следует отметить, что именно из Ирана на Ближний Восток пришел дуализм, противопоставление добра и зла. Многие зороастрийские идеи в значительной степени повлияли на иудейский мистицизм¹⁵. В Ветхом Завете демоним «сатана» (др.-евр. *šātān* «противодействующий», «противник») пишется с прописной буквы, и он никогда не рассматривался как равный богу Яхве или как независимое от него творение. В IV–V вв. до н.э. в связи с распространением персидского влияния семиты знакомятся с основополагающими принципами зороастризма. И именно эти принципы легли в основу Нового Завета, где четко прослеживается борьба добра и зла, где есть бог и его антагонист, которого все также именуют «противником», но он уже становится полноценным демонимом со своей историей и запретом на произнесение имени. «Сатана» становится именем собственным, и начинается бесконечный цикл эвфемизации его имени: Сатана, дьявол (греч. *διάβολος* «клеветник»), нечистая сила, лукавый и т.д.

Примечательно, что, заимствуя Ветхий Завет у семитов и добавляя к нему Новый Завет, первые христиане следовали не всем предписаниям иудаизма, однако запрет на произнесение имени бога сохраняется и в новой христианской религии (теоним: Иисус Христос; демоним: Сатана). Вместе с ним сохраняется и запрет на произнесение имени антагониста бога.

С распространением христианства по всему миру, начиная с Греции и Рима и заканчивая современными странами, продолжает свое распространение и эвфемизация теонимов и демонимов.

Индо-иранское влияние на праславянскую мифологию привело к созданию эпитетообразных теонимов, которые перешли в демонимы с распространением христианства.

Вера в магическую силу имени была не только в перечисленных выше религиях индоевропей-

цев, подобную веру мы встречаем также у скифов и сарматов¹⁶. В германо-скандинавской мифологии она выражалась в создании кеннингов (иносказаний) и эпитетов, замещающих истинные имена богов¹⁷.

Таким образом, мы можем говорить об исключительной роли контактов при распространении эвфемизации теонимов и демонимов в индоевропейских и афразийских языках.

¹Афанасьева В.К. Мифы народов мира: энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 75.

²Египетская мифология: энциклопедия. М., 2002. С. 25.

³Тураев Б.А. История Древнего Востока. Минск: Харвест, 2002. С. 294.

⁴Там же. С. 587.

⁵Там же. С. 121.

⁶Там же. С. 373.

⁷Там же. С. 373.

⁸Там же. С. 374.

⁹Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология /Пер. с англ. А. Блейз. М., 1997. С. 35–38

¹⁰Штаерман Е.М. Римская мифология. Мифы народов мира: энциклопедия. М., 2000. Т.2. С. 380.

¹¹Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 88.

¹²Тураев Б. А. Цит. соч. С. 68.

¹³Там же. С. 163.

¹⁴Брагинский И.С. Иранская мифология. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 561.

¹⁵Брагинский И.С. Об иранских элементах в кумранских свитках. Семитские языки: в 2 ч. Материалы первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. Вып. 2. Ч. 2. С. 718.

¹⁶Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия. Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 321.

¹⁷Мелетинский Е.М. Германо-скандинавская мифология. Мифы народов мира: энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 287.

Поступила в редакцию 20 мая 2009 г.

ФРАЗЕОЛОГИЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

УДК 811.161.1'36+811.161.1'37

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПРИЗНАЧНОЙ СЕМАНТИКИ С КОМПОНЕНТОМ НАРЕЧИЕМ

Ю.В. Казакова

PHRASEOLOGICAL UNITS OF SEMANTICS OF AN ATTRIBUTE WITH A COMPONENT AN ADVERB

J. V. Kazakova

Статья содержит данные анализа фразеологических единиц определенного семантико-грамматического класса. Автор исследует семантическую структуру фразеологических единиц с компонентом наречием и приходит к выводу, что наречие привносит во фразеологическое значение элемент своего индивидуального значения.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологическое значение, семантическая структура.

The article contains data of the analysis of phraseological units of the certain semantico-grammatical class. The author investigates semantic structure of phraseological units with a component of an adverb and comes to conclusion, that the adverb introduces an element of the individual value in phraseological value.

Keywords: phraseological units, phraseological value, semantic structure.

Фразеологизмы со значением признака привлекают внимание исследователей-языковедов уже несколько десятилетий. Фразеологические единицы, значение которых «приблизительно передается прилагательным или местоимением, служащим указанием на признак предмета» как самостоятельный семантический класс русских фразеологизмов изучала проф. А.М. Чепасова¹. Фразеологизмы признака становились предметом исследований многих уральских фразеологов, так Г.С. Иваненко² рассматривала предикативные единицы модели двусоставного предложения, Л.Ю. Нестерова³ анализировала фразеологизмы предикативной семантики, фразеологические единицы признака стали предметом специального изучения в трудах Т.Е. Помыкаловой⁴.

Вслед за А.М. Чепасовой к призначным относим фразеологические единицы, обозначающие признак, свойство предмета и признак, состояние лица.

Фразеологические единицы со значением признака, по данным нашего материала, включают в свой состав качественные наречия (далее, дурно, краше, выше, ниже, печально, проще, скандально, умственно, хуже), наречия образа действия

(вместе, вновь, нипочем, так, пополам, наповал, нараспашку, наружу), обстоятельственные наречия места (вверх, вон, далеко, дома, куда, прочь, никуда, сбоку) и обстоятельственные наречия времени (зимой, ещё).

Фразеологизмы со значением признака с компонентом наречием могут характеризовать отвлеченные понятия:

Малейшая ошибка может иметь далеко идущие («способные обнаружиться в будущем») *последствия* (Комсомольская правда. 01.08.1972);

Несмотря на его [министра] публичные уверения во взаимной любви, работники этой сферы искусства пронизательно усматривают за вроде бы экономически необходимыми сокращениями бюрократических структур дурно пахнущую («сомнительную, ложную») *централизацию творческой мысли* (Сов. Россия. 25.05.2000);

Мартышка в старости слаба глазами стала; А у людей она слыхала, что это зло еще не так большой руки («не очень значительное») (И. Крылов. Мартышка и очки).

В меньшей степени представлена характеристика признака предмета:

Казакова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: orator@susu.ac.ru

Kazakova Julia Viktorovna, candidate of philological science, assistant professor at the department of Speech culture and professional communication SUSU. E-mail: orator@susu.ac.ru

Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики («плохой, не удовлетворяющей самым снисходительным требованиям») (А.С. Пушкин. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина).

Большая часть фразеологических единиц с компонентом наречием класса признака характеризуют качества лица. Например, *весь наружу* – «предельно, крайне откровенен в проявлении своих чувств, мыслей, настроений», *душа нараспашку* – «слишком откровенный, прямодушный по характеру», *еле-еле душа в теле* – «слабый, больной, уставший», *зимой снега не выпросишь* – «жадный, корыстный», *из ряду вон выходящий* – «выдающийся, неординарный», *куда ветер дует* – «такой, который меняет свои убеждения, взгляды, применяясь к обстоятельствам из корыстных побуждений» и другие:

[Миловидов:] *Я лихой малый, душа нараспашку* («слишком откровенный, прямодушный по характеру»): *рубаха, пьяница, и благородный человек* (А. Островский. На бойком месте);

Никита Акинфиевич недовольно нахмурился: «Сама еле – еле душу в теле носит («слабая, больная»), *а гляди, четырех ребят поторопилась нарожать!»* (Е. Федоров. Каменный пояс);

Я насторожился. Не иначе, что задумал Прыщ. Просто так у него зимой снега не выпросишь («жадный, корыстный») (Ф. Наседкин. Великие голодранцы);

«Ваш сын, – тисал он [Кутузов], – надежду по-дает быть офицером, из ряду вон выходящим («выдающимся») *по своим занятиям, твердости и исполнительности»* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

– *Есть, конечно, порядочные, но в петлю не полезут. Комнатный народ. Остальные еще хуже: два пепезовца, сионист и трое – куда ветер дует* («меняющие свои убеждения, применяясь к обстоятельствам из корыстных побуждений») (Н. Островский. Рожденные бурей).

Среди фразеологизмов, номинирующих качества лица, встречаются такие единицы, которые способны характеризовать и признак предметов.

Признак предмета	Признак лица
При Михайле Илларионовиче императорская главная квартира <u>штаб его величества</u> были <u>сбоку припека</u> («лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения»), все делалось в штабе главнокомандующего (Л. Никулин. России верные сыны)	Кое-где основательно привился служебный этикет, согласно которому <u>нижестоящий руководитель</u> , принимая вышестоящего, уступает ему свое место, а сам пристраивается <u>сбоку припека</u> («не имеющим прямого отношения к чему-либо, кому-либо»), гостем. Обычай нелепый и стыдный. (А. Рекемчук. Время летних отпусков)
Это был обычный <u>гудок</u> пароходной сирены, не	Писарь сказал о старшем баталере: « <u>Человечишка</u>

очень даже сильный, так себе («ничего особенного собой не представляющий»), гудок небольшого буксира. (Б. Полевой. Начало пути)

[Дружко:] Все хорошо, не правда ль, обошлось? И свадьба хоть куда («отличная, очень хорошая») (А.С. Пушкин. Русалка)

так себе («посредственный, ничего особенного собой не представляющий») – ни богу свечка ни черту кочерга...» (А.С. Новиков-Прибой. Цусима)

Каждое утро он проводил за работой, обедал отлично (Варвара Павловна была хозяйка хоть куда («отличная, очень хорошая»)) (И. Тургенев. Дворянское гнездо)

Фразеологические единицы признака с компонентом наречием могут содержать в качестве второго компонента причастные формы (**вместе взятый, вновь испеченный, далеко идущий, дурно пахнущий, из ряда вон выходящий, так называемый**). Е.В. Радченко, анализируя такие единицы, справедливо отмечает, что причастные формы могут относиться как к процессуальным, так и призначным единицам. При этом «переход процессуального фразеологизма в класс призначных единиц сопровождается приобретением коннотативной семы, выражающей положительную или отрицательную оценку (выделено автором – Ю.К.)»⁵. Наш материал также подтверждает это утверждение:

Вечный императив с рядовыми учениками и весьма далеко идущая («такая, от которой ожидается польза в будущем») *мягкость с «нужными»...* *Об этом стоит подумать* (Правда. 02.01.1987);

Телеграммы часто оказываются неожиданными, и люди боятся их. Обычно на расстоянии изъясняются письмами. А если телеграммы, значит, что-то из ряда вон выходящее («исключительное»): *смерть, болезнь, просьба о помощи* (А. Алексин. Дневник жениха);

Оголтело и корыстолюбиво суетятся на Западе так называемые («сомнительные») *люди бизнеса* (А. Алексин. Из блокнота).

Однако компоненты наречия активно участвуют в создании коннотативной семы не только в причастных формах, но и в других призначных единицах.

Так, во фразеобразовании единицы *дурно пахнущий* – «сомнительный, ложный» участвует наречие *дурно* (в 1 значении «плохо»), коннотативная сема отрицательной оценки сохраняется и во фразеологическом значении названной единицы:

Вместо кропотливой работы по сбору точных сведений они занимаются коллекционированием дурно пахнущих («сомнительных, ложных») *сплетен* (Сов. Россия. 31.08.2000);

А вот гусинят, от Киселева до Митковой, тряхни только – вывалится много нового и интересного, хотя и дурно пахнущего («сомнительного») (Сов. Россия. 30.01.2001).

Аналогичная картина наблюдается во фразеологизмах **печально известный** и **скандально известный**. Фразеобразующие наречия имеют в свободном употреблении следующие лексические значения: **печально** – в 3 значении «плохо, предосудительно», **скандально** – во 2 значении «позорно, постыдно». Названные наречия имеют коннотативную сему отрицательной оценки, которую вносят в новое значение, становясь компонентом фразеологизма. Данные фразеологические единицы не являются вариантами, хотя имеют общий компонент **известный**, компоненты наречия не только вносят семы оценки во фразеологическое значение, но и активно участвуют в его образовании, выполняя фразеобразующую и смыслообразующую функцию, **печально известный**: 1. «такой, который вызывает печаль, сочувствие», 2. «такой, который вызывает осуждение» и **скандально известный**: «связанный с непорядочными, аморальными, постыдными происшествиями». Эти фразеологизмы имеют разную лексическую сочетаемость. Так, единица **печально известный** характеризует признак предметов (привычка, плантация), событий (войны, переговоры, плантация, «Гитлерюгенд»), фразеологизм **скандально известный** характеризует признак человека, группы лиц, предметов (дама, леди, документ):

Стартовый капитал Америка получила за счет хлопка, выращивавшегося на печально известных плантациях юга Америки, где бесчеловечная эксплуатация рабов из Африки приводила к многочисленным восстаниям (Сов. Россия. 12.07.2003);

Однако, с другой стороны, с израильской, под прикрытием «антитеррористической компании» идет агрессия против народа Палестины. По оценкам палестинцев – еще более разрушительная, чем печально известные войны 1967 и 1972 годов (Сов. Россия. 24.01.2002);

По данным газеты Daily Telegraph, первая леди России приобрела ВСЮ коллекцию одежды фирмы Burberry. Помогала ей скандально известная дама полусвета Кэрл Каплин (Сов. Россия. 08.07.2003);

В самом деле, попроси любого русского школьника назвать несколько знаменитых англичан, и он, даже несмотря на все изъяны нынешнего среднего образования, назовет Шекспира, Дарвина, Ньютона... Но поставить скандально известную «леди Ди» впереди этих великих может только «загадочная британская душа» (Сов. Россия. 26.11.2002).

Активно участвует в создании фразеологического значения наречие-компонент **далеко** (в свободном употреблении имеет значения: 1. «На значительном расстоянии от чего-либо, вдали». 2. О времени. «Долго»⁶), сохраняя свою сему пространственно-временной направленности действия. Как уже отмечалось при анализе процессуальных фразеологизмов, наречие **далеко** развивает в них сему

векторной направленности от конкретной точки отсчета. Аналогичная картина наблюдается в призначном фразеологизме **далеко идущий**. Становясь компонентом данной единицы, наречие **далеко** вносит во фразеологическое значение «способные проявиться в будущем» временную сему векторной направленности результата деятельности (чаще всего результата мыслительной деятельности, который определяется сочетаемостью фразеологизма с такими существительными, как *расчет, выводы, замысел, цель, планы, предложение, решения*) от конкретной точки отсчета в будущее:

Одобрив Заключительный акт, все участники общеевропейского совещания взяли на себя далеко идущие («способные проявиться в будущем») обязательства. Это, прежде всего, десять принципов взаимоотношений (Правда. 08.07.1985);

В эти дни в США по телевидению транслируется сериал «Америка». Фильм, сюжетную канву которого могли выткать либо больная фантазия, либо далеко идущий («способный проявиться в будущем») политический расчет. А скорее – и то, и другое (Комсомольская правда. 19.02.1987);

Неумеренное применение минеральных удобрений и пестицидов, загрязнение почвы отходами промышленного производства, стоками животноводческих ферм и комплексов вызывает далеко идущие («способные проявиться в будущем») нежелательные изменения (Челябинский рабочий. 11.04.1989);

Нет, вы только поглядите: человека назначили временно исполнять обязанности, а он – этот человек – собирает все повернуть вверх дном, строит далеко идущие («способные проявиться в будущем») планы, дерзает... (А. Рекемчук. Время летних отпусков).

Наречия **выше** и **ниже**, становясь компонентами фразеологических единиц признака, также развивают во фразеологическом значении векторные семы направленности от конкретной точки отсчета.

Так, фразеологизм, характеризующий признак человека, **на голову выше** указывает на превосходство кого-то среди других и имеет значение «намного умнее, опытнее, осведомленнее», наречие в сравнительной степени **выше** вносит в данное значение сему векторной направленности «в результате психической, интеллектуальной, общественной деятельности оказаться впереди, дальше по положению от конкретной точки отсчета»:

Она жадно прислушивается к каждому слову Геньки. Видимо, он действительно на голову выше («намного умнее, опытнее, осведомленнее») других: он разбирается не только в грунтах, но и в литературе (И. Эренбург. Не переводя дыхания);

Сталин был на голову выше («намного умнее, опытнее, осведомленнее») всех крупнейших политиков, теоретиков и полководцев, так или иначе вовлеченных в войну (Сов. Россия. 03.2003).

Фразеологизм **ниже всякой критики** имеет одним из компонентов наречие **ниже**, которое вносит во фразеологическое значение «плохой, не удовлетворяющий самым элементарным требованиям» сему векторной направленности «оказаться ниже по качеству от конкретной точки отсчета»:

Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, плшивым! Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики («плохой, не удовлетворяющей самым элементарным требованиям») (А.С. Пушкин. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина);

Скажу тебе просто..., что они [стихи] так плохи, что ниже всякой критики («не удовлетворяющие самым элементарным требованиям») (В.Г. Белинский. Письмо К.Г., А.Г. и Н.Г. Белинским, 20 сентября 1831 г.).

Фразеологизмы **весь наружу** и **душа нараспашку** образованы с помощью наречий образа действия **наружу** и **нараспашку**, в свою очередь, образованных из предлога **на** и формы винительного падежа единственного числа существительного. Предлог **на**, имеющий значение «изнутри, во вне», внес сему направленности в наречия **наружу** и **нараспашку**, которые развили данную сему во фразеологическом значении. Так, фразеологические единицы **весь наружу** – «предельно, крайне откровенный в проявлении своих чувств, мыслей, настроений» и **душа нараспашку** – «слишком откровенный, прямодушный по характеру», характеризующие открытость, откровенность человека, имеют сему направленности душевных порывов человека от собственного Я во вне. Таким образом, наречия – компоненты **наружу** и **нараспашку** активны в образовании фразеологического значения, их сема «открытость» становится центральной в значении фразеологизма:

*Безделица его огорчала, безделица его же веселила; он был **весь наружу*** («крайне откровенный в проявлении своих мыслей»), *говорил все, что ему приходило в голову* (А. Одоевский. Свидетель);

*У нее не может быть скрытности, она **вся наружу*** («предельно, крайне откровенная в проявлении своих чувств, мыслей, настроений») (Н.Г. Чернышевский. Дневник. Март 1853 г.);

*Он сам заговаривал со студентами, он старался казаться совсем своим, простым – **душа нараспашку*** («откровенным, прямодушным»)

(С.Н. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда);

*В конторе работали вежливые, радушные люди, словоохотливые, ... с **душой нараспашку*** («откровенные, прямодушные»). Им хотелось верить (А. Рыбаков. Водители).

Сему времени развивает и наречие **вновь** («снова, еще раз»), становясь компонентом фразеологизма **вновь испеченный** – «совсем недавно получивший какую-либо профессию, звание, только что назначенный на какую-нибудь должность». В названном фразеологическом значении проявляется временная отнесенность характеристики лица к настоящему или недалекому прошлому:

*К добросельскому батюшке приехали... его два сына: один **вновь испеченный*** («совсем недавно получивший профессию») *врач, в только что сшитом форменном вицмундире, и студент медик* (Златовратский. Устой);

*Начиная со следующего дня, квартиру **вновь испеченного*** («только что назначенный») *резидента начали посещать осведомители* (В. Попов. Сталь и шлак).

Таким образом, наречия разных семантических разрядов, становясь компонентами фразеологических единиц со значением признака, реализуют фразеобразующие и смыслообразующие функции. Наречия **далеко**, **выше** и **ниже** в составе призначных фразеологизмов развивают во фразеологическом значении векторные семы направленности от конкретной точки отсчета.

¹ Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. С. 144.

² Иваненко Г.С. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов модели простого двусоставного предложения: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1996. С. 218.

³ Нестерова, Л.Ю. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов предикативной семантики: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999. С. 154.

⁴ Помыкалова Т.Е. Семантика фразеологического признака в русском языке: монография. Челябинск: ЧГАКИ, 2003. С. 318.

⁵ Радченко Е.В. Устойчивость и динамичность – значения причастных форм процессуальных фразеологизмов. Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. С. 162–173.

⁶ Словарь современного литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Поступила в редакцию 1 декабря 2008 г.

ФОРМА И ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА В КОНСТРУКЦИЯХ С УПРАВЛЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ СЕМАНТИКИ «ПОБЕЖДАТЬ / ПОБЕДИТЬ»

И.Г. Казачук

FORM AND MEANING OF OBJECT IN CONTRACTIONS WITH REGIME OF PROCESSUAL UNITS WITH SEMANTICS «WIN / HAVE WON»

I.G. Kazachuk

Рассматривается управление объектных процессуальных единиц – глаголов и фразеологизмов – семантической группы «побеждать/победить», сравнивается форма объекта при глаголах и процессуальных фразеологизмах указанной семантики, устанавливается отсутствие тождества в управлении исследуемых единиц, определяются факторы, влияющие на форму управляемого процессуальным фразеологизмом компонента.

Ключевые слова: семантическая группа, управление, модель управления, процессуальные единицы, объектные процессуальные единицы, процессуальные фразеологизмы.

The article describes the regime of processual units (verbs and phraseological units) of semantic group «win/have won», compares the form of object under verbs and processual phraseological units of the semantics defined, claims the absence of identity in the regime of units under consideration, defines the factors influencing the form of governed processual phraseological component.

Keywords: semantic group, regime, model of regime, processual units, objective processual units, processual phraseological units.

Проблема изучения присловных связей продолжает оставаться актуальной в современном синтаксисе. Так, например, вопрос о сущности управления до сих пор остается дискуссионным, имеющим большое теоретическое и практическое значение.

Необходимость изучения семантической составляющей в глагольных словосочетаниях отмечалась лингвистами с начала XIX века (Кошанский Н.М., Греч Н.И., Востоков А.Х. и др.). Ученые предложили учитывать семантику глаголов при описании их синтаксических свойств и распределять единицы по семантическим группам. В современной лингвистике есть мнения (Мухин А.М., Архипова Л.В.), что «глагольное управление... обуславливается семантическими особенностями глагольного слова»¹.

В статье речь идет об управлении процессуальных единиц семантической группы «побеждать/победить», форме выражения объекта и его значении. Исследуемую группу составляют лексемы и фразеологизмы с типовой семантикой «побеждать/победить кого-либо, преодолевая сопро-

тивление; одолевать/одолевать, превосходить/превзойти кого-либо в чем-либо». Базовой единицей является глагол *побеждать/победить*.

Все исследуемые нами единицы являются объектными, т.е. обозначающими действия, направленные на объект (предмет или лицо) или проявляющиеся по отношению к объекту, и, следовательно, обладающие облигаторной связью, без которой значение процессуальной единицы не может реализоваться полностью. Этой связью является управление, которое свойственно не только глаголам, но и процессуальным фразеологизмам. В словосочетаниях с главным компонентом – глаголом или процессуальным фразеологизмом – объект является управляемой формой, восполняющей семантическую недостаточность этих единиц. По мнению А.М. Чепасовой, «в значение каждого из объектных глаголов входит сема релятивности, которая эксплицитно выражается именем в одном из косвенных падежей»². Кроме глаголов релятивной семантикой обладает и большая часть процессуальных фразеологизмов. Условием употребления объекта и возникновения объектных отношений является та-

Казачук Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ЧПУ. E-mail: avis1389@mail.ru

Irina G. Kazachuk, candidate of philological sciences, Assistant Professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching Russian, CSPU. E-mail: avis1389@mail.ru

кое свойство глагольной лексики и процессуально-го фразеологизма, как объектность.

Процессуальные единицы с семантикой победы, употребляемые с формами имен существительных и местоимений, образуют синтаксические конструкции (словосочетания) с подчинительной связью управлением. Управляющий компонент обозначает действие, управляемый – объект, подвергающийся данному действию.

Практически все лексические единицы взятой нами для анализа семантической группы управляют винительным падежом без предлога (далее Вбп) со значением объекта, непосредственно подвергающегося действию (так называемого прямого объекта): обходить/обойти кого-, что-либо, обыгрывать/обыграть кого-, что-либо, одолевать/одолевать кого-, что-либо, опережать/опередить кого-, что-либо, осиливать/осилить кого-, что-либо, перебарывать/перебороть кого-, что-либо, пересиливать/пересилить кого-, что-либо, переспоривать/переспорить кого-, что-либо, побеждать/победить кого-, что-либо, побороть кого-, что-либо, превосходить/превзойти кого-, что-либо, преодолевать/преодолеть кого-, что-либо, сокрушать/сокрушить кого-, что-либо, смять кого-, что-либо, сломить кого-, что-либо, разбить кого-, что-либо, переиграть кого-, что-либо.

[Тропачев] ... Он (Карпачов – И.К.) стреляет славно, а на бильярде я его *обыгрываю* (И. Тургенев).

Если мы с ним боролись, он никак не мог меня одолеть. Однако в драках он был непобедим. Его нельзя было победить потому, что он ничего не боялся (Н. Чуковский).

Третью победу подряд одержал и Артур Юсупов, одолевший Гату Камского (Сов. спорт).

Глаголы *возобладать над кем-, чем-либо*, *восторжествовать над кем-, чем-либо*, *совладать с кем-, чем-либо* имеют объект в форме творительного падежа с предлогом (далее Тп), глаголы *завладевать/завладеть кем-, чем-либо*, *овладевать/овладеть кем-, чем-либо* – в форме творительного беспредложного (далее Тбп). Зависимая форма (Вбп, Тбп, Тп) в приведенных конструкциях имеет значение одушевленного объекта – лица, подвергающегося действию. В роли реципиента может быть коллективный, институциональный объект или социум: *обыгрывать/обыграть команду*, *побеждать/победить народ*, *обходить/обойти сборную*, *сокрушать/сокрушить армию* и др.

Трофей этот очень престижный, и начать сезон с победы мечтает любой клуб. Разумеется, мы будем стараться обыграть ЦСКА (Рос. газета).

Некоторые глаголы способны одновременно управлять и второй падежной формой (т.е. обладают двойным управлением), а именно предложным падежом с предлогом *в* (далее Пп), обозначающим сферу, область, пределы осуществления действия, названного процессуальной единицей: *превосходить/превзойти кого-либо в чем-либо*,

одолевать/одолевать кого-либо в чем-либо, *переиграть кого-либо в чем-либо* и др. В качестве второй возможна и форма творительного падежа без предлога, имеющая значение средства действия: *одолевать/одолевать кого-, что-либо чем-либо*, *сокрушать/сокрушить кого-, что-либо чем-либо* и др.

Победа куплена великою ценой. Враг не осилил нас преступною войной... (Д. Бедный).

В двойном управлении глаголов *выигрывать/выиграть*, *отыгрывать/отыграть* могут быть представлены формы винительного падежа без предлога и родительного с предлогом *у*: *выигрывать/выиграть что-либо у кого-либо*, *отыгрывать/отыграть что-либо у кого-либо*. В таких конструкциях значение лица принадлежит форме родительного падежа с предлогом, а винительный беспредложный является наименованием вида соревнований, состязаний, спортивных игр или их временных отрезков: чемпионат, первенство, олимпиада, турнир, матч, товарищеская встреча, Кубок мира, партия, гейм, сет, тайм, раунд, период, этап – *выиграть сет у соперницы*, *отыграть раунд у противника*.

Машинист Жуков... научил Жоржа играть в шахматы. Жорж помнил, как обиделся этот седоватый, в усах и в бакенбардах, почти профессорского вида человек, когда Жорж впервые выиграл у него партию (М.Слонимский). Возможно сочетание родительного падежа и предложного: *выигрывать/выиграть у кого-либо в чем-либо*. Он (Мейер – И.К.) *выиграл у Таля в сеансе и был в отличном расположении духа* (В. Васильев). Несмотря на то что приведенные глаголы способны к двойному управлению, в речи они употребляются преимущественно с какой-либо одной зависимой формой.

Суперкубок России пока выигрывали только чемпионы страны. Как будет на этот раз? (Рос.газета). ...*Павлюченкова не смогла отыграть ни одного из 5 брейк-пойнтов, имевшихся в распоряжении польской теннисистки* (Спорт-экспресс).

Управление процессуальных фразеологизмов обладает спецификой, обусловленной, с одной стороны, раздельнооформленностью этих единиц, с другой стороны, цельностью их значения. По словам В.П. Жукова, «то обстоятельство, что ... фразеологизм обладает цельной семантикой, непосредственно сказывается на его грамматическом отношении к управляемой словоформе: фразеологизм выступает по отношению к управляемому слову как единое целое»³. Объектные процессуальные фразеологизмы, имеющие модель «глагол + сущ.», управляя формами косвенных падежей, образуют сложные по форме, но семантически простые словосочетания с грамматическим значением «действие и его объект». Особенностью управления названных единиц является то, что форма объекта не повторяет формы именного компонента, реализованной внутри фразеологической модели. Падежная

форма управляемого имени зависит от структурной модели управляющей единицы.

В управлении процессуальных фразеологизмов, как и в управлении глаголов семантической группы победы, наиболее продуктивной формой объекта также оказался винительный беспредложный: **класть/положить (уложить) на обе лопатки кого-либо, заткнуть за пояс кого-либо, разделить под орех кого-либо, закидать шапками кого-либо, обращать/обратить в бегство кого-либо, брать/взять голыми руками кого-либо, оставлять/оставить за собой (позади себя) кого-либо и др.**

С ней живет холостой брат: голова, ... нас с тобой за пояс заткнет (И. Гончаров). В Милове уже бежал по улицам босой Тишенька Дударин и пророчествовал: «Мы их шапками закидаем, а ихнего кайзера валенком пришибем» (Е. Пермьяк).

Единицы, управляющие Вбп, имеют следующие структурные модели: «глагол + предлог+ сущ.Вп», «глагол + предлог+ сущ.Тп.», «глагол+ предлог+ сущ.Рп.», «глагол + сущ.Т.п.», т.е. такие, в которых отсутствует форма именного компонента, совпадающая с формой внешнего объекта.

Конкурируют с Вбп формы дательного без предлога и творительного с предлогом: **давать/дать фору кому-либо, давать/дать сто очков вперед кому-либо, утереть нос кому-либо, нанести/нанести поражение кому-либо, протереть глаза кому-либо; брать/взять перевес над кем-либо, одерживать/одержать победу над кем-либо, одерживать/одержать верх над кем-либо, брать/взять верх над кем-либо.**

Когда женщины дружно перекричали мужиков, взяли над ними верх и отстояли сказку за собой – на этом их единение тотчас кончилось (С. Залыгин). А вот что касается мускулатуры, ловкости, так тут Чудаковы – отец, и дед, и молодые – могли дать иному мастеру сто очков вперед (Н. Асанов).

Следует отметить, что все приведенные выше единицы построены по модели «глагол+ сущ.Вп». Реализованная в качестве именного компонента форма винительного падежа без предлога невозможна в модели управления фразеологической единицы в целом. Таким образом, глагол, становясь компонентом фразеологической единицы, сохраняет способность управлять единожды какой-либо падежной формой, реализуя ее либо внутри модели как именной компонент, либо во внешнем окружении как управляемый компонент с объектным значением.

Как и глаголы, процессуальные фразеологизмы указанной семантики могут управлять второй формой, имеющей значение сферы, области, пределов проявления, осуществления действия: **одерживать/одержать победу над кем-либо в чем-либо; брать/взять верх над кем-либо в чем-либо; заткнуть за пояс кого-либо в чем-либо и под.**

Как признает теперь печать США, американцы одержали победу в сухопутной кампании

над необученными призывниками и гражданским населением Ирака (Правда). В третьем четвертьфинальном матче мужского одиночного разряда Патрик Макинрой из США взял верх над итальянцем Кристиано Каратти (Сов. спорт).

По данным нашей картотеки, в конструкциях с управлением объектных процессуальных фразеологизмов возможны зависимые компоненты в форме творительного падежа без предлога с инструментальным значением, значением орудия действия и более широким значением средства действия. Эти формы коррелируют с орудийным родительным с предлогами **при помощи чего-либо, с помощью чего-либо, посредством чего-либо; брать/взять перевес над кем-, чем-либо в чем-либо кому-либо/с помощью чего-либо; утереть нос кому-либо в чем-либо кем-либо/при помощи чего-либо; уложить на обе лопатки кого-либо чем-либо/посредством чего-либо и др.** Гипотетически многие из приведенных единиц способны и к многочленному управлению, т.е. управлению тремя формами, однако в речи подобные конструкции употребляются редко.

Такой прием злил Карачунского, и он чувствовал, как следователь берет над ним перевес своим профессиональным бесстрашием (Д. Мамин-Сибиряк).

Он (Тоша – И.К.) каждым ответом клал меня на лопатки (В. Тендряков). Подымется разгоряченная спором Вероника Потаповна, чтобы первой сойти на берег и хоть этим утереть нос упрямой Валентине, подымется, но через секунду обескуражено опустится назад, потому что старая переправщица скажет: «Зинкой ее звали, Зинкой...» (В. Киреев).

Как показал исследуемый материал, в управлении процессуальных единиц одной семантической группы не наблюдается полного тождества: с одной стороны, при глаголах и процессуальных фразеологизмах совпадают зависимые формы с инструментальным значением, значением сферы, области, пределов осуществления действия. С другой стороны, семантически тождественные объектные позиции могут быть заняты разными падежными формами: если в управлении глаголов с семантикой победы доминирующей формой прямого объекта с семантикой лица в широком смысле оказался винительный беспредложный, то в управлении процессуальных фразеологизмов объект с тем же значением выражается разными косвенными падежами.

¹ Архипова Л.В. Управление глагола как проявление его семантических свойств: На примере глаголов лексико-семантической группы созидания. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. С. 243.

² Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск: ЧГПИ, 1983. С. 22.

³ Жуков В.П. Об управлении при глагольных фразеологизмах русского языка // Филологические науки. 1971. № 1. С. 48.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРОЦЕССА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Ф. Киров, В.В. Мишланов

ACTUALIZATION OF THE VERBAL FORMS IN GERMAN

E.F. Kirov, V.V. Mishlanov

Рассматриваются проблемы актуализации понятия процесса, адвербиальной валентности и семантики временных форм. Адвербиалии времени используются для локализации глагола и его количественного определения. Они выражают характер определенности действия.

Ключевые слова: актуализация понятия процесса, адвербиальная валентность временных форм, адвербиалии времени, локализация глагола.

The article deals with the problems of actualization, adverbial valence and meaning of the verbal forms. Adverbs of time actualize the verbal forms. In other words they are used for localization of verb and quantitative characterization. They express character of definiteness of action.

Keywords: actualization, adverbial valence of the verbal forms, adverbs of time, localization of verbs.

Принято считать, что все знаки языка потенциальны. Их потенциальность заключается в возможности актуализации в речи. «Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально...»¹. В действительности есть только индивидуальные сущности. Виртуальные понятия характеризуются ограниченным содержанием и неограниченным объемом. Актуализированные понятия, наоборот, отличаются вполне четким, ограниченным объемом и неограниченным содержанием. Для соотношения виртуального понятия с реальной сущностью необходима актуализация. Таким образом, актуализация представляет собой ограничение объема понятия и расширение его содержания, причем оба эти момента составляют две стороны одного процесса.

Процесс актуализации понятия неизбежно связан с процессом речи. В языке существует целая система средств, которые Ш. Балли назвал актуализаторами. Система актуализаторов состоит из артиклей, указательных и притяжательных местоимений и других «уточнителей» – грамматических и семантических (конситуация). Актуализаторы соот-

носят виртуальные единицы языка, виртуальные понятия с реальными предметами. Данные языковые единицы реализуются в высказывании.

Предложение – единица языковая, является основной для реализации многих высказываний и обязательно должно содержать форму грамматической предикативности, которая образуется парой «подлежащее — сказуемое». Двусоставность номинативного предложения многими лингвистами рассматривается как основной, конституирующий признак. Таким образом, формально предложение должно быть двусоставным, включать в себя два компонента, между которыми устанавливается предикативное отношение.

Подлежащее и сказуемое как главные члены предложения имеют свои способы актуализации. Наиболее частым способом выражения подлежащего является имя существительное. «Актуализаторами существительного являются артикли и прочие детерминативы, которые индивидуализируют понятие в качественно-количественном отношении, пространственно-временном (се, се...-сі, се...1а), в отношении говорящего (mon, ton, son)»². Стоит отметить, что для сказуемого, так же как и для подлежащего, характерна актуализация. Это необходимо, в первую очередь, для перехода предложения из языка в речь. Если актуализация подде-

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ. E-mail: evg-kirov@yandex.ru.

Мишланов Виктор Викторович, соискатель кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.Ф. Киров. E-mail: mishlanov@rambler.ru

Evgenij F. Kirov, PhD, professor of the Russian Language and Linguistics department, MSPU. E-mail: evg-kirov@yandex.ru.

Viktor V. Mishlanov, post graduate of Russian Language and Linguistics department, MSPU. Scientific adviser – Prof. Kirov E.F., PhD. E-mail: mishlanov@rambler.ru

жащего достаточно хорошо рассмотрена в лингвистике, то проблеме актуализации сказуемого не уделялось достаточного внимания.

Ш. Балли утверждает, что локализация понятия процесса выражается временем глагола³. По замечанию В.Г. Гака, «актуализаторами глагола являются приглагольные местоимения (je, tu, il), индивидуализирующие действия по отношению к участникам разговора, и глагольные флексии, уточняющие действие во временном и модальном плане»⁴. С мыслью о непосредственной связи действия и «я», характерной для семантики настоящего времени, переключаются следующие суждения Г. Рейхенбаха: «Переживание времени связано с переживанием нашего собственного “я”, с переживанием собственного существования. “Я существую” значит “я существую сейчас”»⁵. Он разработал удобный метод анализа семантики временных форм. Г. Рейхенбах показал, что в семантику временных форм входит указание на соотношенность с тремя точками (или моментами): точкой высказывания (S. от англ. Speech Point), точкой события (E. от англ. Event Point) и точкой соотнесения (R. от англ. Reference Point)⁶. Все указанные точки располагаются на одной линии времени, которая не имеет ни начала, ни конца, уходит в бесконечность в обоих направлениях. Момент высказывания представляет собой начало отсчета, а все остальные располагаются по отношению к ней в зависимости от того, как располагаются обозначаемые действия (события). Чисто логически возможно 9 способов расположения данных точек:

1. S.E.R.
2. S. E.R.
3. E.R. S.
4. S.R. E.
5. E. R.S.
6. S. R. E.
7. S. E. R.
8. E. R. S.
9. R. E. S.

Например, у временной формы Präsens все эти три точки совпадают, как это имеет место на первой схеме. Форма Futurum I имеет семантику, которая изображена на второй схеме. А семантика формы Präteritum представлена на третьей схеме. Präsens, Präteritum, Futurum I являются специальными временными формами для выражения абсолютного времени. Если абсолютное время служит для выражения момента действия к моменту речи, то относительное время – момента одного действия к моменту другого действия. Абсолютные временные формы выражают слишком широкие и неопределенные временные понятия, поэтому вне контекста, без соотнесения с конкретной ситуацией предложения с глаголами в форме Präsens, Präteritum и Futurum I часто имеют характер вечных истин или правил, степень обобщенности действия имеет с точки зрения реального времени максимально неопределенный ха-

рактер. Рассмотрим следующие предложения.

1. *Ein Wolf im Schlaf fing nie ein Schaf.* (Sprichwort) (Волка ноги кормят.)

2. *Mit der Zeit kommt man auch weit.* (Sprichwort). (Тутше едешь, дальше будешь.)

3. *Wird man viel trinken, so wird der Verstand hinken.* (Sprichwort). (Если много пить, то можно голову пропить.)

4. *Zwei mal zwei ist vier.* (Дважды два – четыре.)

В предложении (1) использована временная форма Präteritum, в предложениях (2), (4) – Präsens, в предложении (3) – Futurum I. Несмотря на то, что временные формы глаголов в данных предложениях сохраняют свое категориальное значение, при реализации данных языковых единиц в речи они способны охарактеризовать определенную ситуацию, относящуюся как к настоящему, так и к будущему и прошедшему времени. Стоит отметить, что наиболее характерной временной формой для описания событий узуального и гномического характера является Präsens, что обусловлено семантикой данной временной формы. Итак, предложения (1–4), взятые сами по себе, без соотнесения с конкретной ситуацией выражают достаточно неопределенный промежуток времени, поскольку не представляется возможным точно указать момент речи. В конкретной же ситуации, например во время диалога, момент речи соотнесен с конкретным моментом времени:

– *Sammeln Sie sich! Er ist schon da!* (Schiller F. *Kabale und Liebe*). (– Возьмите себя в руки! Он уже здесь!)

В данном случае используется форма Präsens, т.е. момент события совпадает с моментом речи и с моментом соотнесения. Можно сделать вывод, что семантика временных форм как таковых имеет достаточно неопределенный характер, поэтому глагольные времена обязательно должны быть уточнены адвербиалией времени, а поскольку предложения обозначают не отдельный предмет, а целое событие, поэтому вполне естественно говорить о процессе и средствах актуализации события. Для актуализации понятия процесса необходимы его локализация и количественное определение. Локализация происходит с помощью временных форм и адвербиалий времени, а количественное определение глагола – вида глагола и адвербиалий времени. Следовательно, в системе средств актуализаторов глагола адвербиалии времени носят универсальный характер, причем некоторые адвербиалии времени не могут сочетаться с определенными временными формами. Такое явление получило название «адвербиальной валентности». Данная проблема до настоящего времени не разрабатывалась, хотя само понятие «валентность» существует в лингвистике достаточно долгое время.

Этот термин было введен французским лингвистом Л. Теньером. Под «валентностью» он понимал возможность глагола «притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимо-

сти от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актаны при себе»⁷. Существование адвербиальной валентности временных форм продиктовано тем, что для определения положения предмета в пространстве нужно выбрать какую-либо точку, начало отсчета, по отношению к которому и можно описать положение данного предмета. Чаще всего таким началом отсчета являются участники разговора, ситуация разговора, обозначаемая как «здесь». Все находящееся за пределами этой непосредственной ситуации обозначается как «там». Следовательно, «исходным понятием для грамматической категории времени является момент речи. Грамматическое глагольное время, как известно, определяет отношение между процессом и моментом данной речи. Это отношение зафиксировано в системе форм категории времени»⁸.

Категория времени, или темпоральности, является наиболее характерной, типичной для глагола. Темпоральность в основном выражается временными формами глагола. Несмотря на то, что реальных времен всего три, но средств их выражения довольно много, причем в разных языках форма темпоральности неодинакова.

В немецком языке выделяют шесть временных форм. Основной формой следует признать Präsens, поскольку «настоящее (наличное, le present) является, по существу, источником категории времени. Оно представляет собой наличие в действительности (la presence), возможное только благодаря высказыванию...»⁹. Форма Präsens характеризуется вневременным, всевременным характером. Невозможно представить себе существование на временной оси каких-либо «точек», отделяющих «отрезок» настоящего времени от «отрезков» прошедшего и будущего. Примечательно, что А.И. Смирницкий, приводя диаграмму, изображающую значения настоящего времени в виде расходящихся от центра временной оси линий, охватывающих в конечном счете всю временную ось, не находит на ней места для прошедшего и будущего¹⁰. Можно сказать иначе: настоящее время можно заменить сочетанием прошедшего и будущего времен и таким образом временная локализованность события будет зависеть от лексических, контекстуальных и ситуативных условий. Поскольку контекст создают адвербиалии времени, то соответственно с помощью этих средств событие локализуется в некотором интервале, который может включать в себя различные сферы настоящего, будущего и прошедшего времен. Этот интервал может быть сведен к одной точке, а может расширяться и обобщаться. Сравним предложения:

1. *Mein Vater versprach, in wenigen Minuten zurück zu sein, und schon sind fünf volle fürchterliche Stunden vorüber.* (Schiller F. *Kabale und Liebe*). (Отец обещал вернуться через несколько минут, а прошло уже целых пять страшных часов.)

2. *Schon vierzehn Tage gehe ich mit dem Gedanken, um sie zu verlassen.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Вот уже четырнадцать дней меня не покидает мысль оставить ее.)

3. *Des Abends nehme ich mir vor, den Sonnenaufgang zu genießen, und komme nicht aus dem Bette; am Tage hoffe ich, mich des Mondscheins zu erfreuen, und bleibe in meiner Stube.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Вечером я предполагаю полюбоваться на восход солнца, но не могу подняться с постели, днем я намереваюсь насладиться лунным светом – и не выхожу из комнаты.)

Во всех трех предложениях используется форма Präsens. Однако между предложениями имеется существенное отличие, заключающееся в характере указания на промежуток времени, в течение которого совершается действие. В предложениях (1) и (2) форма Präsens выражает действия актуальное для момента речи, а в предложении (3) – регулярно повторяющееся действие. Данные значения получают выражения благодаря адвербиалиям времени, которые по-разному локализуют и количественно определяют действие во времени. В примере (3) адвербиалии «des Abends», «am Tage» выражают действие, которое повторяется и будет повторяться изо дня в день, в течение долгого времени. В примере (2) адвербиалия «*schon vierzehn Tage*» служит для выражения действия, которое продолжается в течение 14 дней и включает в себя момент высказывания. В примере (1) с помощью адвербиалии «*fünf volle fürchterliche Stunden*» действие наиболее точно локализовано и количественно определено и включает в себя момент речи.

Итак, разница между анализируемыми предложениями заключается в характере указания на момент времени, в течение которого совершается действие. В предложениях (1–3) разная степень обобщенности действия, но, несмотря на это, промежуток выражаемого глаголом действия обязательно включает в себя момент речи.

В предложении (3) действие имеет неопределенный характер и может актуализироваться следующими адвербиалиями времени: «jeden Tag, alle Tage, täglich, tagtäglich, gegenwärtig, immer», в предложении (2) – «jetzt, heutzutage, zur Zeit». Например: *Zur Zeit gehe ich mit dem Gedanken, um sie zu verlassen.* (В настоящее время меня не покидает мысль оставить ее). *Jeden Tag nehme ich mir vor, den Sonnenaufgang zu genießen, und komme nicht aus dem Bette; immer hoffe ich, mich des Mondscheins zu erfreuen, und bleibe in meiner Stube.* (Каждый день я предполагаю полюбоваться на восход солнца, но не могу подняться с постели, постоянно намереваюсь насладиться лунным светом – и не выхожу из комнаты.)

В последнем предложении выражено узкое действие, в котором определяется неопределенный промежуток широкого настоящего. В этот

промежуток вовлечены сферы прошлого и будущего, что обусловлено семантикой формы Präsens.

Наличие трех форм прошедшего времени является одной из самых отличительных особенностей немецкого глагола по сравнению с русским. В основе семантики любого прошедшего времени лежит выражение предшествования данного действия точки отсчета моменту речи. Так, семантика временной формы Präterit изображена на третьей схеме: момент соотнесения и момент события предшествуют моменту речи. Для формы Präterit необходимо обозначение момента соотнесения. Обратимся к примерам:

1. *Vorige Woche gab es bei der Schlittenfahrt Händel, und der ganze Spass wurde verdorben.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (На прошлой неделе во время катания на санях вышла ссора, и все удовольствие было испорчено.)

2. *Gestern abend musste ich hinaus.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Вчера вечером меня потянуло из дому.)

3. *Gestern, als ich wegging, reichte sie mir die Hand und sagte: «Adieu, lieber Werther!»* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Вчера, когда я уходил, она протянула мне руку и сказала: «До свидания, милый Вертер!»)

4. *Um zwölf mittags starb er.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Он умер в двенадцать часов полудня.)

Указанные примеры описывают действие в прошлом, в них используется временная форма Präterit. Разница между ними заключается в характере определенности действия, который выражен адвербиалиями времени. Так, если в предложении (1) процесс ограничен рамками «vorige Woche» и локализованность действия имеет достаточно неопределенный характер, то в предложении (4) понятие процесса вполне четко ограничено адвербиалией времени «um zwölf mittags» и действие занимает на линии времени одну точку. Однако чаще всего действие оказывается длительным и занимает некоторый промежуток времени, как, например, в предложении (2). В примере (3) действия в придаточном и главном предложениях характеризуются одновременностью. Характер определенности действия в главном предложении указывается временем действия в придаточном предложении. Итак, для выражения характера определенности действия использованные адвербиалии времени становятся необходимыми.

Perfekt, так же как и Präteritum выражает действие в прошлом, однако расположение точек у данной формы имеет другой вид (схема 5): момент события предшествует моменту высказывания, а момент соотнесения с ним совпадает, поэтому в отличие от Präteritum обозначение момента соотнесения для Perfekt необязательно, поскольку он задан самой формой. Обязательным является определение момента события, причем промежуток времени, в течение которого происходит действие, может включать

в себя момент речи. Соответственно, если в диалогической речи временная форма Perfekt способна функционировать с адвербиалиями времени «jetzt, bisher/bis jetzt/zeither», то использование временной формы Präteritum с данными адвербиалиями в подобных случаях исключено. В этом проявляются ограничения на сочетаемость временных форм с адвербиалиями времени. Например:

– *Was hast du jetzt gemacht?* – *Ich habe jetzt ein Buch gelesen.*

*– *Was machtest du jetzt?* – *Ich las jetzt ein Buch.*

– *Was hast du bisher gemacht?* – *Ich habe bisher ein Buch gelesen.*

*– *Was machtest du bisher?* – *Ich las bisher ein Buch.*

Мысль о том, что Perfekt изображает прошедшее с точки зрения настоящего, высказывал и Й. Эрбен¹¹, а в качестве доказательства он приводил следующее предложение: *Er hat bis jetzt gearbeitet.*

С помощью адвербиалии времени «jetzt» получает выражение идея ближайшего будущего или прошедшего времени, а областью референции «bisher/bis jetzt/zeither» является область прошедшего, включающая момент речи. Однако чаще всего событие происходит в более определенном временном интервале, для обозначения которого необходимы адвербиалии времени:

1. *Auch bin ich auf acht Tage gestärkt und in mir selbst einig geworden* (Это на восемь дней ободрило и умиротворило меня).

2. *Damals in Paris, an jenem Abend, hast du vor einem Wunder die Augen zugemacht...?* (Süskind P. *Das Parfum*). (Тогда в Париже в тот вечер тебе было явлено чудо, а ты закрыл глаза...?).

Разница между (1) и (2) заключается в характере определенности действия. Так, если в предложении (1) момент события задан адвербиалией времени «auf acht Tage» и локализованность действия имеет достаточно неопределенный характер, то в примере (2) понятие процесса локализовано с помощью «an jenem Abend» более точно.

Семантика временной формы Perfekt объясняет также тот факт, что при относительном употреблении данная временная форма чаще всего сочетается с Präsens. Действие, выраженное временной формой Präsens, выступает в качестве момента соотнесения, поскольку совпадает с моментом высказывания. Приведем пример:

3. *Wo ich neulich mit meiner Erzählung geblieben bin, weiss ich nicht mehr.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Не помню, на чем я остановился в прошлый раз).

В предложении (3) момент соотнесения выражен «weiss ich nicht mehr», момент речи с ним совпадает, а момент события определен с помощью «neulich», которая локализует действие, выраженное «geblieben bin» в форме Perfekt, и «задает» определенные временные рамки.

В отличие от Perfekt временная форма

Plusquamperfekt является исключительно относительной временной формой. Семантика данной временной формы представлена на восьмой схеме. Это семантика допрошедшего времени. Момент события предшествует моменту соотнесения, а момент соотнесения предшествует моменту высказывания. Действие имеет законченный характер, оно завершилось до момента соотнесения. Адвербиалии времени выступают или в качестве момента соотнесения, или момента события. Стоит отметить, что наиболее часто с данной временной формой используются адвербиалии времени с ретроспективным значением «nie, noch nie», поскольку семантика Plusquamperfekt связана с областью прошедшего, или вернее сказать, с областью давнопрошедшего времени. Обратимся к примерам:

1. *Der Zwerg war sehr erschrocken; denn er hatte von dieser Pastetenkönigin nie gehört...* (Hauff W. *Der Zwerg Nase*). (Карлик сильно испугался, так как никогда не слышал о таком блюде, как король пахнетов...)

2. *Wir kamen gegen vier dahin. Lotte hatte ihre zweite Schwester mitgenommen.* (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Мы добрались до места, когда было около четырех часов. Лотта взяла с собой младшую сестру.)

Итак, если в предложении (1) адвербиалия времени «nie» вступает в качестве момента события, то в примере (2) «gegen vier» определяет момент события для временной формы Präteritum, которая, в свою очередь, выступает в качестве момента соотнесения для временной формы Plusquamperfekt. Соответственно действие, выраженное глаголом в форме Plusquamperfekt, произошло до действия, выраженного глаголом в форме Präteritum. Таким образом, момент соотнесения может быть выражен также другим действием в прошлом, а не только адвербиалией времени лексического характера.

Семантика временной формы Futurum I изображена на второй схеме.

Der Gesandte ist unpass und wird sich also einige Tage einhalten. (Goethe J.W. *Die Leiden des jungen Werthers*). (Посланник нездоров и поэтому несколько дней не выйдет из дому).

Основное значение Futurum I – описание действия в будущем. В семантике формы будущего времени момент соотнесения и момент события совпадают и следуют за моментом речи. В отличие от

Futurum I семантика Futurum II имеет четкие границы. С одной стороны, действие происходит позже момента высказывания, с другой стороны, раньше определенного действия в будущем. Графически семантика формы Futurum II представлена на восьмой схеме: момент события предшествует моменту соотнесения, а акт высказывания предшествует моменту события. Данная форма служит для выражения действия, предшествующего другому действию в будущем. Например: *Sobald sich euch der Groß-Cophta wird offenbart haben, wird er sich umsehen und fragen: «Wo ist die Unschuldige? Wo ist die Taube?»* (Goethe J.W. *Der Groß-Cophta*) (Лишь только вашему взору явится Великий Кофта, он поглядит по сторонам и спросит: «Где непорочная? Где голубица?») (Перевод наш).

В этом предложении в качестве точки отсчета выступает момент высказывания, в качестве момента соотнесения – главное предложение в форме Futurum I, а событие, выраженное глаголом в форме Futurum II, предшествует моменту соотнесения и следует за моментом высказывания. Таким образом, происходит актуализация понятия процесса в немецком языке. Адвербиалии времени выражают характер определенности действия, являясь актуализаторами глагола, локализуют и количественно определяют понятие процесса и могут обозначать момент речи, события или соотнесения.

¹ Балли Ш. Общая Лингвистика и вопросы французского языка. М.: Наука, 1955. С. 87.

² Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. С. 10.

³ Балли Ш. Цит. соч. С. 88.

⁴ Гак В.Г. Цит. соч. С. 10.

⁵ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985. С. 130.

⁶ Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N.Y.: the Macmillan co., 1947. P. 289.

⁷ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. С. 250.

⁸ Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979. С. 46.

⁹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 315.

¹⁰ Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. С. 341.

¹¹ Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. S. 54.

Поступила в редакцию 18 марта 2009 г.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.В. Пестова, Е.М. Суменкова

PRAGMATIC DIRECTIVITY OF THE PASSIVE VOICE IN THE POLITICAL COMMUNICATION

N.V. Pestova, E.M. Sumenkova

Рассматривается прагматический аспект страдательного залога в английском языке на примере речей американских и английских политиков.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, политическая коммуникация, страдательный залог.

This article is devoted to the studying of the passive voice in the English language and its pragmatics in the speech of American and Russian politicians.

Keywords: pragmatics, speech act, political communication, passive voice.

В современном языкознании проводится все больше исследований на стыке разных наук. Наша работа осуществляется на стыке грамматики, политической лингвистики и когнитологии. Это позволяет взглянуть по-новому на уже изученное явление. В своей работе мы сделаем попытку проанализировать, как в политическом дискурсе проявляются прагматические свойства страдательного залога.

Залог (диатеза) – грамматическая категория глагола, выражающая в соответствии с широко распространенной точкой зрения различные отношения между субъектом и объектом действия. Однако общепринятого определения категории залога в языкознании нет. В залоговые системы каждого языка, как правило, входит морфологически исходная форма действительного (активного) залога, которая указывает на то, что подлежащее называет активного деятеля, а дополнение – объект действия (John wrote a letter). Выделяют также морфологически производные формы залога: страдательный (пассивный), когда подлежащее обозначает объект действия (A letter was written), агент действия может быть дополнительно обозначен предложным словосочетанием (by John) или не указан вообще; средний залог (медий), указывающий, что действие исходит из субъекта и замыкается в нем; возвратный залог (рефлексив), указывающий, что действие направлено на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом этого действия; вза-

имный залог (реципрок), обозначающий действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу; совместный залог (кооператив), обозначающий действие двух или нескольких субъектов; совместно-взаимный залог, обозначающий либо совместное, либо взаимное действие двух или нескольких субъектов; побудительный залог (каузатив), указывающий, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т.е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия, и некоторые другие. Залоговые системы языков часто отличаются друг от друга составом морфологически производных форм залога. Например, залоговая система английского языка, по А.И. Смирницкому, включает два залога: актив и пассив, а залоговая система якутского языка, по Л.Н. Харитонову, включает пять залогов. В некоторых языках категория залога отсутствует, например, в языках эргативного строя.

В английском языке для обозначения действительного и страдательного залогов употребляются термины active и passive voice. Вопросы, связанные с разграничением в сфере залоговой семантики, с выделением отдельных залоговых значений, принадлежат в языкознании к числу самых дискуссионных. А традиционные способы описания функций залога упрекают в произвольности и субъективизме¹. Однако на первый взгляд различие между активом и пассивом представляется простым и понятным. Форма действительного за-

Пестова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, директор ИИЯ УрГПУ. E-mail: npestova@r66.ru

Суменкова Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания УрГПУ.

Nataliya V. Pestova, PhD, professor, head of the Institute of the Foreign languages of USPU. E-mail: npestova@r66.ru

Elena M. Sumenkova, senior teacher of the English language and Comparative Linguistics department, USPU.

лога (актива) указывает, что процесс, обозначенный глаголом, исходит от предмета, обозначенного тем словом, с которым грамматически соотнесена глагольная словоформа, и направлен на него вовне. Действительный залог не имеет особых показателей; используя терминологию структурализма, можно сказать, что он характеризуется нулевым экспонентом. По определению А.А. Холодовича, действительный залог выражает отношение, при котором подлежащее предложения и семантический субъект совпадают². Как отмечает А.В. Бондарко, при активе носителю глагольного признака соответствует логический субъект, при пассиве – логический объект³. При форме страдательного залога, наоборот, процесс, обозначенный глаголом, направлен на предмет, обозначенный тем словом, с которым грамматически соотнесена глагольная словоформа, и направлен на предмет извне. Согласно определению А.А. Холодовича при пассиве подлежащее не совпадает с семантическим субъектом⁴. Сравнивая действительный и страдательный залогов, можно сделать вывод, что при активе действие представлено как исходящее от участника ситуации, представленного носителем глагольного признака, при пассиве – как направленное на него; другими словами, при активе глагольный признак имеет центробежную направленность по отношению к носителю, а при пассиве – центростремительную⁵.

Употребление формы действительного или страдательного залога зависит от того, из какого первичного компонента предложения мы исходим: *John loves Jill, Jill is loved by John*, в основном, обозначают одно и то же, но они не во всех конструкциях синонимичны; поэтому наличие обеих конструкций не является излишним. Как правило, лицо или предмет, который находится в центре внимания, становится подлежащим предложения, а глагол должен получать соответственно форму действительного или страдательного залога.

Форма страдательного залога в английском языке употребляется для выделения объекта действия, что позволяет поставить объект на место подлежащего. Например, *This program was created by the Department of Education*. – Эта программа была создана министерством образования.

Также необходимость употребления страдательного залога обусловлена необходимостью или возможностью оставить невыраженным субъект действия, называемого глаголом, и особенностями актуального членения предложения. Деятеля в страдательной конструкции можно рассматривать как маргинальную часть высказывания, поскольку его можно опустить⁶.

О. Есперсен определяет выбор страдательного залога одной из следующих причин.

1. Активное подлежащее неизвестно или не может быть легко установлено. Так, например, в предложении *In some cases, their water pipes and sewer systems were built around the time of the*

second World War нет информации о деятеле, но форма страдательного залога позволяет передать содержание процесса, не ставя вопрос о субъекте действия (что невозможно в действительном залоге). Приведем еще один пример: *The position of U.S. Treasurer was created shortly after the American Revolution so that the nation could locate the much needed resources for fighting the war for independence*. Очень часто активное подлежащее представляет собой «обобщенное лицо»: *The economy is expected to continue to produce dynamic new companies in many industries*.

2. Активное подлежащее выясняется из контекста. Например, *The Senate came back to Washington earlier this week, but the House is still on its Easter recess. Meanwhile, our troops are waiting for the funds. And to cover the shortfall, our military may be forced to consider what Army General Pete Schoomaker has called «increasingly draconian measures»*.

Twelve weeks ago, I asked the Congress to pass an emergency war spending bill that would provide our brave men and women in uniform with the funds and flexibility they need. But this bill is loaded with billions of dollars in non-emergency spending that has nothing to do with fighting the war terror.

And we will stand with our partners and the Afghan people until this important work is done.

So in August, the Department published the National Electric Transmission Congestion Study. Since the study was released...

3. Может быть и другая причина, в силу которой не упоминается активное подлежащее – такт, деликатность; но это более характерно для письменной речи: *Enough has been said about a subject, which will be treated more fully in a subsequent chapter*⁷.

По мнению лингвистов, в английской литературе от 70 до 90 % предложений со страдательным залогом не содержат упоминания о субъекте действия. Эта форма получила широкое распространение в научной литературе, где требуется создать впечатление научной объективности публикации. Что касается политической коммуникации, мы получили следующие данные: 85 % страдательных конструкций не содержат информации о деятеле, и только в 15 % деятель упоминается.

Также нужно отметить, что употребление страдательного залога является «осознанным», например, в правительственных документах, научной и художественной литературе. В политической коммуникации роль деятеля возрастает. Страдательный залог помогает отвлечь внимание от производителя действия, и внимание сосредоточено на других компонентах предложения. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что знание прагматической направленности страдательного залога может быть широко использовано при написании политических текстов.

Рассмотрим, как выражается прагматическая

направленность страдательного залога в политических текстах. Материалом послужили речи политиков, таких как Джордж Буш, Маргарет Спеллинг, Дирк Кемпторн, Марк Варшавски, Клэйтон Сэлл, Самюэль Бодман, Дэвид Саттерфилд, Фрэн Таунсенд, Майкл Левит и др. Тематика анализируемых текстов разная: национальная безопасность, иммиграция, военные действия в Ираке, развитие технологий, законы и постановления, международные соглашения, защита окружающей среды, спортивные мероприятия, праздники и традиции. Методом сплошной выборки было отобрано 500 предложений со страдательным залогом.

В качестве основы анализа использовалась классификация целей высказывания Джона Остина, которая была дополнена классификацией Столнейкера⁸. Предложения, используемые для совершения иллокутивных актов, содержат средство, служащее показателем функции. Показатель иллокутивной функции позволяет судить, как надо воспринимать данное суждение, или, иными словами, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание. К показателям функции в английском языке относятся порядок слов, ударение, интонационный контур, пунктуация, наклонение глагола, ряд перформативных глаголов: говорящий может указать на тип совершаемого акта, начав предложение с «*Я предупреждаю*», «*Я утверждаю*», «*Я думаю*» и т.п. Нередко в реальных речевых ситуациях иллокутивную функцию проясняет контекст и необходимость в соответствующем показателе функции отпадает⁹.

Проиллюстрируем ряд примеров.

1. Сообщение информации.

a) We will also use the U.S. – EU Energy Technology CEO forum that was launched by the U.S. Department of State and the German Foreign Ministry in March as a foundation for this effort.

b) This meeting will be attended by Secretary of State Condoleezza Rice and senior officials from other G8 nations.

2. Сообщение мнения, отношения.

a) I believe that if you have more money in your pocket to save or spend or invest, that is what was required to create a condition where people would feel more comfortable about making investments.

b) These may be emergencies, they may be problems, but they can be addressed in the normal course of business.

3. Вопрос.

a) And in return they ask one thing: when their sons and daughters are put in harm's way, they will be led by officers of character and integrity.

b) And how much more is needed?

4. Обещание.

a) National Park Service Director Mary Bomar and I will set goals to be achieved by the National Park Service's 100th anniversary in 2016.

b) Any risks to human health and the environment resulting from underground injection of CO₂ will be evaluated.

5. Прогноз.

a) Our current energy situation is a long – term development that will not be solved with quick fixes.

b) But we know that new types of vehicles will be offered and they will continue to grow more energy sufficient.

6. Призыв.

a) There is still much more work to be done.

b) We must address all elements of this problem together, or none of them will be solved at all.

7. Требование.

a) And that evil must be defeated overseas, so we don't have to face them here again.

b) Those costs should be reflected in the annual budget so that appropriate spending tradeoffs can be made.

8. Упрек, критика.

a) The bill is loaded with billions of dollars in non – emergency spending that has nothing to do with fighting on terror.

b) Did you know that 10–50 % of the energy in the average American home is wasted because of inadequate insulation and inefficient lights and appliances?

9. Предупреждение.

a) The following provides an illustration of just how many Americans will experience tax increases if the tax cuts are not made permanent.

b) If we cannot muster the resolve to defeat this evil in Iraq, America will have lost its moral purpose in the world, and we will endanger our citizens, because if we leave Iraq before the job is done, the enemy will follow us here.

10. Предположение.

a) It could be contained in a system that we could identify, that would help eliminate medical mistakes.

b) As a result, a group of companies is now taking steps that could result in new nuclear plants being developed in the near future.

11. Выражение сожаления.

a) On that day, 3,000 innocent people were killed for no other reason than because they were in America.

b) America joins in honoring the coalition troops who have been killed in Iraq, and the others who have been wounded in combat.

В результате анализа употребления страдательного залога в политической коммуникации были получены следующие данные. В 49,3 % предложений со страдательным залогом сообщается определенная информация. Нам сообщают о тех или иных важных событиях в политической жизни общества, в экономике, науке, культуре, образовании, военных действиях и т.д. Столь высокий результат является закономерным и может быть объяснен тем, что политические тексты должны быть информативными, т.е. выполнять коммуникативную функцию.

На втором месте оказалось сообщение мнения, составив 17 %. Любой политик, выражая свое

отношение к тому или иному событию, старается передать его адресату. При этом политик может поделиться своими личными переживаниями, опытом. Такой прием производит впечатление особой доверительности. Также известно влияние эмоций на человека. Выражение уверенности, призыва, упрека, требования способствует зарождению таких же чувств и эмоций у адресата. Так проявляется эмотивная функция политической коммуникации.

10 % предложений содержат в себе обещания, намерения. Существенный признак обещания состоит в том, что оно является принятием обязательства совершить определенный акт. Обещания являются неотъемлемой составляющей политических текстов.

Прогноз, являющийся разновидностью обещания, составляет 6,6 %. Он также важен для политической коммуникации.

Незначительный процент высказываний со страдательным залогом выражает упрек (4,6 %), требование (3,6 %), предупреждение (3 %).

Довольно редко выражается предположение (2 %), призыв (1,6 %), сожаление (1 %). Это можно объяснить следующими причинами. Для политической коммуникации нехарактерно высказывание предположений, так как это означает неуверенность в своих словах. Для побуждения к каким-либо действиям конструкции со страдательным залогом малоупотребимы, поскольку для этой це-

ли удобнее и эффективнее использовать действительный залог. Выражение сожаления также нетипично по причине того, что политики предпочитают умалчивать о человеческих потерях.

В заключение отметим, что изучение прагматической направленности страдательного залога представляет большой интерес в рамках антропоцентрической парадигмы изучения языка и может дать еще много любопытных результатов.

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 184.

² Холодович А.А. Залог: Определение. Исчисление // Категория залога: материалы конференции. Л., 1970. С. 2–26.

³ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологических исследований. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 189.

⁴ Холодович А.А. Залог: Определение. Исчисление // Категория залога: материалы конференции. Л., 1970. С. 2–26.

⁵ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологических исследований. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 190.

⁶ Есперсен О. Философия грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 190.

⁷ Там же.

⁸ Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста. Пермь, 2002. С. 49.

⁹ Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II. М., 1999. С. 229–254.

Поступила в редакцию 15 января 2009 г.

ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

УДК 430

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА ДИПЛОМАТИИ В ПОЛИПОЛЯРНОМ МИРЕ

О.А. Вдовина

MULTIFUNCTIONAL LANGUAGE OF DIPLOMACY IN THE MULTIPOLAR WORLD

O.A. Vdovina

Статья посвящена актуальной теме – специфике языка дипломатии западных демократических стран, существующих в рамках многополярного мира. Отмечается, что соприкосновение политических систем стран всего мира требует уточнения терминов, а также национальных и интернациональных политических понятий, что является важной проблемой современного этапа в развитии международных отношений. Автор делает вывод, что политика и язык тесно переплетаются и многовекторные политические процессы в полиполярном мире отражаются в языке, который сам становится полифункциональным и полиполярным, как мир. Концентрируется внимание на экспрессивных средствах языка дипломатического общения, которые способствуют передаче интеллективной информации в более доступной форме, позволяют дипломатам вовлечь реципиента в свои рассуждения, а также способствовать изменению отношения последнего к политическим процессам.

Ключевые слова: полифункциональность, язык дипломатии, полиполярность, терминология, стилистические приемы.

The article deals with the developments in diplomatic communication in western democracies existing within the framework of the multipolar world. The author comes to the conclusion that diplomats use a great number of stylistic devices to persuade audience members to adopt a certain view of the heads of states, of the policies pursued by them and of what they are trying to achieve in politics. The techniques of persuasion born of public relations were applied to the diplomatic communication and are commonly employed by diplomats to shape messages targeted at maximizing their desired impact and minimizing undesired collateral effects. The main emphasis has been placed on the fact that diplomatic communication encompasses the creation, distribution, control, use, processing, and effects of information as a political resource by organizations, groups and individuals. The author dwells upon the linguistic devices with the help of which public opinion is created, shaped, sustained, manipulated, and directed towards the objectives diplomats attempt to attain.

Keywords: multifunctional language of diplomacy, multipolar world, terminology, stylistic devices.

Термин полифункциональность в музыкальной среде означает сочетание различных функций в одном созвучии, причем зачастую это сопряжено с противоречием между нижними и верхними голосами гармонии¹. Понятия язык и музыка тесно переплетены, так как речь уже сама по себе не что иное, как музыкальное произведение – речитатив. В энциклопедии Брокгауза и Эфрона речитатив определяется как вокальная музыкальная форма,

не подчиненная симметрическому ритму, как род певучего разговора. Как термин полифункциональность, так и определение речитатива имеют одну общую характеристику – асимметрию, несоответствие. Все это, как в зеркале, отражается в языке и речи дипломата, представляющих комбинацию языковых единиц, заимствованных из полярно противоположных регистров. Язык дипломатии нужен всем – и экологам, и врачам, и уче-

Вдовина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №5 МГИМО (У) МИД России. E-mail: senator.71@mail.ru

Olga A. Vdovina, PhD, assistant professor of the English Language department 5 at Moscow State Institute of International Relations (University) – MGIMO(U). E-mail: senator.71@mail.ru

ным, двигающим научно-технический прогресс. Всего несколько месяцев тому назад внимание мирового сообщества было сосредоточено на величайшем изобретении человечества – коллайдере. Известно, что над этим проектом трудились ученые из многих стран, и мы не можем утверждать, что они не использовали язык дипломатии для того, чтобы в течение долгого времени находить ответы на вопросы и совместно преодолевать возникающие трудности, работая в мультикультурной среде. Наверняка они не раз задумывались о том, будет ли политически корректным использование того или иного слова, термина.

В языке дипломатии, как в призме, отражается переплетение множества лучиков – регистров (термин, кстати, тоже пришедший к нам из музыки, где он обозначает относительную высоту ноты, диапазон), под которыми мы понимаем языки, ассоциирующиеся со специфическим контекстом той или иной области знания или сферы использования. Язык дипломатии – это тот язык, который должен следовать нормам, в том числе и этическим, с одной стороны, и в то же время звучать естественно, как песня, а не быть искусственным и механическим, – с другой. Никому в голову не приходит петь песни на языке эсперанто или *Seaspeak*, так как «ни сам эсперанто, ни созданные позднее гибриды искусственных и естественных знаковых систем (такие, как интерлингва, новиаль и интергlossa) не являются языками какого-либо народа, то есть национальными языками. Они есть плод научных усилий ученых, в то время как английский язык является не только плодом нормализаторской деятельности лингвистов, но и естественной саморазвивающейся семиотической системой»².

Говоря о языке дипломатии, возникает вопрос о том, испытывает ли он на себе воздействие других языков, в частности французского (также официального языка дипломатии), и приобретает ли он характеристики, видоизменяющие норму. Интересно отметить то, что хотя английский язык испытывает воздействие других языков и культур, однако, он не теряет связь с культурой его носителей. «Евроанглийский – ярлык, приклеиваемый иногда в наши дни своеобразному варианту английского языка, которым пользуются французские, греческие и другие дипломаты в кулуарах Европейского Союза, для которых английский – иностранный. Тем не менее ни в одном из этих случаев не наблюдается сколько-нибудь серьезных признаков дробления языка на взаимно непонятные варианты»³.

В дипломатической сфере осуществляется множество международных связей. Конечно, вопрос о взаимопонимании разных наций, говорящих на разных языках, является первостепенным. Термин дает предпосылку понимания сути дела как при чтении книги по данной специальности, так и при установлении международных контактов. Еще в XVIII–XIX веках в английском

языке формируется фонд интернациональной лексики, охватывающей, в основном, научно-техническую и общественно-политическую терминологию. Этот фонд лексики складывается из элементов разных языков, преимущественно греческого и латинского. Необходимо отметить, что эти лексические единицы становятся достоянием целого ряда языков, и зачастую невозможно вспомнить или даже определить, где они появились впервые. В интернациональном фонде рождаются слова, образованные из элементов, существующих издавна, хотя сами слова новые, например, *telephone* от *phone/* звук, *telegraph* от *tele/* на расстоянии и *grapho/* пишу, *telescope* от *scopeo/* смотрю, вижу, *microscope* от *micros/* маленький. Все эти слова, как и само слово – дипломатия (*díplōma*), образованы из древнегреческих элементов. В Древней Греции этим словом назывались двоянные дощечки с нанесенными на них письменами, выдававшиеся посланцам в качестве верительных грамот и документов, подтверждавших их полномочия. Как обозначение государственной деятельности в области внешних сношений слово «дипломатия» вошло в обиход в Западной Европе в конце восемнадцатого века.

Очень важное качество терминологии дипломатии – это ее международность. Тесные экономические и политические связи между странами создают условия для роста интернациональной лексики. Во времена СССР вошли в международный оборот такие слова, как *soviet/* советский, *Bolshevik/* большевик, *komsomol/* комсомол, *kolkhoz/* колхоз, а во времена перестройки такие слова, как *glasnost/* гласность и само слово *perestroika/* перестройка. Новейшее заимствование *Spetsnaz* (*Russian special purpose regiments*) – термин, использующийся для обозначения войск специального назначения (спецназ). Хотя это слово могло бы быть переведено как «special designation» для обозначения элитарного военного подразделения / «any elite military or police unit», в английских новостях и газетах мы встречаем слово *Spetsnaz*, которое, в свою очередь, образует терминологический ряд: *spetsnaz soldiers*, *spetsnaz commando*, *spetsnaz forces*, *spetsnaz troops*, *spetsnaz unit*, *spetsnaz tactics*, *spetsnaz recruits*, *spetsnaz groups*.

Полифункциональность языка дипломатии подразумевает не только сплетение терминологических систем и соответственно огромного диапазона тем, но и отражает широкий спектр социально-экономических прослоек общества, разнообразие политических партий, плюрализм мнений и позиций, напрямую зависящих от уровня образованности и социального статуса говорящего. Как отмечал Г.Г. Почепцов, современное общество вышло на новый этап своей организации, на котором борьба государств за мировое экономическое и политическое доминирование осуществляется не традиционными средствами ведения военных дей-

ствий, а посредством «информационных войн», в которых главным оружием является слово⁴.

Многовекторность – еще один термин, который может быть использован для характеристики языка дипломатии, стремящегося, как правило, закамуфлировать, а иногда и наоборот, обнажить реальность. В этой связи хотелось бы отметить, что в настоящее время необходимо больше внимания уделять анализу не самого сообщения, а анализу лексических, грамматических, стилистических средств его передачи. Логика мышления дипломата обусловила форму изложения фактологического материала, которая направлена на оказание воздействия на читателя с целью изменения его отношения к описываемым процессам, что проявляется в использовании разнообразных стилистических средств, таких как цитирование, интимизация, риторический вопрос, вопросно-ответный комплекс, анафора, катафора, сравнения, аналогии, антитеза, эпитеты, персонификация, метафоры, идиомы, документальные формы.

В речах дипломатов цитирование несет как информационную, так и эстетическую функциональную нагрузку. Соответственно в цитатах может превалировать либо функция сообщения, либо функция воздействия. Цитаты по способу введения в текст делятся на органически вплетенные в синтаксис основного текста (косвенное цитирование) и цитаты, выносимые в отдельный абзац (отдельное высказывание). Цитаты используются для подтверждения объективности высказывания дипломата, для краткого выражения сути того или иного явления или политической ситуации. Они заимствуются из следующих источников: энциклопедий, монографий, художественных произведений, писем и выступлений политических деятелей. С точки зрения соотношения текста цитат и основного текста наблюдается следующая дихотомия: стиль цитаты может быть однородным с основным стилем изложения и может быть ему противопоставлен.

Интересно отметить, что в речах дипломатов главными действующими лицами оказываются не только государственные деятели, но и сами государства, коалиции государств и даже цивилизации. Все они являются не пассивными участниками событий, а активно действуют. Государства, цивилизации и даже мир совершают как созидательные, так и разрушительные действия – *France introduced, Great Britain elaborated, Austria reconstructed, Europe invented, Western countries conquered and colonized, societies cooperate with each other, civilizations clash*. Во всех этих «деяниях» четко прослеживаются поступки и действия, свойственные людям. Весь мир не стоит на месте, он находится в постоянном движении – каждое государство что-то совершает: разрабатывает, реконструирует, вводит что-то новое, изменяет, сталкивается с проблемами, извлекает пользу из чего-либо, выбирает, изобретает, подтверждает, сотрудничает, обеспечивает, проводит внешнюю

политику, развивается. За всем нечеловеческим стоит человек, который со всеми своими деяниями, хорошими и плохими, хочет скрыться за географическими названиями, абстрагироваться от своих поступков для того, чтобы восхититься или содрогнуться от содеянного.

На персонификацию можно посмотреть и с другой точки зрения: щедрость человеческой души не позволяет смириться с тем, что «нечто» не может делать то, что и он – человек, отсюда наделение человеческими свойствами всего того, что является неприемлемым с точки зрения здравого смысла. Как и люди, государства, цивилизации находятся в сложных отношениях, увеличиваются в объеме, завоевывают, влияют на кого-либо, терпят неудачу и даже крах. В речах дипломатов разнообразные концепции, доктрины, философские школы обретают самостоятельность. Они ведут себя следующим образом: *American thinking on foreign policy encountered; the balance-of-power system did not purport; concepts of power had substantially broken down; the notion did not exist; a strategy for emergencies failed; the notion led to*. Считается, что процесс персонификации невозможно унифицировать, ибо в каждом отдельном случае он наделяется теми свойствами человека, которые необходимы автору для решения поставленных им проблем. Тем не менее проведенный анализ показывает, что существует стереотипное восприятие неодушевленных явлений как живых людей, что находит свое соответствующее выражение на лексическом уровне. Так, время – безмолвный пассивный наблюдатель происходящих событий – всегда созерцает, не вмешиваясь в них. Время в языке дипломатического общения не является главным действующим лицом и играет роль второго плана.

Еще один прием, который позволяет дипломату максимально воздействовать на реципиента, пробуждая в нем чувство сопричастности и единства с автором высказывания – это интимизация, а именно употребление личного местоимения первого лица единственного числа «I». Однако в выступлениях дипломата местоимение первого лица единственного числа «I» нечасто, так как они отдают предпочтение личному местоимению множественного числа первого лица «we» и его производным – объектному местоимению «us» и притяжательному местоимению «our». Эти объединяющие местоимения сближают планы выступающего и слушающего, превращая последнего в единомышленника первого и, в некотором роде, соавтора. Следует отметить, что притяжательное местоимение «our» в наибольшей степени создает чувство сопричастности как с самим событием, так и с человеком, изложившим его. Несомненно, еще большее чувство единения возникает тогда, когда автор подчеркивает, что как он, так и слушающий его живут в одну историческую эпоху и что проблемы, волнующие ученого, не могут оставить равнодушным и его читателя.

Our own experience has taught us, seemingly, that the future is more likely than not to contain new and unimagined evils, from fanatical dictatorships and bloody genocides to the banalization of life through modern consumerism, and that unprecedented disasters await us from nuclear winter to global warming⁵.

Таким образом, интимизация способствует созданию атмосферы доверия и устраняет барьер, существующий между дипломатом и тем, кому он адресует свои речи. Благодаря интимизации, оказывающей косвенное воздействие, дипломат создает основу для общения со слушающим, вовлекая его в процессы, происходящие на международной арене.

Характерными способами установления тесного контакта с читателем также являются риторический вопрос и вопросно-ответный комплекс, которые оживляют повествование в целом, создавая своеобразный диалог между автором и реципиентом в рамках монологического повествования. В языке дипломатического общения риторический вопрос используется для того, чтобы привлечь внимание читателя к определенной проблеме, сообщить ему нечто ранее неизвестное или заставить обеспокоиться предполагаемым развитием событий. Риторический вопрос может ненавязчиво вовлечь читателя в рассуждения автора и подвести к тому, чтобы тот самостоятельно смог прийти к определенным выводам. Вопросно-ответный комплекс также относится к характерным способам установления тесного контакта со слушающим. Задавая вопросы, на которые он сам и отвечает, дипломат тем самым заставляет последнего задуматься, а иногда позволяет найти собственное решение проблемы, соглашаясь или не соглашаясь с автором.

Таким образом, как риторический вопрос, так и вопросно-ответный комплекс не позволяют реципиенту оставаться безучастным к поднятым проблемам, они держат его в напряжении. Если при введении новой темы исследования автор использует вопросно-ответный комплекс, то это говорит о том, что вводимая тема является чрезвычайно важной и на нее следует обратить особое внимание. На все это читатель может отреагировать по-своему, поскольку косвенно от него ожидают какой-либо ответ.

Свою тревогу по поводу настоящих конфликтов, которые в будущем приведут к еще более катастрофическим столкновениям, дипломат может выразить, используя не одно, а несколько стилистических средств.

The **bloody clash** of clans in Somalia poses no threat of broader conflict. The **bloody clash** of tribes in Rwanda has consequences for Uganda, Zaire, and Burundi but not much further. The **bloody clashes** of civilizations in Bosnia, the Caucasus, Central Asia, or Kashmir could become bigger wars⁶.

Так, в данном отрывке сосуществуют эпитет – «bloody clash», анафора – три предложения начи-

наются с одной фразы «The bloody clash» и градация: группа людей, участвовавшая в кровавых столкновениях с каждой новой эпохой увеличивается, начиная с кланов, затем продолжая племенами и наконец завершая цивилизациями: clans – tribes – civilizations. Люди часто забывают о том, что было раньше, и вновь совершают одни и те же ошибки. Эти ошибки приводят к новым кровавым столкновениям, но несколько иным по масштабу по сравнению с прошлым – к столкновению цивилизаций.

Язык дипломата, как правило, изобилует лингвистическими сравнениями, которые используются для того, чтобы подчеркнуть отношение человека к окружающему его миру и событиям, происходящим в нем. Например, внешняя политика для Фридриха Великого была лишь шахматной доской, на которой он выстраивал свои фигуры.

Frederick the Great treated **international affairs as if it were a game of chess**⁷.

Стилистический прием антитезы позволяет специалисту в дипломатической сфере добиться желаемой им объективности, поскольку противопоставляя, ему удается найти золотую середину, которая близка к искомой непреложной истине.

People are discovering **new but often old identities** and marching **under new but often old flags** which lead to wars with **new but often old enemies**⁸.

В своей творческой лаборатории дипломат постоянно пользуется оценочными понятиями. При этом оценка может быть выражена прямо и косвенно. Прямая оценка выражается, в основном, благодаря эпитетам, которые подразделяются на положительные (wise policy, mercurial leader, powerful alliances, great religions, triumphant dominance) и отрицательные, выражающие негативное отношение дипломата к определенному событию или личности (merciless autocracy, cynical methods, hostile army, bloody clash, prickly interlocutor, disastrous war).

К распространенным стилистическим средствам также относятся: метафоры (iron curtain, the theatre of war, iron will, the international arena, snowball effects), которые позволяют донести до читателя информацию более полно, объемно, образно; фразеологические единицы, которые подразделяются на стилистически нейтральные, лишённые образности и метафоричности, органически вписывающиеся в общий нейтральный фон научного повествования (to take for granted, as a rule, in order to, so as to, in fact, according to) и собственно идиомы (to put one's head in a noose, to miss the forest for the trees, to fall on deaf ears, to see eye to eye, to take the bait, to have second thoughts, to pull a rabbit out of a hat), которые придают живость высказыванию; прием антономазии (the prince of the Church – князь Церкви – кардинал Ришелье).

Фразеологические единицы мифологического, литературного происхождения, такие как the Golden Age, the Achilles heel, the Gordian knot, the bed of Procrustes, Pandora's box, a sword of Damoc-

cles, Platonic love популярны в дипломатической среде. Для того чтобы понять смысл предложений, в которых используются подобные фразеологические единицы, необходимо иметь определенные фоновые знания. Фразеологические единицы, в частности собственно идиомы, нередко подвергаются деформации в речах дипломатов. Главной предпосылкой деформации идиоматических фразеологических единиц является онтологически присущее любой из них противоречие между семантической глобальностью целого образования и раздельнооформленностью составляющих его компонентов. Чем больше семантическая неделимость, неразложимость, чем крепче их устойчивость, тем чаще они подвергаются деформации. Это оказывается возможным вследствие актуализации потенциального значения слова в составе идиомы и разрушения семантической монолитности фразеологического сращения. Деформированная идиома наполняется новым содержанием и используется для усиления экспрессивной стороны высказывания. Примером может стать сложная деформация идиомы, которая осуществляется за счет соединения двух идиом, замены устоявшихся компонентов на новые и введения дополнительных лексических единиц.

When, in the nineteenth century, a French diplomat told British Prime Minister Palmerston that France had grown accustomed to Palmerston's **pulling a diplomatic card out of his sleeve** at the last moment, the plucky Englishman had responded, «God put the cards there»⁹.

Важно отметить, что использование образных, экспрессивных средств в языке дипломатического общения не является инородным вкраплением. Эти средства способствуют передаче и восприятию интеллективной информации в более доступной форме, привлекают внимание реципиента к поставленной проблеме, а также позволяют автору в более доходчивой форме обосновать правомерность своих взглядов, вовлечь слушающего в свои рассуждения, способствовать изменению его отношения к какому-либо событию или политическому деятелю.

Ввиду того что действенным инструментом устройства общественной жизни и дипломатической сферы в первую очередь стал язык, то можно сказать, что одним из наиболее важных глобализационных процессов является языковая глобализация – «процесс чрезвычайно активного взаимопроникновения языков в условиях глобализации, характеризующийся доминированием английского языка»¹⁰. Сейчас английский язык используется в качестве языка дипломатии, международной торговли и признается основным языком ООН – является воплощением давней мечты человечества о едином языке.

Всего несколько столетий назад английский язык не имел важного социального значения в Европе, был неизвестен остальному миру, на кото-

ром говорило всего несколько миллионов человек, преимущественно крестьян. Это был язык бедных, изобилующий французскими заимствованиями. Что способствовало стремительному распространению английского языка – простота грамматических конструкций (малочисленность флексий, отсутствие грамматического рода), космополитичность словаря (изобилие иностранных заимствований), известные по сей день литературные памятники (поэмы Чосера)? Нет, причина, по которой английский язык обретает международный статус – это политическое могущество народов, носителей этого языка, а также их военное превосходство. Перетекание огромных средств из одной части света в другую изменяет характер конфликтов, которые превращаются в клубок неясной конфигурации, который даже невозможно распутать. Частью глобализации является американизация мировой жизни, что в свою очередь, выдвигает американский вариант английского языка на первый план. Это уже не только использование его в качестве языка лингва-франка, это его повседневное использование при работе в Интернете, просмотре газет и журналов, прослушивании новостей американских каналов.

Однако есть в мире силы, противодействующие языковой глобализации, и не все страны приветствуют триумфальное шествие английского языка. Политические разногласия по поводу использования единого языка в сферах экономики, законодательства, права, дипломатии – это наша действительность. Наибольшее сопротивление этому процессу оказывают французы. Каждый год франкофоны и франкофилы пяти континентов отмечают 20 марта международный день франкофонии, день, когда проводится ряд самых разнообразных культурных мероприятий, связанных с французским языком.

Впервые термин «франкофония» (понятие, которое также переключается с музыкой (фон(о)-, -фония от греческого слова *phōnē* – звук, голос) был употреблен в 1880 году французским географом Онезимом Реклю, и с тех пор это понятие обозначает географические территории, где распространены французский, или совокупность людей, говорящих по-французски. Известно, что Франция, в отличие от Великобритании, применяла прямой способ управления колониями. Именно такое политическое и культурное наследие позволило сделать французский язык средством установления взаимодействия между разнообразными культурами. Б.Б. Гали, ранее занимавший пост генерального секретаря ООН, отмечал, что франкофония задумывалась как «другой способ понимать мир», то есть «понимать идентичность, языковое многообразие, универсализм».

Политизация МОФ (Международной Организации Франкофонии) в большой степени выражается в ее активном участии в важнейших делах мировой политики, в ее претензиях на существен-

ное влияние в международных отношениях, в частности, в сферах политики, экономики, безопасности, информационных технологий, что, в свою очередь, совмещается с активной культурной деятельностью. Причины политической активизации МОФ являются как объективными, так и субъективными. Очевидно, что к первым относятся теракты 11 сентября 2001 года в США, резкое возрастание террористической угрозы, обострение вопроса по Ираку. Ко вторым можно отнести общий курс МОФ на усиление влияния в мире. В Бейрутской декларации, затронувшей важнейшие вопросы мировой политики, провозглашается важнейший принцип МОФ – диалог культур – в качестве главного фактора установления мира и борьбы с нетерпимостью, экстремизмом, терроризмом, который превращается в реальный политический инструмент. Жак Ширак также провозглашает, что диалог культур – лучшее противодействие от риска столкновения цивилизаций. Франкофония укрепила связи с арабским миром, так как Франция была в центре деятельности по срыву всех инициатив Дж. Буша и Т. Блэра, и смогла провести в МОФ решение об осуждении попыток силового вмешательства. Казалось, что эта франко-английская языковая война закончилась еще полвека назад – после второй мировой войны, когда США приобрели значительное политическое влияние и английский язык стал средством делового и дипломатического общения на Западе. Однако этот процесс продолжается и по сей день, и причины действий Парижа, для которого очень важен культурный фактор во внешней политике, кроются не столько в реалистических попытках утвердиться в статусе великой державы, сколько в мировоззренческих, в том числе и лингвистических несовпадениях между США и Францией.

Еще с 1911 года во Франции существует закон, запрещающий использование иностранных слов. Среди государственных структур, занимающихся вопросами французского языка, следует отметить Генеральную комиссию по терминологии и неологизмам при премьер-министре страны, эксперты которой внимательно изучают списки новых терминов, вводимых в употребление, и выносят суждение о целесообразности использования того или иного термина. В 1975 году выходит закон о поддержании чистоты французского языка, по которому все граждане, употребляющие англицизмы, не введенные в употребление официально (pipeline, jet airplane, hamburger, chewing gum, gadget, holdup, weekend, blue jeans, self-service, manager, marketing), должны были платить штраф. В период с 1977 по 1987 годы было даже заведено несколько уголовных дел за нарушение этого закона. Французская академия и Высший совет французского языка вырабатывают и предлагают альтернативы взамен англицизмов, в том числе для компьютерных терминов и терминов телекоммуникации. Газета *Ле Монд* саркастически

писала, что для того, чтобы не нарушать закон, используя слово sandwich, французам следует использовать эквивалент, состоящий из девяти слов, который при переводе обозначает «два кусочка хлеба с чем-то посредине». Несмотря на эти старания, распространение франгле, языка, в котором употребление англицизмов предпочтительнее, чем соответствующих французских слов, уже нельзя остановить. Появление англицизмов во французском языке – это не новое явление, и таким словам как *le snob*, *le biftek*, *le self-made man* уже более ста лет, *rosbif* (roastbeef) – триста пятьдесят, *ouest* (west) – уже семьсот.

Однако необходимо отметить, что раздражающий фактор для французов, борющихся за чистоту языка, не то, что в нем появляются англицизмы, а то, что в мире отпала необходимость заимствовать слова из французского языка. По наблюдениям лингвистов стратегию заимствования определяют, в основном, внеязыковые механизмы, одним из которых следует признать фактор престижа. Например, сыпать американизмами считается проявлением космополитичности, открытости новому, прогрессивности и прочих добродетелей современного человека. Эти процессы протекают на фоне противостояния либерально-оптимистической картины мира и концепции необходимой полиполярности.

Исследование источников формирования дипломатической терминологии позволяет назвать такие пути ее формирования, как заимствование иноязычных терминов и терминологизация общепотребительных слов. В этой связи отметим использование французского термина британским министром иностранных дел Джеком Стро для описания характера резолюции, которую, по его мнению, следовало бы принять ООН по Ираку. Речь идет о французском слове «*chapeau*» – головной убор, шляпа. Понятно, что эта метафорическая шляпа напоминает английский зонтик. «Мы надемся, – приводит слова Стро «Монд», – что ООН будет играть роль своеобразного зонта при распределении гуманитарной помощи в Ираке, что будет способствовать юридическому и политическому возрождению этой страны». «Этот термин, – пишет газета, – весьма удачен, так как, с одной стороны, он на слуху, и понятен для многих, а с другой – достаточно многозначен, что дает возможность его вольной интерпретации». «Язык дипломатии бесконечно изобретателен, и каждый новый кризис еще более обогащает его», – не без иронии заключает французская газета.

Еще одним примером того, как английский язык модифицируется, модифицируя, в свою очередь, и другие языки, стало появление гибридов языков, таких как *Denglish*. Ответственная за чистоту языка официальная Академия немецкого языка и поэзии признала серьезность проблемы и порекомендовала экспертам на одном из своих регулярных съездов изучить возможность «немецива-

ния» четырех тысяч английских слов, разгуливающих по речевым ландшафтам Германии. «Очищение» языка от иностранщины – это далеко не новое явление. Очищали язык в шестнадцатом веке от засилья латинских слов, а в эпоху Тридцатилетней войны и позднее – в годы первой мировой – от слишком «нежного» для тевтонского духа французского влияния. Вопрос двадцать первого века состоит в том, что будет с английским языком, останется ли он одним целостным организмом, живущим полноценной жизнью, или распадется на множество подязыков? Говоря о будущем английского языка как глобального, опасения наши должны быть не по поводу того, что появятся разнообразные гибриды языков, а то, что различий между ними не будет, так как эти ответвления не имеют своих культурных традиций, обычаев, и, наконец, не уходят своими корнями в историю. В результате какая это будет потеря для английского языка.

«Потребность в понимании друг друга и одновременно в осознании себя как нации часто разделяет народы и страны, которые оказываются по разные стороны «баррикад». Первое стимулирует изучение международного языка, каковым в большинстве случаев оказывается английский, второе способствует пропаганде местных языков и национальной культуры»¹¹. Для того, чтобы были и волки сыты, и овцы целы, некоторые государства, такие как Ирландия, проводят двуязычную политику, направленную на сохранение и поддержание национальной самобытности. Она выражается в частности в том, что гэльский язык является обязательным предметом в средней школе. Однако тот факт, что гэльский язык навязывают с детства и как бы принуждают детей изучать его с раннего возраста, привел к тому, что взрослые ирландцы не приемлют его (всего лишь 15 процентов населения говорит на нем). Кроме того, ирландцы не чувствуют необходимости в его изучении, так как Ирландия заинтересована в принадлежности к глобальному экономическому сообществу, являясь членом Европейского Союза. Потребность в английском языке растет, так как преподавателям университетов и колледжей приходится работать с многоязычной аудиторией, состоящей из иностранных студентов. За последнее десятилетие преподавание английского языка иностранным гражданам превратилось в индустрию, связанную с поступлением огромных средств в страну из зарубежных стран. Несмотря на то, что английский язык у многих ирландцев ассоциируется с колониальным периодом, временем, когда существовало презрительное отношение к местному языку, они используют английский язык как в повседневной жизни, так и как язык международного общения для того, чтобы не отгораживаться от остального мира.

Что это? «Это конфликт между потребностью в общении и необходимостью осознания себя как

нации»¹². Для того чтобы подчеркнуть существующие отличия от других англоговорящих стран, нации, обладающие особым чувством национального самосознания и самобытности, вводили в обиход местные словечки и выражения. Это, например, использование в ирландском английском (Hiberno English) слов: *dingen* (e.g. the film (fillum) was *dingen*, что означает хороший), произошедшее от гэльского «*daingean*», *Mouth like a Malahide cod* – дублинский сленг, использующийся для обозначения человека, любящего много говорить, или *a soft da* – для обозначения дня с морозящим дождем и затянутым облаками небом.

В других странах это стремление подчеркнуть национальную самобытность выражалось не только на уровне использования специфических только для этого региона слов, но и в изобретении особых грамматических форм слова. Это можно проследить на примере австралийского варианта английского, который содержит не только слова и выражения, возникшие на местной почве, заимствования из языков австралийских аборигенов, но и свою, специфическую богатую парадигму уменьшительно-ласкательных суффиксов, придающих целому значению малого размера, сопровождающееся экспрессивной окраской нежного чувства, которое, как правило, человек испытывает к чему-то милому. Это суффикс «*-za*», прибавляющийся к именам, заканчивающимся на *-(r)g* в сочетании с гласным, например «*Bazza*» для «*Barty*», «*Gazza*» для «*Gary*», а также другие суффиксы, такие как «*-ey/ -ie/ -y*», «*-o*» в собственных именах *Peteu* вместо *Peter*, *Dougie* вместо *Douglas*, *Johnny* или *Jono* вместо *Jonathan*, *Robbie* или *Robbo* вместо *Robert*. *Garbage collectors* известны как *garbos*, а номенклатурные образования такие как *Salvation Army* и *McDonald's* известны как *Salvos* и *Macca's* соответственно. Наиболее распространенным masculine diminutive является *-(e)an* (*bodachan* вместо *bodach/* пожилой человек; *lochlan* вместо *loch*), в то время как наиболее распространенным feminine diminutive *-(e)ag* (*Morag* вместо *Mor/* Сара; *Niseag* вместо *Loch Nis / Nessie*). Передача уменьшительно-ласкательного значения может осуществляться с помощью усечения либо первой части слова, либо последней. Такие слова, как *ambulance officers*, *firefighters* заменяются словами *ambos* и *fires* соответственно. Конечно, не только в Австралии популярно использование сокращенных названий для городов и местечек, но австралийцы используют их чаще, например, те, которые оканчиваются на суффикс *-o*, как в случае с *Chippo* вместо *Chippendale*. Они их и используют для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что это место хорошо всем известно или показать, что они горды тем, что там живут. Что это как не проявление национальной самобытности?

Это также относится к шотландскому варианту английского языка, в котором уменьшительно-ласкательные суффиксы более распространенные

ны, чем в английском языке. Такими суффиксами стали: *-ie* (*burnie* – легкий ожог; *kiltie* – солдат, одетый в килт; *Nessie* – Лохнесское чудовище; *postie* – почтальон), *-ock* (*bittock* / *wee bit* – немного; *playock* – игрушка; *sourock* – щавель), *-ockie* (*hooseockie* – маленький дом; *wifockie* – маленькая женщина), *-ag*, происхождение которого берет свое начало в шотландском гэлике (*bairmag* / *wee bairn* – маленький ребенок; *Cheordag* вместо *Geordie*).

Таким образом, можно сказать, что опасения по поводу того, что глобализация приведет к исчезновению национальной специфики, не оправдались. Примеры из ирландского английского, шотландского английского и австралийского показывают, что дух нации имеет свое отражение в языках по сей день. Английский язык многолик и полиполярен, что выражается в частности в формировании собственной закрытой системы уменьшительно-ласкательных суффиксов в Австралии, тех суффиксов, которых нет в английском языке. Самобытное развитие языков отражается в том, что в Австралии появилась своя новая парадигма одноименных суффиксов, что означает, что на фоне демократизации общества происходит раскачивание нормы, в результате чего подязыки становятся менее понятными. Итак, наряду с центристскими силами, то есть со стремлением стандартизировать английский язык и сделать его глобальным, важнейшим средством международного общения, существуют центробежные силы, выражающиеся в стремлении малых народов сохранить свою социальную принадлежность, в первую очередь, изучая свой родной язык и лелея свои собственные традиции, а не единственного гегемона.

В статье профессора Яковлевой Е.Б. говорится, что развитие английского языка сегодня характеризуется двумя противоположными тенденциями. Это упрощение, стандартизация языка в условиях его глобального использования и варьирование, расшатывание традиционно известных норм. В связи с первой тенденцией заслуживает внимания термин *Globish*, который отражает попытку филологов вычлени из всего словарного состава английского языка важнейшие лексические единицы, постоянно используемые носителями английского языка. Однако использование ограниченного набора слов может стать угрозой для национально-культурной полифонии (еще одного термина, заимствованного из музыки, образованного от греческих слов *πολύς* / полифонический, *φωνή* / звук и обозначающего музыкальный склад, характеризуемый многоголосием), то есть одновременного звучания, развития и взаимодействия нескольких равноправных мелодий мира.

Таким образом, разнообразие региональных вариантов, в том числе и вышеперечисленных, удивительно. «В процессе использования английского языка в качестве *lingua franca* он сам пре-

терпевает такие изменения, что в своих региональных формах лишь отдаленно напоминает исходный вариант¹³. В этой связи отметим еще два диалекта, развивающихся в Великобритании и США – это *Estuary English* и *Ebonics* соответственно. Автор термина *Estuary English*, введенного в 1984 году, считает, что влияние лондонского акцента уже ощущается повсеместно. Более того, именно в этой форме британская речь легче воспринимается иностранцами. «It is the type of British English pronunciation that Americans find easiest to understand»¹⁴. Расшатывание традиционных норм языка изнутри (например, опущение суффикса *-ly* в наречиях), в сердце национального региона английского языка, вызывает ряд критических публикаций в прессе. Дэвид Кристалл считает, что мы являемся свидетелями естественного изменения нормативности речи в условиях демократизации общества. Аналогичные процессы наблюдаются и в США, где общенациональный языковой стандарт испытывает воздействие диалекта темнокожего населения Америки, известного как *African American Vernacular English* (AAVE), *Black English* или *Ebonics*, первое упоминание которого появилось в 1973 году. Этим термином, который дословно переводится как «черная фонетика» (*ebony* – черный, *phonetics* – фонетика), определил языковую форму афроамериканцев Р. Л. Уильямс, доктор психологии, профессор Вашингтонского университета в городе Сент-Луис (Миссури). Стандартный американский английский заимствует лексику из AAVE (*banjo*, *cool*, *hip*, *blues*, *boogie*, *break*; *breaker*; *break-dancing*, *chart*, *funky*, *hip-hop*, *jazz*, *jitterbug*, *jive*, *map*, *punk*, *rap*, *scat*, *shake*, *slam-dancing*, *solid*, *trash-talking*), часто образуя колоритные синонимичные ряды: *boogie*, *dude*, *jig* – для обозначения афроамериканца; *cool*, *clean*, *dope*, *fly*, *hip*, *righteous*, *stupid*, *tough* – для передачи значения «великолепно»; *duds*, *gear*, *rags*, *threads* для обозначения одежды. К примерам заимствований из AAVE также относятся: *to bounce* – «уходить», *to bust* – «убивать», *to chill* / *chilling* – «развлекаться», *to grub* – «есть», *(the) hawk* – «холодный ветер», *to high five* – «здороваться», *to kick* – «проводить время», *lames* – «отсталый, устаревший», *ogeo* – «афроамериканец, выбирающий модель социального поведения, свойственную белым», *salt & pepper* – «межрасовый», *to sport tudes* – «выражать отношение к чему-либо». Стандартный американский английский заимствует не только лексику, но и грамматические конструкции, такие как *ain't nobody's business*, *wanna*, *gonna*. Наличие ненормативной грамматики и является показателем произвольного развития языка. Сопоставляя процессы языкового развития, профессор Яковлева Е.Б. делает вывод о том, что английский язык сегодня является не только языком-агрессором, воздействующим на многие языки мира, но и языком-жертвой, кото-

Язык для специальных целей

рый подстраивается и видоизменяется в зависимости от этнолингвистических и политико-экономических условий.

Итак, понимание природы языка дипломатического общения сопряжено с определенными сложностями, так как язык дипломатии является средством международного общения, как и английский язык вообще. На сегодняшний день вопрос, будет ли английский язык использоваться как язык дипломатического общения или он будет вытесняться языками-гибридами, остается открытым. Среди факторов, определяющих статус английского языка как языка лидера, будут следующие: динамика роста политико-экономического влияния регионов, в которых английский язык является государственным, значительная численность носителей языка, достаточная для того, чтобы оказывать ассимилирующее воздействие на окружение, мощный цивилизационный фактор, глобализационные тенденции, приспособленность грамматики, лексики и синтаксиса языка к обслуживанию той или иной сферы общения. Политика и язык тесно переплетаются, и многовекторные политические процессы, свидетелями которых мы являемся, живя в полиполярном мире – глобализация, интеграция и регионализация – отражаются в язы-

ке, который сам становится полифункциональным и полиполярным, как и мир.

¹ Юцевич Ю.Е. Словарь музыкальных терминов. М., 1988. С. 135.

² Яковлева Е.Б. Вперед к прошлому. Учебник – ученик – учитель. М., 2005. С. 38.

³ Кристалл Д. Английский язык как глобальный. М.: Издательство «Весь мир», 2001. С. 227.

⁴ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.

⁵ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. An imprint of Harper Collins Publishers, 2002. С. 3.

⁶ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London, Yale University Press, 1996. P. 28.

⁷ Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994. P. 69.

⁸ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London, Yale University Press, 1996. P. 19.

⁹ Kissinger H. P. 598.

¹⁰ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб; New York, 2006. С. 1110.

¹¹ Кристалл Д. Цит. соч. С. 192.

¹² Там же. С. 195

¹³ Яковлева Е.Б. Цит. соч. С. 23.

¹⁴ Rosewarne D. Estuary English. Times Educational Supplement, 19 October, 1984.

Поступила в редакцию 30 апреля 2009 г.

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Т.Н. Хомутова, О.И. Бабина

RESEARCH TEXT: LINGUISTIC AND COGNITIVE APPROACH

T.N. Khomutova, O.I. Babina

Рассматриваются вопросы анализа научного текста в русле лингвокогнитивного подхода, проводится корпусное исследование и стратификация лексического уровня научных текстов английского подязыка «Программирование», результатом чего является частотный словарь и учебный лексический минимум, в состав которых входит общеупотребительная, общенаучная и терминологическая лексика, разрабатываются принципы построения предметной онтологии на базе терминологического минимума, приводится фрагмент онтологии предметной области «Программирование», намечаются возможные пути дальнейшего исследования и использования полученных результатов в прикладных целях.

Ключевые слова: научный текст, лингвокогнитивный подход, корпусное исследование, частотность, стратификация лексики, программирование, концепт, предметная онтология.

The article investigates the use of a linguistic and cognitive approach to research text analysis. A corpus-based research into lexis of texts in programming is undertaken which results in frequency wordlists and a concise English dictionary for students in programming with general, scientific and terminological layers of lexis defined. Principles of constructing a domain ontology on the basis of the terminological layer are advanced. A fragment of a programming ontology is presented. The perspectives of further research and application of the results obtained are discussed.

Keywords: research text, linguistic and cognitive approach, corpus-based research, frequency, lexis stratification, programming, concept, domain ontology.

С позиций современной лингвистики текст вообще и научный текст в частности рассматривается как средство познания и описания действительности, как инструмент взаимодействия, как знаковый способ материализации знаний и передачи их от человека к человеку, от поколения к поколению, как средство воплощения модели мира, как средство воплощения культуры¹.

В рамках лингвистики текста Л.Г. Бабенко выделяет такие подходы к тексту, как лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический и когнитивный².

Лингвоцентрический подход изучает элементы текста, а именно функционирование языковых единиц и категорий в условиях текста (Б.А. Ларин, Л.А. Новиков, К.А. Долинин и др.).

Текстоцентрический подход рассматривает

текст как целостный завершенный объект исследования, структурно-семантическое целое, обладающее собственными текстовыми категориями и свойствами (Г.Н. Золотова, И.Р. Гальперин, Е.А. Гончарова, Е.В. Падучева, В.А. Кухаренко, И.Я. Чернухина и др.).

Антропоцентрический подход связан с интерпретацией текста в аспекте его порождения (автор) и восприятия (читатель), а также в аспекте воздействия на читателя. Антропоцентрический подход включает следующие направления изучения текста: психолингвистическое (Л.С. Выготский, Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия, Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович); прагматическое (А.Н. Баранов); деривационное (Е.С. Кубрякова, Л.Н. Мурзин); коммуникативное (Г.А. Золотова, Н.С. Болотнова) и когнитивное (Е.С. Кубрякова).

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. E-mail: tnh@susu.ac.ru

Бабина Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. E-mail: olga_babina@mail.ru

Tamara N. Khomutova, Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication. E-mail: tnh@susu.ac.ru

Olga I. Babina, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, SUSU. E-mail: olga_babina@mail.ru

Когнитивное направление/подход по мнению Е.С. Кубряковой рассматривает текст как сложный знак, основное средство выражения знаний автора о мире «в связи с процессами говорения и понимания как процессами взаимодействия психических субъектов»³.

Рассмотренные подходы к исследованию текста не исчерпывают всего многообразия точек зрения на этот сложный объект. Необходимо упомянуть синергетический подход к тексту как самоорганизующейся системе (Р.Г. Пиотровский, Г.Г. Москальчук, В.А. Пищальникова), культурологический подход к тексту как единице культуры (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Л.Н. Мурзин), гендерный подход (О.Л. Каменская, О.А. Воронина, А.В. Кирилина) и другие, подробное рассмотрение которых выходит за рамки настоящего исследования.

Мы разделяем точку зрения ученых, согласно которой анализ научного текста, как правило, связывается с особенностями научного познания, экстралингвистическими факторами, составляющими процесс познания истины. В связи с этим особое значение для современного изучения научного текста приобретают положения когнитивной лингвистики. Поскольку научный текст рассматривается как средство хранения, передачи и обогащения специальных знаний, это обуславливает не только специфику его содержания и особенности логического структурирования, но и соотносительность с научной картиной мира, с ментальными структурами хранения знаний, с определенными типами вербализации таких структур лингвистическими средствами⁴.

Вместе с тем рассмотрение научного текста как единицы научного дискурса, или единицы научной коммуникации, требует привлечения к его анализу положений коммуникативной лингвистики.

Исходя из этого, в последнее время в лингвистической литературе получила широкое распространение точка зрения, в соответствии с которой решение проблем порождения и понимания письменного научного текста необходимо искать с позиций когнитивно-коммуникативной (или когнитивно-дискурсивной) парадигмы, разрабатываемой школой Е.С. Кубряковой. Когнитивно-дискурсивная парадигма не просто признает двумя главными функциями языка когнитивную и коммуникативную, но и преследует цель «изучать эти функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом»⁵.

Когнитивная составляющая данной парадигмы позволяет анализировать типы знаний/информации, вербализуемых в научном тексте, и стоящие за ними ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату с учетом прагматической направленности текста, интенций автора и особого контекста коммуникативного акта⁶.

Данное исследование выполнено в русле лин-

гвогнитивного подхода, который мы понимаем как часть когнитивно-дискурсивного подхода, его первый этап, включающий две составляющих. Лингвистическая составляющая предполагает изучение функционирования элементов текста, а именно языковых единиц и категорий, вербализующих в условиях текста ментальные единицы и структуры. Когнитивная составляющая позволяет выявить эти ментальные единицы и структуры и представить их в виде онтологий той или иной предметной области.

Целью настоящей работы является изучение лексического уровня корпуса научных текстов английского подъязыка «Программирование» и разработка принципов построения онтологии предметной области «Программирование» на базе терминологического словаря. Мы понимаем «подъязык» как часть естественного языка, описывающую определенную предметную область, не имеющую лексико-грамматических ограничений (кроме тех, которые заданы тематически однородной областью функционирования языка), и ограничений, накладываемых ситуацией общения, в частности участниками коммуникации, которая может искусственно моделироваться для облегчения процесса общения и обучения иностранному языку для специальных целей⁷.

Задачи исследования включают составление частотного словаря английского подъязыка «Программирование» на базе корпуса текстов, определение лексического минимума, его стратификацию, выявление терминологического слоя и разработку принципов построения онтологии предметной области «Программирование».

В работе применяются методы корпусной и математической лингвистики, компонентного, контекстологического, морфолого-семантического, сопоставительного анализа, а также метод экспертных судей.

Как известно, эффективность порождения и понимания научного текста на иностранном языке вторичной языковой личностью в значительной степени зависит от ее коммуникативной компетенции, включающей лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую составляющие⁸.

В рамках лингвистической компетенции выделяются лексическая, грамматическая, семантическая и фонологическая компетенции.

Под лексической компетенцией, в частности, понимается знание словарного состава языка и способность использования его в речи.

Разработаны специальные шкалы, которые иллюстрируют различные уровни знания словарного состава языка и способностей его использования. Так, уровням самостоятельного и свободного владения языком, то есть уровням B2, C1 и C2, соответствует «хороший» и «обширный» словарный запас, в том числе «по профессиональной/представляющей интерес тематике и на общие

темы»⁹. Вопрос заключается в том, что считать «хорошим» и «обширным» словарным запасом.

Этот вопрос тесно связан с методикой обучения иностранным языкам, а именно с содержанием обучения, с задачей отбора минимального объема лингвистических единиц, обладающих наибольшей употребительностью и информативностью и обеспечивающих наиболее высокий уровень понимания специального текста на иностранном языке при обучении чтению и аудированию и наиболее высокий уровень его порождения при обучении письму и говорению.

Одним из возможных решений этой задачи является создание частотного словаря определенного подъязыка¹⁰. Частотные словари составляются на основе надежной статистической процедуры и могут служить базой для учебного лексического минимума.

В 1990-е годы под руководством одного из авторов данной работы были созданы 10 частотных словарей различных подъязиков, таких как радиоэлектроника (англ.яз.), электроника (англ.яз.), нелинейная оптика (англ.яз.), сварка (англ.яз.), металлургия (англ.яз., нем.яз.), энергетика (англ.яз., нем.яз.), строительство (нем.яз.), приборостроение (фр.яз.)¹¹.

Все частотные словари были составлены по единой методике, суть которой заключалась в следующем. Основой частотного словаря являлась тематическая структура специальности, составленная экспертами со специальных кафедр. В соответствии с тематической структурой по рекомендации экспертов осуществлялся подбор текстов из современных английских и американских научных журналов и монографий по специальности. Общий объем текстов по одной специальности составил 50 тыс. словоупотреблений¹². Тексты для анализа были подобраны по специально разработанной экспертами тематической схеме дозировки текстов в соответствии с их относительной значимостью. Пример тематической структуры и схемы дозировки текстов для составления частотного словаря английского подъязыка электроники приводится в табл. 1.

Дальнейшая работа по созданию частотных словарей предусматривала введение подобранных текстов в ЭВМ и их машинную обработку. Предварительно все тексты были подвергнуты лингвостатистической обработке: были исключены формулы, цифры, имена собственные, сокращения, химические знаки. Весь лексический массив был подвергнут лемматизации, т.е. все слова вводились в исходной форме, кроме слов, образованных супплетивно. Таким образом, за единицу частотного словаря принималась лексема. Как известно, лексема как единица отбора значительно повышает покрываемость текста, так как вбирает все словоформы частотного словаря с тем же корнем¹³.

В результате машинной обработки текстов на базе программ для ЭВМ ЕС-1022, разработанных

группой «Статистика речи» под руководством Р.Г. Пиотровского, для каждой специальности были получены четыре списка: 1) прямой частотно-алфавитный список лексем до частоты 1; 2) прямой алфавитно-частотный вариант этого списка; 3) обратный частотно-алфавитный список лексем; 4) обратный алфавитно-частотный вариант этого списка.

Таблица 1
Тематическая структура частотного словаря
английского подъязыка электроники (1991)¹⁴

№ п.п.	Раздел	Кол-во словоупотреблений	Объем, %
1	История вычислительной техники	2 000	4
2	Вычислительные машины	25 000	50
2.1	Классификация ЭВМ	2 000	
2.2	Представление информации	6 000	
2.3	Архитектура ЭВМ	13 000	
2.4	Функции ЭВМ	4 000	
3	Программирование	20 000	40
3.1	Технология программирования	4 000	
3.2	Типы программ	6 000	
3.3	Языки программирования	10 000	
4	Применение вычислительной техники	3 000	6
5	Общее количество	50 000	100

Длина списков для каждой специальности варьировалась в следующих пределах: 2755 лексем (английский подъязык нелинейной оптики), 2871 лексема (английский подъязык радиоэлектроники), 3336 лексем (английский подъязык металлургии), 3500 лексем (английский подъязык сварки), 3825 лексем (английский подъязык электроники), 4003 лексем (немецкий подъязык металлургии), 4172 лексем (немецкий подъязык энергетика), 4355 лексем (английский подъязык энергетика), 4568 лексем (немецкий подъязык строительства), 669 лексем (французский подъязык приборостроения).

Разницу в объеме можно объяснить различиями в предметных онтологиях исследованных областей знания, а также морфологическими особенностями языков.

При составлении учебных лексических минимумов была принята точка зрения, согласно которой общее понимание текста достигается, если его покрываемость учебным словарем составляет более 85 %¹⁵. В данном случае мы имеем в виду понимание текста на уровне лексических единиц.

Естественно, что понимание представляет собой «сложный многоэтапный процесс, включающий перцептивно-когнитивно-аффективную переработку воспринимаемого активным и пристрастным субъектом соответствующей деятельности и требующий взаимодействия разных видов знаний: языковых и энциклопедических, явно данных в тексте и выводных, осознаваемых и учитываемых без их вывода на «табло сознания»¹⁶. Вместе с тем нельзя не признать, что слово играет особую роль в понимании текста. А.А. Залевская образно сравнивает слово с лазерным лучом при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на выводные знания и переживания разных видов, одновременно слово рассматривается как «средство доступа к единому информационному тезаурусу человека»¹⁷. Поэтому исследование лексического уровня, специфики его единиц, особенностей их организации и т.д. является весьма важным в изучении научного текста и проблем его порождения и понимания.

Объем учебного лексического минимума усатанавливался экспериментально методом проверки покрываемости текстов.

Анализ полученных результатов показал, что оптимальным частотным списком, обеспечивающим покрываемость текстов выше 85 %, для большинства исследованных специальностей является частотный список на 800 лексем. Для специальности ЭВМ длина такого списка составила 842 единицы. Этот список и был принят в качестве учебного лексического минимума соответствующего подъязыка.

Главной целью лексического минимума, как указывалось выше, является минимизация и оптимизация учебного материала, что проявляется в отборе и стратификации основного лексического ядра, необходимо для практического овладения языком научных текстов по электронике.

Минимизация алфавитно-частотного словаря-минимума по электронике объемом 842 л.е. проводилась методом выделения лексических гнезд и составления учебного словаря-минимума для чтения текстов по электронике. В результате отбора и стратификации лексики учебный лексический минимум имел следующую структуру: словарь-минимум, список терминов, список строевой лексики, список интернациональных слов, списки синонимов, антонимов, омонимов, список звукографических интерферем. В качестве приложения были составлены таблицы суффиксальных и префиксальных словообразовательных моделей существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

Как показал опыт практической работы, учебные лексические минимумы, составленные по рассмотренной методике, стали обязательным компонентом учебных методических комплексов по спе-

циальности, с их помощью у студентов и аспирантов формируется необходимая лексическая компетенция, при этом освоение лексики научных текстов по специальности проходит эффективно и в оптимальном объеме.

Следует отметить, что наука не стоит на месте. Это в равной мере касается как лингвистики, так и других наук. Меняется состав предметных областей, а вместе с ним меняется и лексический состав соответствующего подъязыка. Частотные словари и учебные лексические минимумы требуют обновления. Достижения вычислительной и корпусной лингвистики, новые информационные технологии позволяют добиться в этом оптимальных результатов.

В эпоху информационного взрыва одной из самых активно развивающихся областей научного знания является «Программирование». Программирование представляет собой «процесс и искусство создания компьютерных программ и/или программного обеспечения с помощью языков программирования»¹⁸. Специальность программиста является в настоящее время одной из самых востребованных на рынке труда. Более того, каждый пользователь ЭВМ должен быть в определенной степени знаком с терминами подъязыка программирования для работы с компьютером. О глобализации английского подъязыка программирования свидетельствует ассимиляция английской терминологии в среде профессионалов разных стран. Все это делает актуальным исследование научных текстов английского подъязыка программирования, в том числе его лексического уровня.

Для исследования лексического уровня научных текстов английского подъязыка «Программирование» был собран корпус текстов, включающий 47 статей из электронных версий четырнадцати современных научных журналов по программированию на английском языке таких, как *Artificial Intelligence; Computer Languages, Systems and Structures; Computer Speech and Language; Data & Knowledge Engineering; Parallel Computing; Science of Computer Programming; Theoretical Computer Science; The Computer Journal of Parallel and Distributed Programming* и других за 2007–2008 гг., общим объемом около 500 тыс. словоупотреблений.

Анализ лексического уровня текстов по программированию проводился с использованием следующего программного обеспечения:

- приложение *SMAT* для построения частотных списков n-грамм для корпуса текстов¹⁹;
- программный комплекс *Ling Assistant* для построения спектрального распределения частот, предварительного разбиения по частям речи и сортировки списков лексических единиц²⁰;
- приложение *Statistics* – одно из приложений комплекса *Ling Assistant* для сортировки частотных списков и составления спектрального распределения частот в частотных словарях;

• словарные базы электронных словарей *Multitran*, *MacMillan* и *Lingvo 10.0* с приложениями *LingvoComputer* и *Computers* (для терминов), *LingvoScience* (для общенаучной лексики) и *LingvoUniversal* (для общеупотребительной лексики).

На основе частотного анализа корпуса текстов по программированию с помощью программы *SMAT* были получены 4 словаря: 1) прямой частотно-алфавитный; 2) обратный частотно-алфавитный; 3) прямой алфавитно-частотный; 4) обратный алфавитно-частотный. Длина словаря составила 17940 словоформ. Лемматизация словарного состава до ввода корпуса текстов в ЭВМ не проводилась.

Чтобы сделать словарь пригодным для анализа, мы пришли к выводу о необходимости его минимизации. Оптимальным вариантом минимизации, как указывалось выше, является получение оптимального списка словоформ, покрывающих 85 % словоупотреблений всех текстов, то есть списка, пригодного для использования в прикладных целях.

В результате обработки указанного корпуса текстов программой *Statistics* были отобраны наиболее частотные однословные словоформы, покрывающие 85 % словоупотреблений текстов, что составило 1761 словоформу с частотой от 33958 (определенный артикль *the*) до 33 (54 слова, среди которых такие, как *indicate*, *reset*, *subgraph*, *packet*, *geometrical* и т.д.) (табл. 2). Такой объем мы сочли достаточным для анализа, поскольку, как мы уже упоминали, именно покрываемость текста не ниже 85 % словоупотреблений свидетельствует о том, что понимание текста на лексическом уровне достигнуто.

Таблица 2
Спектральный анализ покрываемости корпуса текстов частотным словарем английского подязыка «Программирование» (2009)

Частота	Кол-во слов	Процент от общего кол-ва слов	Суммарный процент
33958	1	7	7,011
...
34	25	0,18	84,87
33	54	0,37	85,24
32	29	0,26	85,5
...
1	7566	1,6	100

Значительное превышение длины словаря-минимума по сравнению с нашими предыдущими исследованиями объясняется, в первую очередь, тем, что за прошедшие со времени создания словаря по электронике 15–20 лет предметная область «Программирование» значительно расширила свои рамки, что, безусловно, не могло не привести к расширению словарного состава. Во-вторых, объем выборки в десять раз превысил объемы предыдущих наших выборок, что также способствовало увеличению длины словаря. Кроме того, при созда-

нии нового словаря не проводилось предварительной лемматизации, а также не исключались формулы, цифры, имена собственные и сокращения.

Поэтому следующим шагом при составлении лексического минимума по программированию стала минимизация словарного состава, а именно исключение из словаря цифр и формул. Имена собственные из словаря не исключались, поскольку в большинстве случаев относились к понятиям данной предметной области, например, *Boolean*, *Java*, *Petri*, и использовались в терминологических словосочетаниях *Boolean algebra/ expression/ logic*, *Java class/ compiler/ language*, *Petri net* и других. Сокращения присоединялись к полным словам, а в случае отсутствия последних в словаре сохранялись в качестве словарных единиц, например, *fig* → *figure*, *fig; ref* → *reference, ref*, но *etc – et cetera*; *sm* – *shared memory*; *uml* – *unified modeling language* и т.д.

Далее была проведена лемматизация словарного состава, то есть слова приводились к исходной форме, например, *takes, taking, taken* → *take*; *expressions* → *expression*; *easymap's* → *easymap* и т.п.

После этих процедур длина словаря-минимума составила 1178 лексем, что вполне сопоставимо с длиной в 842 единицы словаря-минимума по электронике (1991).

Следующим этапом работы стала стратификация словаря-минимума. Как известно, лексика языка науки неоднородна и состоит из трех слоев: общеупотребительного, общенаучного и терминологического²¹.

Общеупотребительная лексика английского языка составляет нейтральную ткань повествования. Она представлена служебными словами (артиклими, предлогами, союзами), словами общелитературного языка, для которых типично употребление в различных функциональных стилях, и, как правило, не является предметом специального рассмотрения в языке науки.

Общенаучная лексика отражает научные понятия, соотносящиеся с объектами, процессами и явлениями в различных областях научного знания, способствует логическому и последовательному изложению материала и составляет основу научного стиля изложения.

Терминологическая лексика функционирует в научных текстах определенной научной области и отражает специфику последней. Под специальным термином понимается слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов.

В словарном составе нашего алфавитно-частотного словаря-минимума по программированию мы выделили три указанных слоя: общеупотребительную лексику, общенаучную лексику и терминологическую, или специальную лексику. Отнесение словарных единиц к тому или иному слою проводилось с помощью приложения *SMAT* методом сопоставления полученного нами словаря

Язык для специальных целей

на 1178 л.е. с соответствующими авторитетными электронными словарями. Для этой процедуры использовались словарные базы электронных словарей *Multitran*, *MacMillan* и *Lingvo 10.0* с приложениями *LingvoComputer* и *Computers* (для терминов), *LingvoScience* (для общенаучной лексики) и *LingvoUniversal* (для общеупотребительной лексики).

Для описания стратификационной структуры лексики английского подъязыка «Программирование» мы ввели следующие лингвистические переменные: Т (термины), S (общенаучная лексика) и G (общеупотребительная лексика). Если слово встречалось в словаре терминов, оно получало помету Т, в словаре общенаучной лексики – помету S, в словаре общеупотребительной лексики – помету G. Если слово встречалось в двух словарях, то оно получало соответствующие пометы GS, TG, TS, встречаемость слова сразу в трех словарях помечалась TGS. Если слово встречалось только в одном словаре, оно получало помету этого словаря с индексом 1: T1, S1, G1. Фрагмент росписи алфавитно-частотного словаря приводится в табл. 3.

Результаты стратификационного анализа приводятся в табл. 4.

Таким образом, в результате стратификационного анализа были получены следующие данные: общеупотребительный слой составил 1127 лексических единиц, общенаучный – 973 единицы, терминологический – 773 единицы.

Сопоставление словаря-минимума (2009) с рассмотренным выше словарем-минимумом для специальности ЭВМ (1991)²² показало их совпадение на 35,75 %, а совпадение терминов на 30,42 %, при этом процентное содержание терминологической лексики оказалось практически одинаковым (табл. 5).

Достаточно низкий процент совпадений связан, в первую очередь, с различиями в тематической структуре словарей. Как указывалось выше, тексты по программированию составляли лишь 40 % в корпусе текстов, использованных для составления словаря 1991 года (см. табл. 1), в то время как для составления словаря 2009 года использовались 100 % текстов по программирова-

Таблица 3

Фрагмент росписи алфавитно-частотного словаря-минимума английского подъязыка «Программирование» (2009)

Словарь/ л.е. {частота}	Lingvo			Multitran			MacMillan		
	Term	General	Science	Term	General	Science	Term	General	Science
absolute {47}		G			G			G	
abstract {119}	T	G		T	G	S		G	
abstraction {89}	T	G	S	T	G	S		G	
access {229}	T	G	S	T	G	S	T	G	
accessor {65}	T			T	G	S	T	G	

Таблица 4

Стратификационный анализ лексики словаря-минимума английского подъязыка «Программирование» (2009)

Слой	G1	S1	T1	«Плавающая лексика»				G	S	T
				GS	TG	TS	TGS			
Кол-во л.е.	125	7	31	273	49	13	680	1127	973	773
% от 1178	10,6	0,6	2,6	86,2 (1015 л.е.)				95,7	82,6	65,6

Таблица 5

Сопоставительный анализ лексики частотных словарей по ЭВМ (1991) и программированию (2009)

Лексика	Кол-во л.е.			Совпадение		Несовпадение					
	1991	2009	Всего разных единиц	Абс.	%	Есть только в 1991 г.		Есть только в 2009 г.		Всего отличающихся единиц	
						Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Вся лексика	842	1178	1488	532	35,75	310	20,83	646	43,41	956	64,25
Термины	556 ²³ /66,0 %	773 /65,6 %	1019 /68,5 %	310	30,42	246	24,14	463	45,44	709	69,58

нию. Низкий процент совпадений можно также объяснить и изменениями в самой предметной области «Программирование». Так, при составлении словаря 1991 года тематическая структура области «Программирование» по мнению экспертов включала три раздела (см. табл. 1). В 2007 году по данным Ассоциации вычислительной техники классификация предметной области «Программирование» включала 5 разделов и более 300 подразделов²⁴. Это еще раз подчеркивает необходимость проведения работы по созданию нового словаря английского подязыка программирования как для научных, так и прикладных целей.

Как следует из табл. 5, список терминов лексического минимума по электронике (1991), который насчитывал 496 л.е. (58,9 % словаря), после проверки с помощью современных лексикографических ресурсов увеличился на 60 л.е. и составил 556 л.е., или 66,0 % словаря. Подавляющее большинство терминов (404 л.е., или 72,7 %) составили имена существительные. Этот показатель совпадает с результатами исследований, согласно которым терминоваться могут все части речи, однако, основная доля терминов приходится на существительные²⁵.

Список терминов нового лексического минимума по программированию (2009) насчитывает 773 лексических единицы, что составляет 65,6 % словаря. Например, *bit, byte, cache, compiler, cascade, descriptor, location* и т.д. Имена существительные составляют в этом списке 69,5 % (537 л.е. с учетом конверсионных пар, например, *copy, code, frame, index* и др.).

Общепотребительная лексика составляет 95,7 % словаря (1127 л.е.) и довольно равномерно распределена в частотных списках, что свидетельствует о значении общепотребительной лексики, в состав которой входит строевая лексика, как для порождения, так и понимания иноязычного текста. Например, *a(an), the, do, have, can, may, make, any, all, describe, different, end* и т.д.

Общенаучная лексика представлена 973 словами, что составляет 82,6 % лексического минимума. К общенаучной лексике относятся слова, обозначающие стадии научного познания, методы и приемы, инструментарий, математические термины и т.д. Например, *axiom, derivation, evolution, lemma, modification, principle* и т.д.

При стратификации лексического минимума выяснилось, что отнесение слова к какому-либо одному из слоев лексики возможно в относительно небольшом количестве случаев (163 л.е., или 13,8 %), в то время как подавляющее большинство слов встречались сразу в нескольких словарях, то есть относились разными авторами к общепотребительной, общенаучной и терминологической лексике, или к каким-либо двум из перечисленных слоев (см. табл. 4). В нашем материале такой «плавающей» лексики встретилось 1015 л.е., или 86,2 %, из них 680 л.е., или 57,7 % встретились во

всех трех словарях. Например, лексема *heuristics* представлена в словаре терминологической и общенаучной лексики, лексема *compiler* представлена в словаре терминологической и общепотребительной лексики, лексема *reflective* встречается в словаре общенаучной и общепотребительной лексики, лексема *restriction* представлена во всех трех словарях. Этот факт можно объяснить, с одной стороны, ролью субъективного фактора, то есть фактора автора словаря, его фоновых знаний, учета мнения экспертов и т.д. С другой стороны, в корпусе текстов слова, составляющие лексический минимум, объективно обладают многозначностью и в зависимости от контекста могут относиться то к одному, то к другому слою.

О явлении так называемой «двойной детерминации» или «консубстанциональности» терминов и слов общего языка писали известные лингвисты Р.А. Будагов, О.С. Ахманова, А.И. Комарова²⁶ и др. По мнению указанных лингвистов, различие в объеме информации и степени абстрактности понятия, характерное для разных употреблений одного слова, ставит их на грань омонимии и делает несопоставимыми в содержательном и функционально-стилистическом плане. Поэтому следует учитывать эту «двойную» (в нашем случае «тройную»!) детерминированность слов, которые потенциально могут выступать и в роли термина, и в роли слова общего языка. По мнению А.И. Комаровой, которое мы полностью разделяем, вопрос о принадлежности того или иного слова к разряду терминов или элементов общего языка может быть решен в зависимости от контекста.

Такая ситуация нередка в естественных языках, так как они постоянно меняются, адаптируясь для нужд коммуникации. В том числе, это свойственно подязыкам ограниченных предметных областей. Формальным способом описания такого явления является теория нечетких множеств²⁷. Как указывалось выше, для описания стратификационной структуры лексики предметной области мы ввели лингвистические переменные T (термины), S (общенаучная лексика) и G (общепотребительная лексика). Исходя из этого, в рамках теории нечетких множеств каждая лексическая единица может принадлежать одному (или более) из этих множеств, причем каждому из них с разной вероятностью (сумма вероятностей для каждой лексеммы равна единице), которая определяется по относительным частотам соответствующих значений данной лексической единицы в корпусе текстов, что может быть отражено с помощью следующей записи:

$$L = \{p_1/x_1, p_2/x_2, \dots, p_n/x_n\},$$

где $L \in \{T, S, G\}$ – лингвистическая переменная,

x_i – i -я лексема лексического минимума;

$$p_i = m/N,$$

где m – частота употреблений лексеммы x_i как элемента множества L ; N – суммарная абсолютная частота лексеммы x_i в корпусе текстов.

Так, фрагмент описаний лингвистических переменных T, S и G, составленный на основе анализа распределений частот словоупотреблений неоднозначных единиц в проанализированном корпусе текстов, имеет вид:

$$T = \{ \dots, 0,02/\text{modal}, 0,78/\text{reference}, 0,15/\text{role}, \dots \},$$
$$S = \{ \dots, 0,98/\text{modal}, 0,07/\text{reference}, 0,38/\text{role}, \dots \},$$
$$G = \{ \dots, 0/\text{modal}, 0,15/\text{reference}, 0,47/\text{role}, \dots \}.$$

Как следует из вышеизложенного, ряд лексических единиц относится к нескольким множествам, причем вероятности их принадлежности распределены различным образом. Имея такую картину, можно определить лексический терминологический минимум, применив операцию сгущения нечетких множеств, которая представляет собой формирование четких множеств из нечетких таким образом, что в случае, когда лексическая единица принадлежит нечеткому множеству с вероятностью, превышающей некоторое пороговое значение, вероятность для данной единицы округляется до 1; если вероятность единицы ниже порогового значения, то она округляется до 0²⁸. Результатом является обычное множество, в которое включены только те лексические единицы, которые достаточно часто фигурирует в исследовательском корпусе в соответствующей роли. Так, приняв за пороговое значение величину 0,33, приведенные ранее фрагменты нечетких множеств T, S, G преобразуются в следующие сгущения:

$$T' = \{\text{reference}\},$$
$$S' = \{\text{modal}, \text{role}\},$$
$$G' = \{\text{role}\}.$$

Таким образом, для проанализированного корпуса текстов, несмотря на то, что практически все перечисленные слова фигурируют в каждом из трех множеств (за исключением modal, которое в множестве G имеет вероятность 0), наиболее типичным представителем, например, группы терминов является лишь слово *reference*, остальные лексические единицы как термины употребляются редко.

Уточнение списка терминов в соответствии с правилами, представленными в теории нечетких множеств, требует детальной работы со всем корпусом текстов и привлечения экспертов для маркировки терминов.

Дальнейшая обработка полученного словаря-минимума на 1178 лексем для целей обучения профессиональной иноязычной коммуникации проводилась вручную методом «выделения лексических гнезд». Для этих целей были использованы прямой и обратный алфавитно-частотный словарик, на основании обработки которых словарь-минимум был представлен в виде словаря лексических гнезд. В данной работе принято широкое толкование гнезда как образования, включающего любые слова, содержащие один корень и близкие по семантике. Все элементы гнезда расположены в алфавитном порядке, при этом головным является слово – производящая основа, а в случае его отсутствия – первое по алфавиту слово. Например, к

гнезду *base* отнесены лексемы *base (n,v)*, *basic*, *basis*, *database*; гнезду *compute* включает лексемы *computable*, *computation*, *computational*, *compute*, *computer*, *pc=personal computer*, *computepath*; гнезду *use* составлено из лексем *use(n,v)*, *usage*, *useful*, *user*, *reuse(v)*.

После такой обработки словарь-минимум стал насчитывать 867 словарных гнезд, что является вполне приемлемым для целей обучения профессиональной иноязычной коммуникации.

Недостатком полученного словаря на данном этапе работы мы считаем то, что он включает однословные лексические единицы. Как известно, научный текст дает слово в типичном для него окружении в составе полилексемных единиц – предельных синтагматических последовательностей²⁹, являющихся функциональными эквивалентами слова. Выявление таких последовательностей станет следующим этапом работы по составлению лексического минимума по программированию.

Исследование лексического состава научных текстов английского подязыка «Программирование» привело нас к мысли о возможности создания современной предметной онтологии «Программирование» на базе терминологического слоя полученного частотного словаря-минимума.

Актуальность разработки интеллектуального ресурса, целью которого является моделирование знаний в предметной области «Программирование» не вызывает сомнений. Как известно, в условиях бурного роста информационных технологий рассматриваемая предметная область является одной из наиболее динамично развивающихся, что делает такое исследование весьма своевременным и необходимым.

Современная прикладная лингвистика предъявляет высокие требования к «интеллектуальности» систем автоматической переработки текста. Соответствие системы сформулированному еще на заре развития компьютерной лингвистики и систем искусственного интеллекта тесту Тьюринга (интеллектуальная система – это такая система, в диалоге с которой человек думает, что общается с другим человеком, а не с машиной) остается не до конца решенной задачей. После ряда попыток создания интеллектуальных систем посредством тщательного описания грамматических и лексических элементов некоторого языка, стало очевидно, что лингвистического знания для принятия «разумных» решений недостаточно. Машинам не хватает экстралингвистических знаний, которыми при нормальных условиях обладает человек.

В связи с этим в современные интеллектуальные системы все чаще включают компонент, называемый *онтология*, который является одним из наиболее перспективных способов моделирования знаний. Онтология – это формальная спецификация концептуализации предметов и явлений действительности. Современные онтологии строятся как для представления общей картины мира, так и

ориентированные на определенную предметную область (ПрО). Так, ряд продолжающихся и завершенных проектов в области конструирования онтологий направлен на представление общего знания (Mikrokosmos, OntoQuery и др.). Однако, как правило, современные онтологии ориентированы на определенную ПрО, например, АвиаОнтология³⁰, GOLD (General Ontology for Linguistic Description)³¹, онтология науки и онтология компьютерной лингвистики³².

Одновременно с развитием общеконцептуальной структуры ПрО ведется развитие лексической базы, ассоциируемой с онтологией, которая выполняется в форме словаря и правил грамматики некоторого языка (например, датская грамматика и лексика в проекте OntoQuery) либо в форме тезаурусов, сходных по структуре с онтологиями, но представляющих лексический профиль ПрО (например, PyTез³³, WordNet³⁴).

Построение онтологии ПрО является нетривиальной задачей, так как не существует источника, явно описывающего состав, содержание и структуру концептов ПрО, их взаимосвязи. Моделирование онтологических ресурсов требует извлечения экстралингвистического знания из «косвенных» свидетельств (мнения экспертов, описания понятий в энциклопедических словарях). При этом способ интерпретации полученных знаний и в результате построения онтологии зависят как от субъективной точки зрения исследователя, так и, видимо, частично может определяться структурой ПрО³⁵.

Как правило, онтологический ресурс интегрирует знания (концептуальное представление ПрО) и данные (терминологический словарь или тезаурус, описывающий способы репрезентации знаний в языке). Онтология, интегрированная со словарем, может иметь ряд применений:

- использование в целях обучения для знакомства с ПрО, построения учебных планов и программ и т.д.;
- интегрирование в системы поиска профессиональной информации для увеличения его полноты и разрешения лексической многозначности³⁶;
- средство классификации научных исследований в данной ПрО;
- источник лингвистического знания при описании результатов научных изысканий в данной ПрО.

Таким образом, конструирование онтологий ПрО представляет интерес как для процедур интеллектуальной автоматической обработки текста, так и для использования в качестве энциклопедического ресурса человеком. Онтология при решении указанных задач, актуальных для любой научной сферы деятельности, является источником унифицированного семантического знания.

При проектировании онтологии необходимо, чтобы она удовлетворяла требованиям, вытекающим из возможных областей применения ресурса. Для возможности вывода на знаниях с целью оз-

накомиться с ПрО, а также применения для расширения полноты поиска онтология должна иметь иерархическую структуру и представлять собой связный граф. Возможность интеллектуального поиска с помощью концептов онтологии предполагает формализацию концептообразующих признаков, являющихся определяющими для сущности понятия. При этом для решения всех задач онтология должна предусматривать оценку значимости одних концептов по отношению к другим.

Модель знаний для ПрО «Программирование», удовлетворяющая этим требованиям, пока не нашла отражения в форме онтологий. Отличительным свойством предлагаемого проекта онтологии является построение структуры понятий, которая позволяет определить не только связи концепта с другими понятиями ПрО, но и связи различной степени значимости между концептами онтологии, не включающие рассматриваемое понятие, но необходимые для его понимания. Для выявления этих связей предполагается привлечение разноплановых источников – консультации экспертов, анализ энциклопедических данных, а также обращение к языковым эквивалентам на разных языках с целью выявления границ понятий.

Концепты онтологии репрезентируются через набор характеристик (отношений заданного типа) и значений этих характеристик. Такая онтология может быть задана в форме реляционной базы данных, каждая запись которой представляет собой бинарное типизированное отношение между концептом и значением некоторой его характеристики. Концепт онтологии задается множеством таких пар.

Предлагаемая нами модель построения онтологии базируется на тех же принципах. Для задания концептов логичным представляется введение пустого концепта верхнего уровня онтологии TOP и его потомков OBJECT, PROPERTY, EVENT³⁷, а также RELATIONS для определения классов отношений.

Инвентарь характеристик каждого концепта формируется на основе анализа ПрО. Для сохранения критерия иерархичности онтологии характеристики включают отношения меронимии и гипонимии. Для определения связи концептов в типичных ситуациях в качестве характеристик описывается инструментарий семантических ролей (*Agent, Source, Result, Instrument* и т.д.). В ходе исследования планируется определить инвентарь ассоциативных связей (как, например, онтологическая антонимия) с помощью анализа ПрО и выявления отношений между ее объектами. Значения характеристик представляют собой константы (в случае числовых параметров) или другие концепты онтологии.

В отличие от существующих онтологий, с целью увеличения семантической силы содержательного описания концепта предлагается рассматривать иерархические связи не только между

Язык для специальных целей

концептами, но и «внутри» описания концепта – иерархию характеристик. Характеристики объединяются в группы по описываемому аспекту понятия. На данный момент нами выделяются группы *Definition* (включает представление отношений с основными понятиями, необходимыми для однозначного понимания концепта), *Hierarchy* (гипогиперонимические отношения, средним звеном которых является данный концепт), *Case-roles* (связь с объектами онтологии, типичными при заполнении некоторых семантических валентностей, задаваемые в форме ссылок на концепты онтологии или их характеристики), *Sem-paradigm* (ассоциативные отношения между концептами).

Далее, внутри этих групп, характеристики задаются как бинарные отношения, где вторым участником являются концепты онтологии, а первым участником является либо описываемый концепт, либо концепт, включенный ранее в описание как второй участник одного из отношений. Таким образом, каждый фрейм описания может содержать подфреймы, характеризующие концепт, заполняющий соответствующий слот. Например, фрагмент представления понятия PROGRAMMING в такой онтологии в логической форме имеет вид:

```
Name: PROGRAMMING
Hierarchy: [
is_a: EVENT
kind_of: RULE-ORIENTED PROGRAMMING
kind_of: LOW-LEVEL PROGRAMMING
kind_of: PARALLEL PROGRAMMING
kind_of: PROCEDURAL PROGRAMMING
kind_of: FUNCTIONAL PROGRAMMING
kind_of: EVENT-DRIVEN PROGRAMMING
kind_of: GENETIC PROGRAMMING
kind_of: KNOWLEDGE-BASED PROGRAMMING ]
```

```
Definition: [
is_a: EVENT
purpose: CREATE
dir-obj: PROGRAM ]
```

```
Case-roles: [
agent: PROGRAMMER
source: ALGORITHM
result: PROGRAM
result: SOFTWARE
instrument: PROGRAMMING LANGUAGE
instrument: PROGRAMMING TOOL ]
Sem-paradigm: [
assoc: FLOWCHART
has_part: STEP
has_part: COMPILATION
has_part: DEBUGGING ]
```

В таком представлении фреймы *Hierarchy*, *Case-roles*, *Sem-paradigm*, *Definition* оперируют другими понятиями онтологии, устанавливая их связь с рассматриваемым концептом. Графически фрагмент концептуальной структуры понятия PROGRAMMING представлен на рис. 1.

Традиционное определение понятия строится как перечисление родового и множества отличительных признаков. Поэтому на схеме в раздел *Definition* также включено отношение *is_a*, что приводит к наложению двух зон. Однако при представлении в логической форме (как можно видеть выше для данного концепта) родовой признак однозначно относится к разделу *Hierarchy*. Такое несоответствие легко преодолеть путем определения способа обхода графа при формировании определения концепта, задав правило *Определение = Hierarchy:is_a(1) ∪ Definition:ALL* (определение значения понятия задается как объединение первого из упомянутых отношений *is_a* в группе *Hierarchy* и всех признаков группы *Definition*).

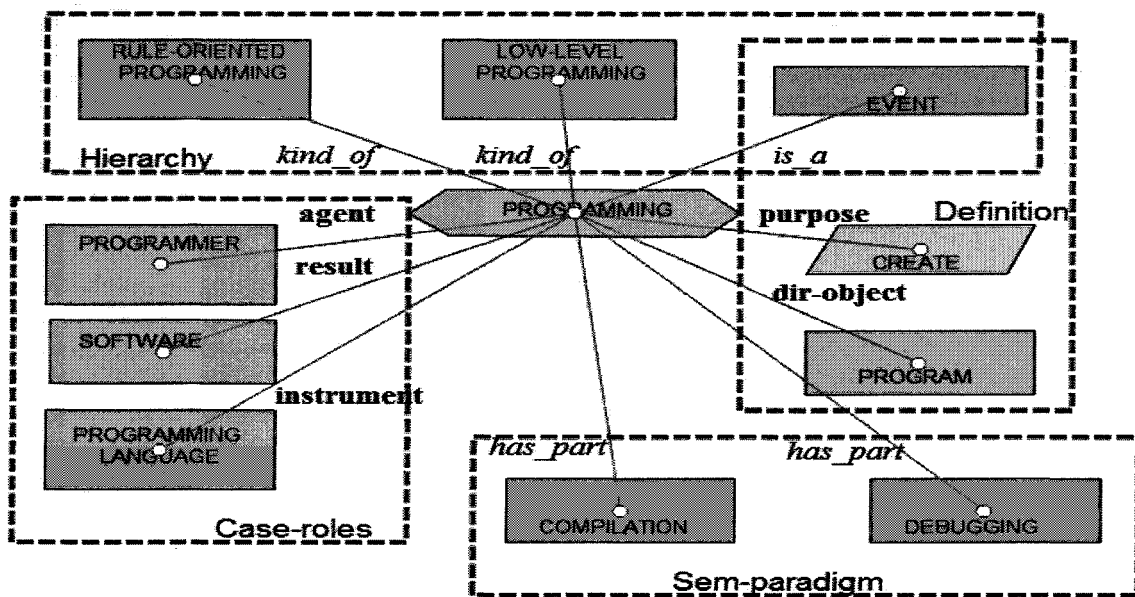

Рис. 1. Графическая репрезентация структуры концепта PROGRAMMING

Концепт, заполняющий слот описания, определяет потенциальный список отношений, посредством которых данный концепт далее может детализироваться. Так, например, для потомков класса EVENT в качестве потенциальных полей под-фрейма будет выступать список семантических ролей, описанных в онтологии в статье соответствующего события.

Каждый объект, наряду с онтологическими отношениями, должен задаваться посредством набора лексических отношений (синонимия – задает список терминов, соответствующих концепту), описанных в зоне *Lexicon*. Зона *Lexicon* включает лингвистические единицы, обозначающие данное понятие в некотором языке (языках). В качестве значений даются ссылки (по заглавному слову) на статью в словарной части онтологии, хранящую лингвистическое описание соответствующих лексических единиц. Например, для описания понятия PROGRAMMING зона *Lexicon* имеет следующий вид:

Lexicon: [
programming
coding
soft-writing]

Построение онтологии в рамках описанной концепции предполагает выполнение работ в несколько этапов.

1. Формирование списка справочной литературы (источника энциклопедических знаний о ПрО) в сотрудничестве с экспертами. Список должен включать учебники, одноязычные и двуязычные терминологические словари. Двуязычные словари необходимы как контролирующее средство при выявлении содержания и объема понятий (логично предположить, что важные для ПрО концепты должны быть представлены содержательно эквивалентными языковыми терминологическими выражениями в разных языках). Использование терминологических словарей представляется целесообразным для описания концептов предметной области, так как термины лишены коннотативного компонента значения, следовательно, значение термина приближается к соответствующему понятию, отражающему наиболее общие и существенные признаки предмета или явления³⁸, что соответствует онтологической трактовке концепта.

2. Подбор корпуса научных текстов в ПрО «Программирование» (первоначально на английском языке) для выявления значимых на современном этапе терминов (путем построения частотных списков терминов) и, совместно с изучением источников энциклопедического знания, определения набора концептов, требующих описания в онтологии. Очевидно, что на данном этапе необходимо будет также прибегнуть к алгоритмам извлечения словосочетаний из корпуса.

3. Анализ семантической структуры концептов (с помощью учебников, многоязычных словарей и энциклопедий, подобранных на первом эта-

пе) с целью формирования инвентаря онтологических отношений между понятиями в ПрО (потенциальных полей фрейма концепта) и выявления типов ограничений на заполнение слотов фрейма.

4. Исследование свойств выявленных отношений (транзитивности, правил наследования и т.д.) для формулирования правил вывода на знаниях.

5. Определение спецификации языка для представления онтологии на основе анализа существующих языков (OWL, DAML+OIL). Язык должен интегрировать в себе возможность описания выявленных отношений между концептами, а также обеспечивать реализацию правил вывода.

6. Создание онторедатора для построения онтологии в заданном формализме.

7. Описание концептуальной структуры ПрО с помощью онторедатора.

8. Предъявление макета онтологии экспертам для оценивания соответствия построенной модели представляемой предметной области и определения значимости отношений между концептами в статьях онтологии (путем приписывания весов связям между концептами).

9. Адаптация правил вывода на знаниях с учетом значимости отношений между концептами.

10. Сбор разноязычных корпусов в ПрО «Программирование» для расширения спектра используемых языков, к которым применима онтология. Разработка многоязычной словарной поддержки онтологии.

11. Уточнение структуры представления знаний ПрО.

12. Расширение функций онторедатора для визуализации структуры ПрО и осуществления навигации по ее концептам.

Результатом выполнения работы станет:

- модель представления знаний с использованием мультииерархического описания связей между концептами в форме спецификации языка;
- база данных (БД), репрезентирующая онтологию ПрО «Программирование», включающая онтологическое и лексическое (на материале английского языка) описание концептов по построенной модели;
- онторедатор как инструмент доступа к БД, автоматизации построения и пополнения онтологии. Онторедатор является необходимым компонентом при разработке онтологии, который служит интерфейсом между пользователем, разработчиком и экспертом ПрО, с одной стороны, и базой данных, хранящей онтологию, с другой. Использование онторедаторов (например, InTez³⁹, OntoGrid⁴⁰ и др.) дает возможность автоматизировать ввод знаний в онтологию, а также контролировать согласование вновь вводимых знаний с уже имеющимися. Онторедатор является необходимым средством моделирования (создания и редактирования) онтологии, так как при увеличении числа концептов неминуемы ошибки при ручном построении базы данных. Построение редактора

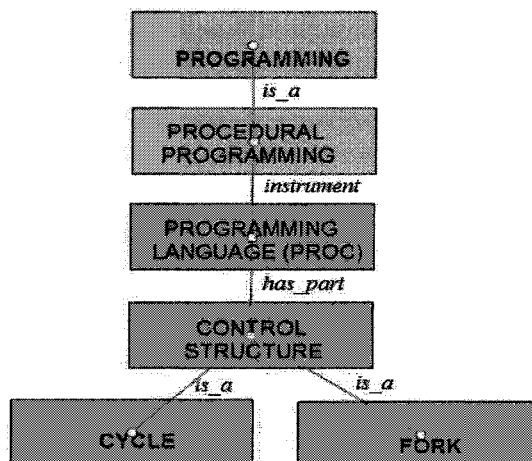

Рис. 2. Опосредованная связь между концептами

даст возможность автоматически отслеживать соответствие вводимых данных общей концепции онтологии.

Для построения предметной онтологии терминологический слой лексики английского подязыка «Программирование», выделенный и минимизированный нами для прикладных нужд до 568 единиц, был подвергнут морфолого-семантическому анализу.

В соответствии с предлагаемой моделью построения онтологии все термины были распределены по их принадлежности к концептам OBJECT, PROPERTY, EVENT, RELATIONS.

Для части терминов с целью выявления концептуальной структуры обозначаемых ими понятий были рассмотрены словарные определения (из англоязычного словаря компьютерной лексики McMillan, англо-русского словаря по программированию и информатике А.Б. Борковского⁴¹, а также англо-русских специализированных компьютерных словарей Lingvo и Multitran) и выведен предварительный инвентарь семантических отношений, репрезентирующих поля фреймов концептов. Примеры таких отношений (*is_a*, *has_part*, *agent*, *result* и т.д.) показаны в зонах *Definition*, *Hierarchy*, *Sem-paradigm* и *Case-roles* для концепта PROGRAMMING (см. рис. 1).

Представления, построенные согласно описанной модели на выборке терминов, показали ее применимость для глубокого описания семантической структуры и, как следствие, содержания понятий предметной области «Программирование». Иерархичность описания концепта дает возможность выявить не только отношения концепта, напрямую связывающие его с другими понятиями онтологии, но и выявить наиболее существенные опосредованные связи. Например, через концепт ALGORITHM концепт PROGRAMMING опосредованно связан с такими понятиями как GENERALITY и EFFICIENCY, которые вводятся посредством отношения *property* концепта ALGORITHM. Связь с данными понятиями определяет цель программирования как достижение

этих свойств конечным продуктом. Аналогично, опосредованная связь концепта PROGRAMMING с концептами FORK и CYCLE (рис. 2) позволяет детализировать средства программирования и включить в них также соответствующие этим концептам управляющие конструкции.

Построение предметной онтологии на базе частотного терминологического словаря-минимума даст возможность не только глубокого описания семантической структуры и, как следствие, содержания понятий предметной области «Программирование», но и позволит представить такую онтологию в динамическом аспекте, с точки зрения распространения концептов, а вместе с ними и терминов, от ядра концептуальной сферы к ее периферии.

Работа по построению предметной онтологии «Программирование» будет продолжена в соответствии с указанным выше стратегическим направлением исследований с целью способствовать развитию когнитивной лингвистики и дальнейшей «интеллектуализации» систем автоматической переработки текста.

В заключение отметим, что предложенный нами лингвокогнитивный подход к анализу научного текста является интегральным, поскольку позволяет интегрировать не только лингвоцентрический, дискурсивный и когнитивный подходы, но и использовать полученные данные в лингводидактике для нужд профессиональной коммуникации.

¹ Тураева З.Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия. Вісник Київ лінгв. ун-ту. Серія. «Філологія». 1999. Т. 2. С.17–25; Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале англоязычных научных экономических текстов): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 13.

² Бабенко Л.Г. Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для вузов по специальности «Филология». Екатеринбург, 2000. С. 16–30.

³ Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3.

⁴ Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). М.; Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. С.16–17.

⁵ Кубрякова Е.С. Цит. соч. С. 3.

⁶ Дроздова Т.В. Цит. соч. С. 18.

⁷ Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. № 11(71) СПб., 2008. С. 99.

⁸ Общевропейские компетенции владения языком. Департамент современных языков. Страсбург – Оксфорд. М.: МГЛУ, 2003. С. 109–112.

⁹ Общевропейские компетенции владения языком. Там же. С.112.

¹⁰ Алексеев П.М. Частотные словари и приемы их составления. Статистика речи. Л.: Наука, 1968. С. 61–63; Алексеев П.М. Частотный словарь английского подъязыка электроники. Статистика речи. Л.: Наука, 1968. С. 151–166.

¹¹ Анализ научного текста: сборник научных трудов / под ред. Т.Н. Хомутовой. Челябинск: ЧГТУ, 1993. С. 152; Хомутова, Т.Н. Составление учебных материалов по иностранному языкам: методические рекомендации для преподавателей вузов неязыковых специальностей. Челябинск: ЧГТУ, 1993. С. 71.

¹² Под словоупотреблением понимается одна из всех словоформ текста или любая последовательность букв, ограниченная двумя пробелами.

¹³ Кузнецова Е.Л., Кокорина Е.Л. Составление учебного словаря для студентов специальности ЭВМ // Анализ научного текста: сб. науч. тр./ под ред. Т.Н. Хомутовой. Челябинск: ЧГТУ, 1993. С. 17–25.

¹⁴ Глушко М.М. Отбор и организация слов в учебном терминологическом тезаурусе. Теория и практика английской научной речи. М.: МГУ, 1987. С. 226–234.

¹⁵ Петрушевская Н.Н. Опыт лингвостатистического отбора лексики для обучения чтению в техническом вузе. Анализ содержания курса иностранного языка. Томск: ТГУ, 1976. Вып. 3.

¹⁶ Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГТУ, 2000. С. 262.

¹⁷ Там же. С. 245–247.

¹⁸ <http://www.wikipedia.org>

¹⁹ <http://www.lanaconsult.com>

²⁰ Бабина О.И. Построение модели извлечения информации из технических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006 С. 235.

²¹ Глушко М.М. Лингвистические особенности современного общенаучного языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

²² Кокорина С.Б., Чернышева Е.Л. Учебный лексический минимум для студентов специальности ЭВМ (английский язык): учебное пособие/ под ред. Т.Н. Хомутовой. Челябинск: ЧГТУ, 1991. С. 67.

²³ Современные словари рассматривают в качестве терминов большее количество слов, чем это было в 1991 году, что можно объяснить а) адаптивностью терминологической системы, в результате чего ряд общеупотребительных слов перешли в слой терминологических лексики; б) развитием лексикографических ресурсов, которые в настоящее время представляют более полные списки терминов в данной области.

²⁴ Top-Level Categories for the ACM Taxonomy / URL:

<http://www.computer.org/portal/pages/ieeecs/publications/author/ACMTaxonomy.html/>

²⁵ Гнаткевич Ю.В. Обучение иноязычной лексике в неязыковом вузе. Киев: Высшая школа, 1989. С. 56–110.

²⁶ Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 194; Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: УРСС, 2004. С. 29–30; Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 49–50.

²⁷ Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / пер с англ. М.: Мир, 1976. С. 165.

²⁸ Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении): учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ, 1999. С. 256.

²⁹ Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.

³⁰ Лукашевич Н.В., Невзорова О.А. АвиаОнтология: анализ современного состояния ресурса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы международной конференции «Диалог-2004». М., 2004.

³¹ URL: <http://www.linguistics-ontology.org>

³² Загорулько Ю.А. Подход к построению предметной онтологии для портала знаний по компьютерной лингвистике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции «Диалог-2006». М., 2006.

³³ Добров Б.В. Онтологии для автоматической обработки текстов: описание понятий и лексических значений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы международной конференции «Диалог-2006». М., 2006.

³⁴ URL: <http://wordnet.princeton.edu>

³⁵ Ср., например, АвиаОнтология (Б.В. Добров, Н.В. Лукашевич, О.А. Невзорова и др.), онтология портала компьютерной лингвистики (Ю.А. Загорулько и др.), онтология организации (А.Ф. Тузовский и др.)

³⁶ Примером такого использования может служить интеллектуальная поисковая машина (В.Н. Поляков).

³⁷ Аналогичные концепты верхнего уровня были введены в проекте Mikrokosmos для построения иерархии понятий, где каждый концепт при продвижении по его иерархии определяется как потомок одного из представленных концептов верхнего уровня. Эти концепты задают наиболее общие свойства, наследуемые своими потомками, и необходимы для построения связного графа онтологии.

³⁸ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 12.

³⁹ Рубашкин В.Ш. Онторедактор как комплексный инструмент онтологической инженерии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции «Диалог-2008». М., 2008.

⁴⁰ Гусев В.Д. Система OntoGRID для построения онтологий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции «Диалог-2005». М., 2005.

⁴¹ Борковский А.Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями). М.: Русский язык, 1987. С. 333.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 81'373+17

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ ОБ ЭТИКЕТЕ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ВЕЖЛИВЫЙ» И ЕГО ДЕРИВАТОВ)

М.С. Аверкиева

REPRESENTATIONS OF POLITENESS IN LEXICAL MEANING OF THE WORDS (ON THE EXAMPLE OF THE ADJECTIVE «POLITE» AND IT'S DERIVATIVES)

M.S. Averkieva

Исследована вежливость как основная категория речевого этикета. Показано, как этикетные нормы отражены в семантике прилагательного «вежливый» и его дериватов. Выявлены основные представления о вежливости на базе контекстов со словом «вежливый» и сочетаемости этого слова и его производных.

Ключевые слова: вежливость, вежливый, невежливый, степень вежливости, речевой этикет.

Politeness as the basic category of speech etiquette is investigated in the article. It is shown, as etiquettes norms are reflected in semantics of an adjective "polite" and its derivatives. The basic representations about politeness are revealed on the basis of contexts with a word "polite" and compatibilities of this word and its derivatives.

Keywords: politeness, polite, impolite, degree of politeness, speech etiquette.

Проблемы речевого этикета традиционно исследовались в отечественной и зарубежной лингвистике в аспекте лингвистической прагматики, теории речевых жанров, теории межкультурной коммуникации. Интерес коммуникативных направлений лингвистики к проблемам речевого этикета (далее – РЭ) обусловлен тем, что РЭ обеспечивает зону бесконфликтного общения¹. Соблюдение норм РЭ связано с правилами кооперативного речевого поведения, которые сформулированы в виде постулатов П. Грайса и максим Дж. Лича. Знания о правилах этикета имплицитно представлены и в лексических значениях слов, называющих человека и его поведение по отношению к нормам этикета.

Например, в семантике слов *бестактный, не-деликатный, некорректный, нетактичный* отражено представление о человеке, поступающем невежливо, неучтиво, несдержанно, то есть о человеке, нарушающем этикетные нормы. Следовательно, в значениях этих слов содержится прагматическая информация о нормах этикета, которые необходимо соблюдать каждому человеку.

Основной категорией РЭ является категория вежливости, которая находит свое языковое ото-

бражение в системе лексических, фразеологических, синтаксических средств. Объектом рассмотрения в статье является семантика прилагательного «вежливый» и его дериватов (вежливость, вежливо, невежливый, невежливость, невежливо).

В.И. Карасик, размышляя о сущности понятия «вежливость», пишет: «Вежливость есть проявление уважения к другому человеку. Определение вежливости как хороших манер акцентирует процессуальную сторону (поведенческий, внешний план) этого явления. Внешняя сторона в известной мере автономна, и поэтому хорошие манеры могут сочетаться с низкими целями и отсутствием уважения к человеку. А в понятии «вежливость» важно внутреннее напряжение»². По данным экспериментов, проведенных Т.В. Лариной, в русском лингвокультурном сообществе, в отличие от английского, нет четкого понятия о вежливости. Respondents связывают вежливость с уважением других, вниманием к людям, культурой общения, умением общаться с людьми³.

Обработка контекстов Национального корпуса русского языка (1880 контекстов)⁴ позволила выявить наиболее значимые для русского лингво-

Аверкиева Мария Сергеевна, аспирант кафедры современного русского языка УрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.Г. Бабенко. E-mail: marya_av@mail.ru

Mariya S. Averkieva, post-graduate of the department of contemporary Russian Language, USU. Scientific adviser – PhD, professor Ludmila G. Babenko. E-mail: marya_av@mail.ru

культурного сообщества представления о вежливости.

1. Вежливость как ценность. *Отсутствие очередей, вежливость официанток и вполне домашний уют особенно ценны в наших московских (и, конечно, не только московских) условиях (И. Шкловский); Вежливость и приличие суть первые украшения всякого человека... (Ф. Достоевский).* Этот тезис подтверждает также широко известное высказывание М. Сервантеса: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость».

2. Вежливость как проявление уважения к человеку. *Вежливость не есть внешняя, заученная манера, а истекает из непосредственного «уважения» к человеческой личности (С. Франк); В обычных человеческих ситуациях существует такое правило, как вежливость – допущение, что другой человек не хуже тебя и не дурак (М. Мамардашвили).*

3. Вежливость как основа культуры речевого поведения. *Вы / я вижу / уже хотите перейти к еще одной и / может быть / самой главной заповеди: «Помни / что вежливость и благожелательность основа культуры речевого поведения» (Т. Винокур).*

4. Вежливость как средство сплочения людей и залог успешного общения. *Казалось, что и с мыслями, как и с людьми, его соединяла только вежливость (Л. Андреев); Участвовав в течение жизни во множестве международных научных конгрессов, я теперь отдаю себе отчет в том, как важны для успеха и приходящие моменты – умение говорить, необычность подхода, вежливость... (И. Дьяконов).*

5. Вежливость как средство создания бесконфликтного общения. Вежливость доставляет удовольствие: *Я уверен, что такая с нашей стороны вежливость будет для него приятна, а доставлять столь почтенному мужу возможное удовольствие да будет для нас всегдашним законом (В. Нарезный); Приведя ряд отрицательных примеров, автор заканчивал статью мыслью, что взаимная вежливость является основой хорошего настроения (В. Войнович).*

6. Вежливость как признак воспитанности. *Офицеры Атаманского полка, будучи образованнее других, замечают в обращении моем ту вежливость, которая служит признаком хорошего воспитания, и, оказывая мне уважение, ищут быть со мною вместе (Н. Дурова); Вежливость у японцев служит признаком воспитания, хорошего тона и ценится в обществе выше внутренних качеств (Д. Анучин).*

7. Вежливость как формальное отношение к собеседнику, скрывающее равнодушие. *У нас любят позлословить, что все на Западе механическое, ненатуральное – и вежливость, и улыбки, и готовность помочь (В. Грицюк); ...Признаться, скорее из вежливости, нежели от нетерпения,*

если, конечно, не учитывать, что вежливость для того и придумана, чтобы порывы нашей искренности скрывать (Б. Васильев); И вежливость государя с мальчишками, сплошь притворная, которую нужно не только допускать, но и ценить, – ничего не означает (Ю. Тынянов).

8. Вежливость как качество, ныне утраченное. *Раньше была между людьми теплота, вежливость – теперь ее нет (И. Полянская); Люди вокруг, детка, за эти годы сильно изменились, вежливость с улиц ушла (И. Полянская); Мы видим из его записок, что рыцарская вежливость и изящное отношение к женщинам исчезли (Т. Грановский).*

Слово «вежливость» сочетается с глаголами *обязывать, требовать, понуждать, заставлять*, то есть часто вежливость предстает перед нами как некая сила, подчиняющая себе человека, властвующая над ним, заставляющая человека действовать тем или иным образом. Вежливость зачастую «категорична», она *требует* (7 контекстов) уважения к гостям, почтения к старшим и др. Например: *Впрочем, вежливость требовала некоторого внимания к гостям (Е. Дашкова).*

Вежливость может являться показателем принадлежности человека к высшему кругу: светская вежливость, салонная вежливость, высокая вежливость. Обычно такая вежливость оценивается как неискренняя, и ей противопоставляется вежливость иная (смешливая, радостная, искренняя, сердечная), например: *Кстати, когда милиционеры меня останавливали, то разговаривали вежливо, причем видно было, что вежливость эта искренняя (А. Нифонтов); В них соединены германское простодушие и сердечная вежливость с каким-то особенным питическим чувством, которое чарует душу (Ф. Булгарин); В ее молчании было скорее внимание, а в редких словах – смешливая вежливость, не светская, а такая, как у многих барышень, которые всю жизнь провели в поместье (К. Бужиа).*

Слово «вежливость» приобретает отрицательную коннотацию в тех случаях, когда вежливость не подкреплена этическими принципами, а является лишь формальной, механической, неискренней. В этом случае говорится о ненатуральной, напускной вежливости, а также о чопорной, чеканной, условной, протокольной, поверхностной, дежурной вежливости. *Церемонные, изысканные манеры помещика со шпорой, его слащавый баритон и вежливость, в которой было так мало простоты, произвели на него неотвязчивое болезненное впечатление (А. Чехов).* Если избыточная вежливость часто связана с недостатком искренности и потому воспринимается негативно, то невежливость, напротив, часто смягчается сопровождающей ее правдивостью и прямотой: *И невежливость ответа исчезала в его искренности и простоте (Л. Андреев).*

Неискренность вежливости отражается в язы-

ке с помощью качественных наречий: нарочито, приторно, заискивающе вежливый. *Первый, приторно вежливый, по-видимому, юрист по образованию, приходил один раз в неделю (В. Кожневников)*. Если вежливость лишена простоты и душевности и отличается изысканностью, она может негативно восприниматься окружающими. Вежливость, лишенная искренности, лишена и теплоты: *Это как в дискуссиях с прибалтийскими политиками: всё вежливо – «позвольте», «примите», а губы поджаты, глаза ледяные, отвернешься – плюнет в кофе и не моргнет (А. Казинцев)*. В этом случае актуализируется сравнение со льдом, холодом. Достаточно распространены словосочетания *ледяная вежливость* (3 контекста), *холодная вежливость* (7 контекстов). *Сингапурская вежливость холодна, как дверная ручка (В. Скворцов)*.

Вежливость сближает людей, особенно если она взаимна. Вежливый человек вправе ожидать ответной вежливости. Взаимная вежливость подчеркивает равенство людей и уважительное отношение друг к другу. Обнаруживаем такие сочетания, как *взаимная вежливость* (3 контекста), *взаимно вежлив* (2 контекста). *Если же знакома, то поклонись ему от меня: он всегда со мной был вежлив, – за вежливость вежливостью (М. В. Авдеев)*. Вежливость смягчает конфликты, например, когда вежливостью отвечают на грубость.

Однако вежливость может не только сближать людей, но и создавать дистанцию, способствовать отчужденности, в особенности так называемая подчеркнутая вежливость. *Есть такой вид грубости, как подчеркнутая вежливость (Е. Козырева)*.

Здесь уместно вспомнить о негативной и позитивной вежливости. П. Браун и С. Левинсон в монографии «Вежливость: некоторые универсалии языкового употребления» выделяют два типа вежливости: негативную (отрицательную) и позитивную (положительную). Негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку; позитивная – с демонстрацией единства и солидарности⁵. Немецкий ученый Р. Ратмайр предлагает два новых термина, лучше раскрывающих уже известные смыслы: «вежливость солидарности» и «вежливость сохранения дистанции»⁶. Отрицательную вежливость характеризуют такие словосочетания, как *подчеркнуто вежлив* (2 контекста), *сдержанно вежлив* (2 контекста), *холодно вежлив* (3 контекста), *безукоризненно вежлив* (3 контекста), *отменно вежлив* (3 контекста), *церемонно вежлив* (2 контекста); *вежливо*, но *держа дистанцию* (1 контекст), *подчеркнуто вежливо* (9 контекстов). Положительная вежливость выражена в словосочетаниях *любовно вежлив*, *дружественно вежлив*; *сердечная*, *душевная вежливость*.

В подавляющем большинстве случаев вежливость связана с соблюдением норм этикета и вызывает всеобщее одобрение, тогда как невежливость оценивается отрицательно. По этой причине люди предпочитают избегать невежливых дейст-

вий или ошибочного их толкования: *Мое молчание могло быть воспринято как невежливость, и потому я поспешил возобновить разговор (Б. Хазанов)*. Если же невежливый поступок уже был допущен, за него спешат извиниться, загладить свою вину: *Он посмотрел на меня и извинился улыбкой за некоторую свою невежливость (Р. Киреев)*.

Невежливое поведение является проявлением нарушения этикета. Проанализировав данные Национального корпуса русского языка, обращаем внимание на сочетаемость слова «невежливо» с предикатами, при которых возможно сентенциальное употребление (то есть поступки человека оцениваются как проявление невежливости). Например, *невежливо опаздывать; поворачиваться спиной к собеседнику; толкать человека; зевать во время разговора, не скрывая скуки; сначала приглашать, а потом выгонять; слишком пристально рассматривать человека; хлопнуть дверью; отказываться от угощения, спиртных напитков*. Кроме того, нарушение этикета может проявляться в речи или ее отсутствии. Например, *невежливо перебивать; заводить речь о своих проблемах; не знать или путать имена людей в момент общения; разговаривать о секретах при гостях; заставлять повторять дважды одни и те же слова; не здороваться; не прощаться; долго молчать, не отвечать на вопрос*. Отсутствие словесной реакции является грубым нарушением этикета.

Опираясь на вышеприведенные примеры, легко моделируем рисунок вежливого, приличного (этикетного) поведения: *вежливо приходит на встречу вовремя, обращаться к адресату по имени; не оставлять без внимания вопросы окружающих; внимательно выслушивать собеседника; без промедления отзываться на обращение; проявлять интерес к делам собеседника; не обременяя монологом о своих проблемах и пр.*

На непосредственную связь вежливости с этикетом указывает то, что слово *вежливость* сочетается в одном контексте с этикетной лексикой: *существительными, обозначающими разновидности вежливости (деликатность, тактичность, такт, корректность, предупредительность, почтительность, непринужденные, приятные манеры и пр.)*. В одном контексте можно встретить прилагательные *вежливый* и *обходительный*, а также *предупредительный, услужливый, культурный, галантный, любезный* и др.

Тем не менее, вежливость не всегда бывает корректной, иногда она бывает связана не с соблюдением, а с нарушением этикета. Она может быть неуместной, пошлой, нагловатой, изнурительной; *аффектированной, издевательской, язвительной и даже опасной и жуткой. Вежливость его аффектирована (Ю. Олеша); Запомнилась и жуткая вежливость командира, предупредительно распахнувшего передо мной дверь машины (Г. Жженов); Какая неуместная вежливость (Л. Гинзбург)!*

Интересны градиционные смыслы, которые обнаруживаются у слова «вежливость» в сочетании с прилагательными нормативной оценки. Вежливость хотя бы в малой степени проявляется практически у каждого человека. Об этом свидетельствуют часто употребительные, устойчивые сочетания *элементарная вежливость, обыкновенная вежливость, обычная вежливость, простая вежливость, минимальная вежливость*. Во всяком случае, я проявил минимальную вежливость, остальное меня не касается (Ф. Кнорре). Существительное «вежливость» снабжается в контекстах интенсификаторами *необычайная, чрезвычайная, исключительная, крайняя*. Например: – Извините, князь, – горячо вскричал он, вдруг переменяя свой ругательный тон на чрезвычайную вежливость, – ради бога, извините (Ф. Достоевский)!

Степень проявления вежливости зависит от воспитанности человека и обстоятельности, в которые он попадает. Вежливость может проявляться в малой, средней и большой степени. Маркерами степени вежливости являются наречия.

Выражение малой степени вежливости обнаруживаем в словосочетаниях пока (еще) вежливо; почти вежлив, недостаточно вежлив, не очень-то вежлив, не слишком вежлив. *С Мариной Алексеевной Ладыниной, которая, как всегда, играла в фильме главную роль, он был не очень-то вежлив (В. Давыдов); Вот и вызывает Шеф к себе начальника охраны и в вежливой форме просит (пока еще просит и пока еще вежливо) разрешить вышеуказанным людям не подчиняться установленным правилам (С. Козлов).*

Средняя степень проявления вежливости передана наречиями: довольно, достаточно, в меру, по возможности, вполне, относительно. *Для человека, чей вид сразу наводил на мысли о какой-нибудь жестокой деятельности, он был относительно вежлив, оставлял приличные чаевые (М. Елизаров).*

Большая степень проявления вежливости представлена наречиями: очень, весьма, предельно, безукоризненно, безупречно, чрезвычайно, необычайно / необыкновенно, крайне / до крайности. Например: *Я спросила Андрея Дмитриевича, разрешил ли он снимать, – конечно, нет, но он был слишком вежлив, чтобы протестовать (Г. Горелик).* Наряду с высшей степенью вежливости существует и крайняя степень проявления невежливости: *Они томятся, смотря на часы, что в высшей степени невежливо, шлепают ладонью по вагону, что довольно глупо, и оживают при третьем звонке до неприличия (Н. Тэффи).*

Для выражения высшей степени вежливости используются также синтаксические конструкции *настолько вежлив, что ... (4 контекста), так вежлив, что... (2 контекста)*. *Внизу стояли два мексиканца, примерно одного возраста, но один был настолько вежлив, что иногда отрывался от беседы и уходил в сторону, чтобы стряхнуть*

снег с плеч прохожих (В. Месяц). – *Если судья здесь и так вежлив, что послал вас рассказывать о себе таинственные истории, то будьте добры ему передать, что мы – тоже, может быть, – здесь (А. Грин)!*

Чрезмерная степень проявления вежливости, преувеличенная вежливость, отражена в сочетаниях *слишком вежливо, преувеличенно вежливо*; больше чем вежлив, слишком вежлив, слишком уж вежлив, очень уж вежлив. *Ее младший брат, Павлик, целыми днями играл на скрипке, а когда появлялся во дворе, то был слишком уж вежлив (Л. Улицкая).*

Таким образом, при описании вежливости чаще всего наблюдаем характеристики большой степени вежливости: самым популярным является наречие *очень*, которое встречается в 34 контекстах; наречие *чрезвычайно* обнаруживаем в 12 контекстах. Еще раз обратим внимание на то, что степень проявления вежливости может выражаться синтаксически.

Объектами вежливости являются окружающие люди (*вежливость к гостю, собеседнику*): чаще близкие и родные (*вежливость с матерью, дочерью*), пожилые люди (*был вежлив к старику, к старцу*), женщины (*вежлив с дамами*). Объектами вежливости могут стать все окружающие (*со всеми одинаково вежлив*). Однако субъект вежливости может быть вежлив только с отдельными лицами. – *В бытность мою в Персии я вел такую политику: с торговцем дровами я был вежлив, с торговцем сладостями – нежен, но к торговцам фруктами – суров (Ю. Тынянов).* В художественных текстах встречаются метафорические употребления: *...Комментируя строки Гумилева «Я вежлив с жизнью современной, / Но между нами есть преграда» (Р. Омри); И вежлив будь с надменной скукой (А. Найман).*

Наблюдение над корпусом текстов показывает, что чрезвычайно широкой оказывается область денотации прилагательного «вежливый». Определение «вежливый» используется в атрибутивной позиции при следующих классах сущностей:

1. Человек (104 контекста), например: *Человек он был добрый, ласковый, вежливый, хлебосол и вообще любимый и уважаемый (Ф. Булгарин); Тут мои благочестивые размышления прерывает какой-то вежливый тип (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).* Самой распространенной является лексема «человек» (53 контекста). Реже встречаем в контекстах лексемы, выражающие возрастные (26 контекстов), профессиональные (14 контекстов), социальные (6 контекстов), национальные (2 контекста) и пр. различия.

Говоря о возрастной дифференциации, мы имеем в виду частотные сочетания *вежливый мальчик, вежливый парень, вежливый молодой человек, вежливый мужчина, вежливый старик*. *Вежливый молодой человек кивал головой и внимательно слушал собеседника (А. Троицкий); Арий*

Давидович Ротницкий – не меняющийся внешне, розовый вежливый старичок с голой головой и серебряной бородкой (К. Ваншенкин).

Упомянув о профессиональных различиях, мы подразумеваем сочетание слова «вежливый» с названиями лиц по профессии: экскурсовод, продавец, менеджер, управляющий; полковник КГБ, полицейский, следователь; посол, дипломат, чиновник и пр. Например: *Вежливый менеджер быстро оформил все документы и через полчаса Михаил держал в руках направление в фирменный автосервис (С. Волгин); Очень вежливый следователь вручил мне вот это (В. Катанян).*

Словосочетания *вежливый хозяин, вежливый господин* подтверждают наличие вектора вежливости «сверху вниз» на социальной дистанции. *Вежливый хозяин решил показать главному тренеру сборной Эпштейну и его помощнику Богинову свои владения и, в частности, коллекцию автомобилей (Е. Рубин).* Сочетания *вежливый человек в очках / очкарик*, на наш взгляд, выражают понятие «вежливый интеллигент». Единичными являются словосочетания *вежливый собеседник, вежливый упрямец* и пр.

2. **Голос и речь (60 контекстов).** При этом сочетание *вежливый голос* встречаем в 20 контекстах, *вежливый тон* в 4 контекстах, *вежливый разговор, вежливый вопрос* в 7 контекстах, *вежливый ответ* в 9 контекстах, *вежливый отказ* в 10 контекстах и т.д. *Лизавета ни с кем не спорила и для каждого находила вежливый, но стандартный ответ (М. Баконина); Незнакомый князь случайно заговорил со мной, и его вежливый и скромный тон расположили меня в его пользу (Е. Дашкова).*

3. **Движения и жесты (13 контекстов):** вежливый поклон (8 контекстов), вежливый кивок (2 контекста); вежливый реверанс, вежливый книксен, вежливый жест (по 1 контексту). Например: *Мышка сделала очень вежливый реверанс и отправилась дальше (В. Постников); ...И только после этого сделал вежливый, разрешающий жест рукой (С. Юрский).*

4. **Смех (5 контекстов), например: Вежливый смех только усилил напряженность (В. Дудинцев).**

Кроме того, встречаем единичные сочетания: *вежливый взгляд, вежливый характер, вежливый образ мыслей, вежливый ритуальный восторг, вежливый комплимент, вежливый город, вежливый пес, вежливый стук в дверь.*

В предикатной позиции прилагательное «вежливый» используется с именами собственными, например: *Сашка был вежлив и не говорил ни слова (Ю. Тынянов); Взаимно вежлив был и Герман Оскарович (В. Сазонов); Вадим был безукоризненно вежлив, всегда провожал предполагаемую жену до дома, целовал ей руку, но и только, дальше дежурного обмена любезностями дело не шло (Д. Донцова).*

Предикатное употребление актуализирует

признак времени: вежливость может быть постоянной характеристикой человека. Например: *Всегда вежлив – мне ни разу не привелось слышать, чтобы Акимов кому-нибудь грубил (С. Алешин).* Но все же чаще субъект обнаруживает вежливость время от времени. Вежливость предстает как непостоянное, временное явление. Она то появляется, то исчезает: пока еще вежливый; поначалу вежлив, был нечасто вежлив; вежлив, когда требовалось; долго был вежлив, на этот раз был вежлив, был иногда вежлив, сегодня был вежлив и т.п. *Он был действительно прост и действительно добр, иногда – вежлив (Е. Попов).*

Безусловно, понятие вежливости универсально. Ее нормы просты, общедоступны и общезначимы, поэтому мы говорим о международной вежливости, тотальной вежливости. Но вежливость может иметь и национальные особенности. Наиболее часто мы слышим о японской (17 контекстов), а также об английской (10 контекстов) и французской вежливости (3 контекста). В каждой культуре существует свои представления о вежливости, например: *Английская вежливость предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения (В. Овчинников); Во Франции на дорогах есть одна особенность – взаимная вежливость и предупредительность: если вы покажете рукой, что хотите проехать первым – вас обязательно пропустят (А. Собчак).*

Актуализируются различные семантические оттенки вежливости в зависимости от профессионального статуса человека. Чаще всего говорят о вежливости в сфере услуг: *вежливость со стороны обслуживающего персонала, вежливость и предупредительность продавцов* и пр. *Отсутствие очередей, вежливость официанток и вполне домашний уют особенно ценны в наших московских (и, конечно, не только московских) условиях (И. Шкловский).* Вежливость такого рода – это вежливость «по вертикали», «снизу вверх». Она подразумевает любезность, учтивость, часто перерастающие в заискивание, лицемерие.

Особое место занимает вежливость чиновников (послов, дипломатов и пр.). Такая вежливость связана с умением в корректной форме отказать посетителю; тонко, изящно, политически грамотно разрешить спорные вопросы. Часто можно слышать о вежливости профессора, человека в очках (5 контекстов). Под ней подразумевается не простая любезность, а особая, возвышенная, наиболее культурная, интеллигентная вежливость. Также встречаем разовые упоминания о вежливости «слуг закона» (полицейских, следователей), инженеров, врачей и пр.

Вежливость признает, кроме национальных и профессиональных, также гендерные различия, например, когда речь идет о рыцарской вежливости. *При короткости женского обращения ... в Испании ненарушимо сохранилась утонченная*

рыцарская вежливость; женщине, даже между простонародьем, уступают всегда первый шаг, дают первое место (Д. Григорович). Проявление вежливости по отношению к женщине поощряется здоровым обществом, напротив, проявление невежливости – осуждается: Он говорил, там есть у него сестра, а разве можно оказать невежливость женщине (Н. Лесков). Невежливым считается заставлять даму ждать, сидеть, когда дама стоит, курить в присутствии дамы и пр.

Вежливость зависит также от сферы ее проявления (в телефонном разговоре, в письмах, в частной беседе, в поступках): телефонная вежливость, электронная вежливость и пр. Главврач (телефонная вежливость) мне, обычному больному, объясняет – мол, он тут ни при чем (В. Маканин); Умоляют, закливают и пшут на «вы», потому что русский человек в письмах любит вежливость (В. Дорошевич). Невежливым считается не отвечать на письмо, писать неразборчиво и пр.

В заключение обобщим денотативные, ассоциативные, фоновые, прагматические компоненты семантики слова «вежливость».

В контекстах наиболее часто вежливость предстает как универсальная общечеловеческая ценность, поскольку является показателем воспитанности, внешним проявлением уважения к человеку; обеспечивает нормативное взаимодействие индивидов, закладывает основы культуры вербального и невербального поведения, является средством сплочения людей и залогом успешного общения, доставляет удовольствие окружающим и пр. Вежливость ассоциируется с искусством; равнодушием и игрой; проблемой, препятствием; усилием и трудом; с силой, подчиняющей себе человека, властвующей над ним, и даже иногда с опасным, губительным влиянием. Анализируя метафорическую сочетаемость абстрактного имени, выявляем, что вежливость может быть холодной / ледяной и теплой, мягкой и жесткой и т.п.

Вежливость, как правило, вызывает у людей положительную реакцию, но, тем не менее, это понятие амбивалентно. Можно вести себя вежливо и с чувством собственного достоинства. Однако иногда вежливость перерастает в угодливое, заискивающее поведение, доходит до самоуничтожения. Вежливость может быть направлена на объединение, сплочение людей (прежде всего, взаимная, дружеская вежливость), но также может соз-

давать дистанцию между собеседниками (например, подчеркнутая, сухая, официальная вежливость). Вежливость, с одной стороны, может быть постоянным качеством воспитанного человека, с другой стороны, человек может утрачивать вежливость, забывая о ней. Вежливый человек бывает порядочным, но не менее часто оказывается аморальным. Вежливость может вызывать положительные эмоции: любовь, симпатию, восхищение, но может также вызывать антипатию, обиду, злость, разочарование.

Вежливость и ее разновидности (галантность, тактичность, учтивость, любезность, предупредительность, обходительность и пр.) напрямую связаны с этикетом. Подобно этикету, вежливость выражается в вербальном и невербальном поведении человека и зачастую является внешним проявлением отношения к людям. Вежливость обычно граничит с такими составляющими этикета, как хорошие манеры, культура обращения, благовоспитанность, скромность. Как и этикет, вежливость можно рассматривать в аксиологическом и нормативном планах. РЭ и вежливость выполняют фактическую, коммуникативную, прагматическую, оценочную, эмотивную функции. Вежливость рассматривается как безусловная ценность, обеспечивающая в сочетании с РЭ не только бесконфликтное общение, но и способствующая установлению контакта, формирующая нравственное, эстетическое и интеллектуальное существование человека в обществе.

¹ Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. С. 480.

² Карасик В.И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект, прагмалингвистический аспект, лингвосемантический аспект. М.: Гнозис, 2002. С. 71.

³ Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. С. 315.

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru.

⁵ Вежливость [Электронный ресурс]. URL: www.krugosvet.ru.

⁶ Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 272.

Поступила в редакцию 25 ноября 2008 г.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДАЛЬНОСТИ В ЭЗОТЕРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.М. Ахметова

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF MODALITY IN ESOTERIC DISCOURSE

A.M. Akhmetova

Категория модальности представлена в виде концептосферы, которая рассматривается в эзотерическом дискурсе, в частности, в гороскопах и сонниках. Исследуемый концепт субъективно-межличностной модальности представлен микроконцептами деонтической (предписывающей), эпистемической (описывающей) и аксиологической (оценочной) модальности.

Ключевые слова: модальность, реальность/ирреальность, референтивность, концептосфера, эзотерика, дискурс.

In the article the category of modality is presented as a conceptual domain, examined in esoteric discourse, particularly, in horoscopes and dream books. The studied concept of subjective interpersonal modality is represented by microconcepts of deontical (prescriptive), epistemic (descriptive) and axiological (evaluative) modality.

Keywords: modality, reality/ unreality, referentivity, conceptual domain, esoterics, discourse.

Модальность – явление многоаспектное, поэтому в лингвистической литературе высказываются различные мнения по поводу сущности данного феномена. Мнения ученых относительно модальности сходятся в том, что в основе этой категории лежит отношение содержания высказывания к действительности, которое мыслится в плане реальности/ ирреальности сообщаемого.

Следуя логико-философским традициям в понимании категории модальности (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, В.З. Панфилов, В.Г. Гак, В.Н. Бондаренко, А.Г. Баранов и др.), мы, вслед за большинством лингвистов, выделяем объективную и субъективную модальность: «объективная модальность – отношение содержания предложения/высказывания к действительности. Значение этой модальности обусловлено, как правило, противопоставлением «реальность/ирреальность». Ирреальность же часто подразделяется на значения возможности, необходимости, желательности и др. Субъективная модальность определяется чаще всего как «отношение говорящего к содержанию предложения/ высказывания. Основное значение этой модальности формируется как субъективная уверенность в достоверности информации»¹.

Согласно функционально-прагматической концепции модальности, предложенной А.Г. Барановым, объективная модальность содержит поня-

тие референтивности, которая представлена отношением «текст – действительность», что указывает на ее объективный характер. Референтивная модальность находится в тесной взаимосвязи с субъективной модальностью, которая подразделяется на личностную (автор – текст) и межличностную (автор – реципиент) модальности. Основная цель субъективно-личностной модальности – дать характеристику субъекту сообщения, выразить его когнитивную картину мира. Данный тип модальности включает в себя эмотивную, ментальную, композитивную, сенсорную и оценочную модальности. Субъективно-межличностная модальность выражает интенцию автора изменить мир, описать мир и дать ему оценку, что осуществляется при помощи деонтической (предписывающей), эпистемической (описывающей) и аксиологической (оценочной) модальности соответственно². Поскольку модальность эзотерического дискурса рассматривается нами в когнитивно-прагматическом аспекте, данная типология вполне логично укладывается в рамки нашего анализа. Комплексный подход к изучению модальности предполагает и необходимость освещения основных положений когнитивистики.

«Когнитивная лингвистика – это наука, объектами изучения которой являются: постижение мира – обработка информации – выражение отно-

Ахметова Айгуль Мутагаровна, аспирант кафедры Зауральский филиал БГАУ. Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А.Р. Мухтаруллина. E-mail: axmetov@bk.ru

Aigul M. Akhmetova, post-graduate student Transural branch of BSAU. Scientific adviser – PhD, Professor A.R. Mukhtarullina. E-mail: axmetov@bk.ru

шения к постигаемой действительности. Последнее, как нам известно, и есть модальность»³.

Так, если модальность непосредственно является объектом изучения когнитивной лингвистики и тесно переплетается со всеми ментальными процессами, то можно предположить, что это ментальное образование, концептосфера. Понятие «концептосфера» определяется многими лингвистами как совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя языка. Концепты же, согласно определению Ю.С. Степанова, «не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений»⁴. Таким образом, можно предположить, что эмоции и оценки, являясь признаком концепта, могут быть составной частью концептосферы модальности.

В структуре концептосферы, кроме ядра, выделяются центр и периферия, где «ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные»⁵. Ядром концептосферы модальности является макроконцепт (по В.И. Карасику) объективной и субъективной модальности, а приядерную зону составляют концепты референтивной, субъективно-личностной и субъективно-межличностной модальности. В свою очередь, концепт референтивной модальности подразделяется на подвиды – микроконцепты: субъект, действие/состояние, объект, темпоральность, локальность. С концептом субъективно-личностной модальности же соотносятся микроконцепты эмотивной, ментальной, композитивной, сенсорной и оценочной модальности. Исследуемый нами концепт субъективно-межличностной модальности представлен микроконцептами деонтической, эпистемической и аксиологической модальности, которые наиболее полно характеризуют прагматические установки автора текста / дискурса. Концептосфера модальности в данной работе рассматривается на материале дискурса, который определяется как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста»⁶. Эзотерический дискурс, как жанровая спецификация, рассматривается большинством ученых как «материализованный в текстовом массиве процесс речемыслительной деятельности, сфокусированный вокруг духовно-нравственной, этической проблематики (вечные вопросы смысла жизни и смерти, добра и зла, любви во всех ее проявлениях, чувства долга по отношению к себе и другим, назначения человека и перспектив человечества и др.) и имеющий в качестве коммуникативной сверхзадачи воспитательное воздействие на реципиента, расширение и трансформирование его сознания, задавание новых критериев оптимальной жизнедеятельности на уровне «сознания 4-го измерения», духовных цен-

ностей невидимой реальности «тонкого мира»⁷. Рассуждая об эзотерике, В.М. Розин пишет, что эзотеризм – «это мироощущение, позволяющее открыть новый мир, опираясь на самого себя. Мирощущение, постулирующее идею двух миров (обычного и подлинного), включающее установку на переделку себя и идею пути»⁸. Таким образом, эзотерический дискурс выражает особое мировосприятие личности, который ставит на первый план духовную суть жизни и подчиняет все материальные проявления человеческого существования невидимым явлениям «тонкого мира». Речевое воздействие в эзотерическом дискурсе связано с изменениями индивидуального сознания, или имплицитной картины мира, или образа мира субъекта соответственно и его модальности.

В когнитивно-прагматическом аспекте такого рода изменения картины мира субъекта наиболее полно отражает микроконцепт деонтической (предписывающей) модальности. Эксплицируя свои речевые стратегии посредством данной модальности, авторы сонников и гороскопов в форме просьб, пожеланий и советов влияют на поведение человека. Поэтому в большинстве случаев средствами выражения данной модальности являются побудительные формы предложения: «*Ask yourself what personal associations the buildings of your dream have for you*»; «*Examine your life - there may be unlooked-for opportunities just below the surface*»; «*Your accident dream is not necessarily a premonition of the future so do not jump to conclusions*»⁹; «*If you recognize the need for a psychological spring clean then get to work straight away*»¹⁰;

Микроконцепт эпистемической (описывающей) модальности вербализуется, в основном, повествовательными формами предложения, также возможны косвенные выражения дескрипции, а именно, активное использование модальных глаголов и слов, выражающих различные оттенки вероятности, возможности (в некатегоричной форме) изменения внутреннего состояния субъекта или внешней ситуации. При помощи этой модальности в эзотерическом дискурсе автор старается описать внутреннее состояние человека. Риторические вопросы, являясь также нетипичными средствами выражения данной модальности, помогают автору воздействовать на сознание человека и заставляют пересмотреть его жизнь: «*To dream of being naked may indicate that you feel vulnerable and exposed. You may feel that you are unable to maintain your defenses against the outside world*»; «*To dream of many snakes in a pit was also considered to be a foreboding of much bad luck in love or business*»¹¹; «*Perhaps you are being emotionally victimized and you feel vulnerable as you did as a child*?»; «*Perhaps you have been putting up pretence or lying about something that you fear someone may find out about*»; «*Are you driving yourself too hard?*»¹².

По мнению многих лингвистов, аксиологическая модальность не имеет прямых синтаксиче-

ских способов выражения (хотя иногда выражается восклицательными предложениями). Данная модальность обычно встречается в виде текстового модуля в текстах с эпистемической и деонтической модальностью:

(Sigmund Freud once said that his favorite dream was being naked in a crowd of strangers!); «Your dreams and ambitions may be too grandiose and not in accord with what you can realistically expect to achieve»; «It is healthy to accept that death comes to us all as this realization broadens our spiritual perspective and loosens the grip of material craving»¹³.

Таким образом, исходя из основных положений данного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Модальность – отношение говорящего к окружающей его действительности; при этом с логико-философских позиций данная категория подразделяется на объективную и субъективную модальности.

2. Модальность может быть представлена в виде концептосферы, где ядром является макроконцепт, представляющий собой единство объективных и субъективных аспектов, подразделяющийся на концепты и микроконцепты.

3. В когнитивно-прагматическом аспекте микроконцепт субъективно-межличностной модальности выражает интенцию автора изменить мир, описать мир и дать ему оценку, что осуществляется при помощи деонтической (предписывающей), эпистемической (описывающей) и аксиологической (оценочной) модальности соответственно.

4. Эзотерический дискурс, как жанровая спецификация, выражает особое мировосприятие личности, который ставит на первый план духовную суть жизни и подчиняет все материальные проявления человеческого существования невидимым

явлениям «тонкого мира». Рассматривая сонники и гороскопы как основные виды эзотерического дискурса, подчеркнем преобладание в них эпистемической модальности. Посредством данной модальности авторы раскрывают значение увиденного сна и тем самым воздействуют на сознание человека. Деонтическая же модальность употребляется как совет, данный автором исходя из значения сна. Аксиологическая модальность может дифференцироваться как положительная и как отрицательная оценки.

¹ Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993. С. 8.

² Там же.

³ Мухтаруллина А.Р., Биктимирова Г.Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в разговорном дискурсе // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Одесса, 2007.

⁴ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

⁵ Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М., 2005. С. 256.

⁶ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 312.

⁷ Сунгуртян К.К. Лингвориторические средства выражения антропоцентризма в русском и переводном эзотерическом дискурсе / Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. С. 53.

⁸ Розин В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. М.: Изд-во УРСС, 2002. С. 320.

⁹ Jane Teresa Anderson. URL: [http://www.dream.net.au/services/dream interpretation.pfm](http://www.dream.net.au/services/dream%20interpretation.pfm)

¹⁰ Fontana, David. The secret Language of dreams. San Francisco: Chronicle Books, 1994.

¹¹ Там же.

¹² Jane Teresa Anderson. Цит. соч.

¹³ Там же.

Поступила в редакцию 20 апреля 2008 г.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К НЕМЕЦКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Л.В. Быкова, С.В. Елисеева

PRECEDENT PHENOMENA TRACED BACK TO THE GERMAN AND FRENCH CULTURES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS

L.V. Bykova, S.V. Eliseeva

На основе сопоставительного исследования обнаружено, что для современной российской прессы наиболее характерны немецкие по происхождению прецедентные феномены, относящиеся к XX веку, и французские, относящиеся к XIX веку. Доля немецких прецедентных феноменов, относящихся к периоду до XVIII и французских, возникших до XVII века, значительно ниже, чем доля прецедентных феноменов, относящихся к каждому из последующих веков.

Ключевые слова: прецедентные феномены, современная российская пресса, сравнительный анализ.

On the basis of the comparative analysis it was determined that for the contemporary Russian press it is characteristic to use the precedent phenomena originating in the German culture and referring to XX century, and the precedent phenomena originating in the French culture and referring to the XIX century. The number of the German precedent phenomena referring to the period before XVIII century and that of the French arising from the time before XVII century is substantially lower than the number of the precedent phenomena referring to each of the following periods.

Keywords: precedent phenomena, contemporary Russian press, comparative analysis.

Проблема прецедентности была сформулирована относительно недавно Ю.Н. Карауловым в его монографии «Русский язык и языковая личность», вышедшей в 1987 году¹. Эта тема остается актуальной не только по причине своей новизны, но и в силу своей многоаспектности и многозначности². Различные аспекты прецедентности рассматривались также в работах В.Г. Костомарова, Ю.А. Сорокина, Ю.Е. Прохорова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и др. В нашей работе вслед за М.К. Поповым и В.Т. Титовым мы рассматриваем прецедентные феномены (ПФ) как вербально представленные в культуре определенного типа в виде цельных текстов, имен людей, артефактов, ситуаций, элементов культуры, которые являются результатом духовного, материального, интеракционного освоения действительности при выполнении человеком раз-

ных видов деятельности в самых разнообразных ситуациях³. Исследователи (в том числе Ю.Н. Караулов) разделяют ПФ также на вербальные и невербальные. В данной статье рассматриваются только первые.

Одним из основных свойств прецедентности является обеспечение культурной преемственности внутри национально-лингво-культурного сообщества. Передаваясь из поколения в поколение, ПФ являются маркером культурной идентичности. В этой связи они рассматриваются как своеобразные «культурные скрепы»⁴. ПФ есть «результат общности исторических судеб не только личностей, но и поколений людей, живущих в условиях одной культуры, выражая с той или иной степенью очевидности так называемый «национальный характер» и будучи «обществом внутри нас», суще-

Быкова Людмила Владимировна, аспирант СурГУ, научный руководитель доктор филологических наук, проф. А.П. Чудинов. E-mail: mila122@yandex.ru

Елисеева Светлана Викторовна, аспирант СурГУ, научный руководитель доктор филологических наук, проф. А.П. Чудинов. E-mail: lana-eliseev@rambler.ru

Ludmila V. Bykova, post-graduate student of SurSU, scientific adviser PhD, professor of linguistics A.P. Chudinov. E-mail: mila122@yandex.ru

Svetlana V. Eliseeva, post-graduate student of SurSU, scientific adviser PhD, professor of linguistics A.P. Chudinov. E-mail: lana-eliseev@rambler.ru

Зеленые страницы

ствующим «в виде однотипных для людей одной культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний»⁵.

Характеризуя прецедентные феномены (ПФ) по локализации их функционирования в социуме, В.В. Красных выделяет: 1) социумно-прецедентные (феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.); 2) национально-прецедентные (феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу); 3) универсально-прецедентные (феномены, известные любому среднему современному homo sapiens и входящие к «универсальное» когнитивное пространство)⁶. Д.Б. Гудков также считает возможным выделить автопрецедентные феномены (феномены, значимые для отдельного индивида)⁷. В качестве иллюстраций к своим классификациям исследователи ПФ приводят примеры, источником которых является как собственная культура (русская) так и другие национальные культуры.

Е.Г. Ростова предлагает классификацию прецедентных текстов по тексту-источнику (тексты, возникшие на русской культурной почве; инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранном языке; русские тексты, возникшие на основе иностранных; фольклорные и авторские тексты, возникшие на основе международных «бродячих» сюжетов; тексты, возникшие на основе общечеловеческих прецедентных текстов)⁸. Подобная классификация позволяет характеризовать автора текста как языковую личность, произвести анализ дискурса с точки зрения межкультурного контакта и рассмотреть результаты такого взаимодействия.

ПФ, источником которых является другая культура, представляют собой особо интересный материал для исследования, так как в дискурсе такие ПФ являются своеобразной «точкой пересечения» двух культур – той, что послужила источником, и той, что явилась реципиентом данного ПФ. Эти пересечения не являются случайными, иначе пропал бы смысл употребления ПФ, так как в таком случае не была бы обеспечена возможность его восприятия, понимания и интерпретации, что является необходимым условием функционирования ПФ. Анализ употребления ПФ, приходящих из другой культуры, может многое рассказать о взаимодействии двух национальных культур (источника и реципиента), уточнить степень значимости одной для другой, определить ценностные ориентации, выявить стереотипные представления друг о друге, бытующие в этих социальных группах, и те образы, которые складываются на основе таких представлений.

Материалом для нашего исследования послу-

жили тексты разнообразной тематики, взятые из центральных российских газет («Известия», «Независимая газета», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Культура» и др.) за период с 2004 по 2007 гг. включительно. Выбор газетного текста в качестве материала исследования был обусловлен такими его особенностями, как актуальность тем, затрагиваемых в прессе, эмоциональность/экспрессивность и персуазивность газетных текстов⁹. Использование ПФ в дискурсе СМИ всегда интенционально, позволяет расширить и углубить содержание, охарактеризовать, дать определенную оценку тому, что написано, апеллируя к фоновым знаниям, стереотипным представлениям, эмоциональным ассоциациям читателя.

Учитывая важность такой характеристики ПФ, как длительность его функционирования в дискурсе, а также на основании предположения о том, что ПФ могут являться маркерами интенсивности контактов в тот или иной период развития отношений между двумя культурами, нами были составлены хронологическая таблица, где найденные в российской прессе ПФ, источником которых являлась немецкая (рассмотрено 1314 случаев употребления ПФ) и французская (обработаны 1264 примера) культуры, были дифференцированы по периодам: XXI век, XX век, XIX век, XVIII век, XVII век, XVI век и ранее. Отметим, что самым ранним примером ПФ из немецкой культуры является «Песнь о нибелунгах» (XII в.), а из французской – «Карл Великий» (VIII в.) и «Песнь о Роланде» (XII в.).

Частотность употребления ПФ, пришедших из немецкой и французской культур, в российской прессе

Период	Немецкие по происхождению ПФ		Французские по происхождению ПФ	
	кол-во	в % от общ. кол-ва	кол-во	в % от общ. кол-ва
XXI в.	11	0,8	32	2,5
XX в.	716	54,5	394	31,2
XIX в.	285	21,6	456	36,1
XVIII в.	224	17,0	196	15,5
XVII в.	17	1,3	123	9,7
VIII–XVI вв.	61	4,7	63	5,0
Всего	1314	100	1264	100

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотными среди немецких ПФ являются такие, которые относятся к XX веку (54,5%). Большинство из них (51%) относится к первой его половине. Это такие ПФ, как: *Гитлер*, *Гейббельс*, *фашизм*, *Нюрнбергский процесс*. Ср.: «Потом, правда, выяснилось, парашют был от осветительной ракеты, самолеты над селом никогда не пролетали, дом разрушила российская артиллерия во время выкурива-

ния боевиков за год до «бомбежки», а все это было хорошо спланированная провокация, придуманная дудаевским «Геббельсом» Мовлади Удуговым» (Известия. 2007. № 151). «Когда нет правосудия, воцаряется страх. Именно по этой причине Владимир Буковский требовал устроить коммунистам Нюрнбергский процесс» (Новая газета. 2007. № 77).

Следует отметить, что практически все приведенные примеры немецких ПФ относятся к сферисточнику «Политика», и, несомненно, связаны с событиями второй мировой войны, оказавшей большое влияние, в частности, на российскую культуру. Несомненно и то, что события второй мировой войны в русской национальной картине мира напрямую ассоциируются именно с Германией. Активность использования таких ПФ авторами газетных статей говорит об актуальности фактов указанного периода истории для представителей российского национально-лингво-культурного сообщества, о высокой степени эмоциональности по отношению к данным фактам и событиям.

Ко второй половине XX века относятся такие ПФ, как *Берлинская стена*, *Шумахер* и др. Приведем несколько примеров использования подобных ПФ в современных газетных текстах: «Предлагая России принять на веру новые гипотетические угрозы со стороны Ирана, США тем самым способствуют созданию в Европе новых «берлинских стен»» (Известия. 2007. № 81). «Вот мчится по встречной полосе мусоровоз. Вы думаете, он куда-то торопится? Да нет, просто водитель считает, что он – *Шумахер*» (Известия. 2006. № 123).

Самыми частотными ПФ (36,1%), источником которых явилась французская культура являются ПФ, относящиеся к XIX веку – *Бальзак*, *Гюго*, *Жюль Верн*, *Дюма* (включая произведения, имена героев, известные высказывания), *Тулуз-Лотрек*, *Сезанн*, *Наполеон*. Ср.: «А если в ответ на осенней Московской международной книжной ярмарке, где, надеюсь, будут и французы, я нарисую голого *Гюго* на фоне Нотр-Дамы? Нет, лучше нарисую *Бальзака* – он будет смотреться гораздо интересней *Виктора*! Что вы тогда скажете?» (Литературная газета. 2005. № 15). «Потому на конференции, собравшей специалистов из консерваторий и университетов мира, выступившие были обеспокоены тем, что катастрофически сужается «шагреновая кожа» классического искусства» (Российская газета 2005. №254). «Да с такими ребятами под боком Вы, уважаемый господин *Аавиксоо*, не в ноги натовцам должны падать, а наоборот – выступать как *Наполеон Бонапарт* какой-нибудь» (Независимая газета. 2007. № 91).

Сферой-источником наибольшего количества ПФ из французской культуры, относящихся к XIX веку, является «Литература». Значение и влияние французской литературы XIX века на мировую и, в частности, российскую культуру не нуждается в аргументации. Здесь можно учесть и известность

французских писателей в России, популярность экранизаций их произведений, изучение трудов французских авторов в школах и вузах нашей страны как в период СССР, так и после его распада. Помимо сферы-источника «Литература» высокочастотными являются ПФ из сферы «Живопись» (также оказавшую значительное влияние на мировую и российскую культуру) и прецедентное имя *Наполеон*, которое можно отнести к сфере-источнику «Политика». Здесь стоит добавить, что данный ПФ является универсально-прецедентным⁶, но при этом сохраняет свою связь с французской культурой. Победа России над Наполеоном явилась одной из самых ярких страниц в истории России. Это событие прочно закрепилось в исторической памяти народа, что и отражает большое количество случаев употребления ПФ *Наполеон* в текстах российских газет.

Французские ПФ, относящиеся к XX веку, тоже достаточно частотны (31,2 %). Их сферами-источниками являются в основном различные виды искусства: «Живопись» – *Ренуар*, *Матисс*, «Кино» – *Бриджит Бардо*, *Ален Делон*, *Фантомас*, «Литература» – *Сартр*, *Пруст*, *Бодлер*, «Музыка» – *Эдит Пиаф*, «Мода» – *Шанель*, *Диор*. Ср.: «В отличие от своего прообраза *Очкарева* не превратится в прекрасную деву и не выскочит замуж за красавца *Андрея Падльча* (в анимационной версии он далеко не *Делон*)» (Труд-7. 2006. №242), «*Меланхоличное повествование, цель которого – копание в психологических извилах тонких душ героинь-интеллектуалок, застревают в уме не сюжетом и не идеей, а тенью чего-то смутно прустовского, неудовлетворенного и ни к чему не ведущего*» (Независимая газета – Ex Libris, 2007. № 37), «*Две провонявшие «Шанелью» абитуриентки с гоголем ворвались в домжуровский вестибюль и принялись кидаться снежками*» (ЛГ Детское время. 2007. № 8). Эти данные показывают, что французская культура была широко представлена в российской именно в сфере искусства, в то время как немецкая культура, как уже было показано выше, в сфере политики. В российской национальной картине мира эти факты нашли свое отражение.

Прецедентные феномены из немецкой культуры, датируемые XIX веком составляют 21,6 % от общего числа немецких ПФ, обнаруженных нами в российских газетах. Они относятся к сферам-источникам «Философия» (особенно немецкая классическая философия), «Литература» и «Музыка». Ср.: «*Владимир Александрович, ваш гордый прапорщик с философским прозвищем Кант напоминает одного из «маленьких» людей, описанных еще Пушкиным или Достоевским*» (Труд. 2007. № 25), «*А еще ТВ обладает почти мистической способностью «останавливать мгновение»*» (Литературная газета. 2006. № 14).

Французские ПФ, относящиеся к XVIII веку, составляют 15,5 %. Высокая частотность ПФ в

данном случае объясняется тем, что к этому историческому периоду относится такое значимое событие, как Великая французская революция (сфера-источник «Политика»), которая значительно «пополнила» корпус ПФ. Кроме самого ПФ *Французская революция* встречаются также *Робеспьер*, *Марат*, лозунг «Свобода! Равенство! Братство!» и др. Ср.: «Тем не менее приз за самую темпераментную женскую роль следовало бы отдать Инге Стрелковой-Оболдиной, чья либеральная журналистка Шура Шлезингер – «Калигула в юбке», после революции трансформирующаяся в «Робеспьера в юбке» – вносит в фильм хоть немного юмора и позволяет себе иронизировать над стихами Живаго» (Коммерсантъ. 2006. № 83), «Дорога нашей демократии оказалась весьма извилистой. Впрочем, это совершенно нормально: со времени Французской революции демократию нередко несколько заносит на крутых поворотах Истории» (Известия. 2006. № 37). К той же сфере-источнику («Политика») отнесем часто употребляемые ПФ *Людовик/Король-Солнце*, *Мария-Антуанетта*, *Талейран*. Очевидно, что сфера-источник «Политика» преобладает. Политические события во Франции в XVIII веке – значимая часть общеевропейской и мировой истории; они описаны в литературе, представлены в кино и подробно изучаются в учебных заведениях. Представители российского лингвокультурного сообщества обладают знаниями и определенной оценкой событий и персоналий, представленных описываемыми ПФ, что делает возможным их восприятие и ожидаемую интерпретацию читателем газеты.

Немецкие по происхождению ПФ периода XVIII века (17% от общего числа) в основном относятся к сфере-источнику «Литература». Ср.: «*Буря и натиск*» эксперимента в Псковской дивизии уже сегодня дают о себе знать заметными издержками. Уже на официальном уровне в Министерстве обороны признают, что «в псковское соединение набрали далеко не лучших» (Литературная газета. 2003. № 33). «Никогда, ни при каком государстве все счастливо жить не будут. И не смогут. Чем скорее мы это осознаем, тем скорее поймем, что мы – каждый в отдельности – можем вытащить себя, как Мюнхгаузен, за волосы из болота темноты, невежества и лени. И тупости» (Культура. 2006. № 36).

Самым частотным прецедентным феноменом, источником которого является французская культура, наряду с вышеупомянутым ПФ *Наполеон* является ПФ, относящийся к XVII веку – *Золушка* (по сказке Шарля Перро). Этот ПФ также является универсально-прецедентным⁶. Чаще всего он раскрывает сюжет «бедная, но очень хорошая девушка по воле судьбы находит заслуженное счастье». Ср.: «Но у него, сельского «Золушки», есть своя фея. Крестная Нина, дама 50 лет, весомых достоинств и крутого нрава, приезжает к Лене за рулем белой «Волги» и привозит в подарок конфе-

ты, особо любимые Стадником» (Известия. 2007. № 170). На протяжении многих веков этот сюжет вызывает симпатию и понимание и служит своего рода мифологемой, обыгрываемой в дискурсе кино, театра и СМИ. Наряду с *Золушкой* и несколькими другими ПФ-персонажами сказок Шарля Перро (*Красная Шапочка*, *Кот в сапогах*) также встречаются другие ПФ, датируемые XVII веком (составившие от общего количества французских ПФ 9,7 %) из сферы-источника «Литература»: *Лафонтен*, *Мольер (Тартюф, мнимый больной)*. Ср.: «*Мольер* наверняка сделал бы из нее нравоучительную комедию о женской неверности. Шеро поступил иначе» (Культура. 2007. № 170). Сферой-источником «Литература» ПФ данного периода и ограничиваются.

ПФ из немецкой культуры, датируемые XVII веком (1,3 % от общего количества), представлены такими ПФ, как *Вестфальский мир*, *Тридцатилетняя война*, сфера-источник: «Политика». Ср.: «Сегодняшний Второй мир, назовем его *Вестфальским*, по-прежнему живет в эпоху политической анархии и молится ее божеству – «национальному суверенитету» (Независимая газета. 2006. № 277). Низкую частотность ПФ, пришедших их немецкой культуры этого периода, а также принадлежность большинства из них к сфере «Политика» можно объяснить тем, что в XVII веке на территории Германии не существовало единого государства. Многочисленные княжества были разрозненны и конкурировали между собой, что обуславливало отсутствие единого культурного пространства и приоритет политических вопросов над культурными.

Период французской истории с раннего средневековья по XVI век включительно представлен небольшим количеством ПФ (5,0 %) из сфер-источников «Литература» – *Песнь о Роланде*, *Франсуа Рабле/Гаргантюа и Пантагрюэль*, «Политика» – *Карл Великий*. Ср.: «Иванова не вознесла до небес, как *Великого Карла*, не посадили на трон «*короля искусств*», не увенчали лавровым венком. Все случилось позже, в посмертной жизни, и оттого вспоминать судьбу художника горько» (Культура. 2005. № 44). То же самое можно сказать и о немецких ПФ (4,7 %) – *Мартин Лютер*, *Эразм Роттердамский*, *Гамельнский крысолов*, «*Корабль дураков*», «*Песнь о Нибелунгах*». Ср.: «Как заявил один из ватиканских теологов, *Йозеф Ратцингер* является «самым значительным духовным лицом Германии после *Мартина Лютера*» (Труд. 2005. № 70). В предложенной выше классификации мы посчитали целесообразным объединить ПФ, которые относятся к XVI веку и нескольким предыдущим столетиям, в одной графе по причине малого количества таких ПФ и схожести исторических характеристик данного периода.

Причиной относительно низкой частотности появления в российской прессе ПФ, относящихся

к средним векам, является не только более низкий уровень интенсивности межкультурных контактов, но и удаленность во времени и связанная с ней утрата прецедентных культурных знаков в процессе снижения их известности и значимости для представителей российского национально-лингвокультурного сообщества.

Относительно редко встречаются ПФ, которые условно можно отнести к XXI веку, который только начинается. Для французских ПФ этот показатель составляет 2,5% (*Уэльбек*, *Куриевель*), для немецких – 0,8% (*Ангела Меркель*). Возможно, некоторые из них прочно войдут в корпус ПФ дискурса СМИ российского национально-лингвокультурного сообщества, другие «утратят» свойство прецедентности. Но несомненно, что в ходе исторического развития культур и в свете их неизбежного и все более интенсифицирующегося взаимодействия нас ожидает появление новых ПФ, что обуславливает актуальность и перспективность изучения проблемы прецедентности в дискурсе.

В целом рассмотренный материал свидетельствует об активном использовании в современной российской прессе ПФ, пришедших из немецкой и французской культур. Наиболее характерны для российской прессы немецкие по происхождению ПФ, относящиеся к XX веку, и французские по происхождению ПФ, относящиеся к XIX веку. Доля немецких ПФ, относящихся к периоду до XVIII

и французских ПФ до XVII века значительно ниже, чем доля ПФ, относящихся к каждому из последующих веков.

¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., «Наука», 1987. С. 216.

² Фесенко Т.А. К проблеме коммуникативной концепции «морали» в немецком языке (в рамках прецедентности) // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 106.

³ Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 15.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 24–25.

⁶ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 50–51.

⁷ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. 2003. С. 103.

⁸ Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом, 1993, № 1. С. 7–15.

⁹ Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 203.

Поступила в редакцию 7 апреля 2008 г.

СИМУЛЬТАННЫЙ РОМАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Н.Ю. Воробьева

SIMULT NOVEL IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

N.U. Vorobeova

Рассматривается симульный роман как особая форма развития литературного жанра, возникшая в первой половине XX века и наиболее представленная в Англии, Австрии, Германии и России. В исследовании определяются ключевые особенности сюжетостроения, хромотопа, композиции и стиля симульного романа.

Ключевые слова: роман, хромотоп, сюжетная линия, симульность, фрагментарность.

In the given work is considered similt novel as a special form of development of the literary genre, arisen in the first half of the XX century and mostly submitted in England, Austria, Germany and Russia. The research defines the features of making plot, features of time and space, composition and style of similt novel.

Keywords: the novel, the unity of time and space, the subject line, the simulation, the fragmentariness.

В узком, терминологическом смысле слово симульный (от лат. *simul* – в одно и то же время) обозначает одновременность совершения чего-либо. В рамках литературоведческого осмысления симульный – не только «одномоментный», но и параллельно действующий, одновременно свершающийся, существующий как не цельное единое целое. На рубеже XIX–XX веков кризис классического романа обернулся напряженными поисками иных форм создания «новой художественной реальности», которая бы в полной мере отразила как исторические события кануна первой мировой войны, так и культурные последствия этих событий. При этом именно конструктивные особенности романа на всем протяжении XX века наиболее полно отражают процесс развития либо стагнации романного жанра. XX век ознаменовался концептуальными спорами о судьбах романа в новом столетии. Осип Манделштам объявил «Конец романа» почти одновременно с канонизацией этого жанра Михаилом Бахтиным.

Но уже к моменту определения кризиса романного жанра (статья Манделштама датируется 1922 годом) Д. Лукач в «Теории романа» (1914–1915) охарактеризовал композицию романа как парадоксальный сплав гетерогенных и дискретных элементов в органическое единство, которое вновь и вновь отменяется, тем самым фиксируя неограниченный потенциал романного жанра именно в конструктивном, таком важном для искусства XX века, плане.

Воробьева Наталья Юрьевна, соискатель кафедры русского языка литературы ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.В. Пономарева. E-mail: Taly23@yandex.ru

Цикличность в истории романа вообще устанавливается как особенность его романной конвенции: «Развитие жанра романа циклично по необходимости, по самой своей природе. Авторы (в том числе анонимные) рассказывают в романе одну и ту же историю – о жизни и смерти человека. Только понимают эту жизнь и смерть в соответствии со множеством разных меняющихся факторов»¹.

Возникшая в 20-е – нач. 40-х годов, жанровая полемика была не только активно продолжена, но и получила неожиданную поддержку в виде большого количества новых литературных фактов в 50–60-е годы. Например, концепция романа Милана Кундеры («Смерть романа») развивает позиции предшественников и вместе с тем противостоит популярным у модернистских мыслителей идеям смерти романа.

Симульный роман начинает формироваться к концу 10-х – началу 20-х годов XX века. Появляется целый ряд ярких текстов, состоящих из множества эпизодов, каждый из которых имеет собственную структуру, но при этом составляет вместе с другими элементами целостное, концептуальное единство. К таким романам можно отнести «Иосифа и его братьев» Т. Манна, «Лунатиков» Г. Броха, «Циников» А. Мариенгофа и др.

Проблема существования жанра романа в XX веке волновала писателей и критиков наряду с проблемой объективной возможности этого жанра не просто отражать, но интерпретировать современную ему жизнь.

Natalia Ju. Vorobeova, competitor of the Russian language and literature department of SUSU. Scientific adviser – PhD, professor Elena V. Ponomareva. E-mail: Taly23@yandex.ru

30-е годы ознаменовали апогей распада романной формы: целостная структура трансформировалась в отдельные фрагменты, части со своей композицией, набор непересекающихся сюжетных линий. Первый из названных романов, обладающий усложненной формой и состоящий из многих, не всегда последовательно связанных эпизодов, – «Иосиф и его братья» Т. Манна. В своей тетралогии Т. Манн изображает события прошлого, настоящего и будущего как единый процесс, подчиненный диалектической закономерности. Реализация этой задачи осуществляется, во-первых, через создание эпического стиля, который объединяет в себе различные культурно-исторические пласты и представляет все человечество как нечто единое; во-вторых, воплощением в тетралогии свойственной Ветхому Завету идеи – параллельное развития земного и божественного.

Первый том под названием «Былое Иакова» предваряется антропологическим прологом «Существование в ад». Это фантастическое эссе напоминает тщательную подготовку перед отправкой в рискованную экспедицию, – путешествие в глубины прошлого, к праотцам всего сущего. Пролог включает всю историю отцов и праотцев Иосифа вплоть до Авраама и далее в глубь времен вплоть до сотворения мира. В свою очередь, «Былое Иакова», не придерживаясь естественной хронологии, то предвосхищает последующее, то возвращается к предыдущему, повествуя о событиях его жизни.

Вторая книга («Юный Иосиф») повествует о становлении мироощущения главного героя, его осмыслении себя в мире и мира в себе. «Иосиф в Египте» – третья книга об Иосифе – благодаря своему эротическому содержанию похожа на роман больше, чем все другие части произведения. В своем докладе по роману «Иосиф и его братья» Т. Манн говорит, что его произведение, если брать его как целое, в силу обстоятельств превратилось в нечто довольно сильно расходящееся с общепринятыми представлениями о романе. По мнению писателя, этот литературный жанр всегда был очень гибким и изменчивым, но сейчас дело, кажется, идет к тому, что скоро романом будет считаться все что угодно, но только не сам роман.

«Иосиф-кормилец» завершает всю тетралогию. В этой части Иосифа освобождают из заточения, и автор показывает дальнейшее развитие судьбы героя. Иосиф толкует сны знатных узников и сам видит вещие сны, и настает день, когда его поспешно освобождают из темницы, и он предстает перед фараоном. К тому времени ему исполнилось тридцать лет, а фараону – семнадцать. Этот глубоко одухотворенный и нежный отрок, богоискатель, как и отец Иосифа, влюбленный в мечтательную религию любви, взшел на трон, пока Иосиф томился в заточении. Он один из тех, кто предвосхищает будущее, христианин, родившийся до христианства, мифический прообраз «неподходящего путника на верном пути». Далее следует

целая серия глав с многочисленными сюжетными ответвлениями. В последнем, четвертом, томе есть стихотворение – песнь возвещения, которую музыкально одаренная девочка поет перед престарелым Иаковом и в которой столь причудливо переплетаются рифмованные реминисценции псалмов и строки с поэтической интонацией немецкого романтизма. Этот пример характеризует одну из главных особенностей всего романа – попытку объединить в себе многие исторические, временные, духовные пласты. «Иосиф и его братья» – синкретичный роман, который заимствует из самых разных сфер свои мотивы, рассыпанные в нем намеки, смысловые отзвуки и параллели, так как в нем представлено ощущение всего человеческого как единое многомерное, многогранное целое. Роман «Невиновные» Г. Броха, представляя собой собрание более или менее самостоятельных новелл, дает одновременное право на жизнь разным героям. Отсюда вытекает возможность сосуществования нескольких замысловатых переплетенных линий в рамках одного сюжетобразующего пространства. У Германа Броха это целый клубок, из которого, однако, можно вычленивать две основные истории: с одной стороны – разбогатевший в Африке негодник Андреас, по воле случая попадающий в частный пансионат, жильцы которого впоследствии становятся его семьей, с другой – школьный учитель математики, «примерный семьянин», убогая личность – Цахариас.

Центральным героем романа-цикла у Германа Броха предстает Андреас. Именно с ним читатель передвигается от новеллы к новелле, именно он является связующим звеном и залогом единства всей ткани романа. Именно он и делает цикл новелл романом. На определенном этапе его судьба пересекается с судьбой Цахариаса, чтобы перелиться в философский спор о сущности любви. Однако после нескольких страниц душевной беседы, дружеского деления шляпы и «попытки гостеприимства» герои расходятся «каждый в свою жизнь».

Своеобразие художественного пространства романа обуславливает возможность «синтеза» сразу нескольких параллельных историй: в романе «Невиновные» сюжетные линии переплетаются не благодаря поступкам героев, а лишь потому, что переплетаются их рассказы, пути, судьбы. Они невиновны в том, что с ними происходит. Формально человек (в данном случае главный герой романа) действительно невиновен: в своей жизни он становится сторонним наблюдателем. В начале романа Андреас – гость в чужом хитросплетении судеб (новелла «На парусах под легким бризом»), далее – посторонний в кругу семейных дел (новелла «Рассказ служанки Церлины»), затем – слушатель чужой философии жизни (нов. «Четыре речи штудирента Цахариаса»). Он – сторонний наблюдатель даже в личной жизни: в своих отношениях с Мелиттой, так виртуозно организованных Церлиной, и

Зеленые страницы

в ее последующем убийстве, совершенном Хильдегард. Он невиновен, так как непричастен, но виновен своей непричастностью к собственной жизни. В финале романа (в новелла «Каменный гость») решается вопрос о наказуемости невиновных: главный герой расплачивается за свое «наблюдение».

Помимо существования как минимум двух начал (динамичного и статичного) в романе «Невиновные» принципиально разводятся позиции автора и главных героев. Лирическое начало каждой истории приобретает иронический подтекст на уровне авторской оценки, в результате чего весь роман приобретает трагедийное звучание.

Таким образом, синтез «параллельных» историй в рамках единого художественного пространства – один из приемов, используемых авторами с целью создания соответствующей современной жизни художественной реальности.

Г. Брех рассматривает общеисторический план (большое эпическое полотно, охватывающее 1850–1940 гг.) как эпоху распада ценностей. Этот распад очевиден: канун первой мировой войны, распад Австро-Венгрии (1918 г.), приход к власти фашистов. Все эти события влекут за собой крах целостности национального сознания. Символично, что сюжетная линия берет свое начало на вокзальной площади, которая является как местом пересечения всех существующих линий, так и точкой отсчета начала любой новой жизни. Поезд здесь представлен, как некая inferнальная сила, несущая человека в неизвестность помимо его воли. В романе «Невиновные» Г. Бреха представлена четкая циклизация хронотопа: помимо временного деления ткани текста (1913, 1923, 1933 годы) автор (в качестве основного сюжетного хода) использует мотив распутывания клубка чужих, замысловато сплетенных судеб. «Локализованные хронотопы» 1913, 1923 и 1933 годов также объединены и художественным пространством.

Аналогичным образом компилируются две сюжетные линии романа «Циники» А. Мариенгофа: системообразующим персонажем является Владимир. Именно его взглядом мы смотрим на кризисную ситуацию в стране, на его возлюбленную Ольгу и на ее любовника Сергея. До появления Ольги в судьбе Владимира жизнь Сергея протекает параллельно, но любовная история обеспечивает пересечение до поры до времени не соприкасающихся судеб. Однако вскоре (подобно исчезновению Цахариаса из судьбы А.) Сергей пропадает в потоке революционной активности. Пути героев, очевидно, расходятся.

В романе «Циники» А. Мариенгофа также существует несколько вписанных друг в друга пространственно-временных планов. Причем, в отличие от романа «Невиновные», характер смены различных планов более динамичен во времени и мас-

штабен в пространстве: ракурс видения мира не приближается и отдаляется, а мгновенно и резко переключается с одного на другой. В романе можно выделить: лично-бытовой план, на котором представлена история отношений Владимира и Ольги; конкретно-исторический план, имеющий четкие даты и закрепленные за ними события в промежутке с 1918 по 1928 годы; общеисторический, как оценка этого насыщенного событиями периода в рамках всей истории России; и общебытийный план, обусловленный уже не сюжетной линией и не решениями Совнаркома, а естественным ходом жизни, общечеловеческими ценностями и непререкаемыми истинами.

Заданное фрагментарным пространством, время приобретает неограниченные возможности: оно то замедляет ход, акцентируя внимание на каждой секунде бытия, то стремительно летит, пропуская огромные временные пласты. В один момент мы можем увидеть события с нескольких ракурсов сразу: «Он внимательно разглядывает фотографию. В серебряном флюсе самовара отражается его лицо. Перекошенное и свирепое. А из голубоватого стекла в кружевной позолоченной раме вылезает нежная ребяческая улыбка с ямками на щеках»². И здесь же отчужденная, объективная, статичная констатация: «Большевики дерутся (по всей вероятности, мужественно) на трех фронтах, четырех участках и в двенадцати направлениях»³.

Роман «Циники» А. Мариенгофа охватывает десять лет (1918–1928 гг.). Однако каждая глава, соответствующая году, дробится на 30, 36, а в некоторых случаях и 49 «локальных хронотопов» на фоне одного, заданного судьбой главного героя, художественного пространства романа.

Симультанный роман – специфическая форма романного жанра, появившаяся в России, Германии, Австрии, Англии к началу первой мировой войны, и отразившая время прогрессирующей духовной стагнации и нравственного кризиса. Такой роман характеризуется автономностью всех частей, эпизодов, мотивов при внутреннем композиционном единстве.

По своей пространственно-временной характеристике он отличается от канонического романа, так как на этом уровне перед автором стоит основная задача: создание максимально емкого художественного пространства, в полной мере отражающего фрагментарность современной ему картины мира.

¹ Бойко М.Н. Цикличность в истории европейского романа // Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве. М., 2004. С. 232.

² Мариенгоф А. Циники. М., 1991. С. 45.

³ Там же.

Поступила в редакцию 20 мая 2008 г.

ПОЭТИКА АБСУРДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Г. САПГИРА)

М.П. Двойнишникова

THE POETICS OF ABSURDITY IN THE RUSSIAN LITERARY TRADITION OF THE XX CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE POETRY BY H. SAPGIR)

M.P. Dvojnishnikova

Анализируются традиции русской авангардной поэзии начала XX века на примере лирики представителя «лианозовской школы» Г. Сапгира, в стихотворениях которого наследуются и переосмыслиются, получают дальнейшее развитие художественные приемы не только футуристов, но и обэриутов.

Ключевые слова: абсурд, поэтика абсурда, языковая аномалия, футуристы, ОБЭРИУ.

In the article are analyzed the traditions of the Russian vanguard poetry of the beginning of the XX century on the example of the lyrics by H. Sapgir, the representative of «lianozovskoy school». In his poems are inherited, overthought, developed the artistic receptions of not only the futurists, but also the OBERIU.

Keywords: the absurdity, the poetics of the absurdity, the linguistic anomaly, the futurists, the OBERIU.

В современном литературоведении проявляется тенденция к изучению влияния поэтической литературной традиции начала XX века на современную поэзию. Такие авторы, как Д.Э. Мильков, Т.В. Казарина отмечают, что истоки современной русской поэзии конца XX начала XXI вв. следует искать в авангардных направлениях русской литературы, начинающихся с поэзии символистов и развившихся в творчестве футуристов и обэриутов. Последователями поэтики экспериментальной поэзии начала века называют поэтов «лианозовской школы», сложившейся в конце пятидесятих годов XX в., в числе которых находился и Г.В. Сапгир. Исследуя понятие абсурда в современном литературоведении, а именно работы Т. Арно, В. Флюссера, О. Бурениной, О. Чернолицкой, мы пришли к выводу, что важным составляющим элементом культурной модели русской авангардной поэзии является поэтика абсурда, функционирование которой целесообразно рассмотреть на примере творчества представителей футуризма, ОБЭРИУ и «лианозовской школы» (в частности, Г. Сапгира).

Определение понятия «абсурд» нуждается в точной формулировке, так как в современном литературоведении этот вопрос до сих пор остается спорным. Абсурд – явление междискурсивное, актуальное в разных направлениях науки и искус-

ства. Философскую интерпретацию абсурда разрабатывали в своих трудах Тертуллиан, Л. Шестов, Ф. Ницше, М. Хайдеггер и др. Предпринимались попытки соотнести понятие «абсурд» с направлениями изобразительного искусства (работы Л. Кофлера). Существует также целый ряд работ, анализирующих абсурд в рамках литературного произведения как категорию текста (В. Набоков, В. Шмидт, С. Великовский, Д.В. Токарев и др.). Одним из последних исследований, в котором на примере культурного пространства искусства и литературы XX века наиболее полно осмысливается понятие абсурда, является работа О.Д. Бурениной «Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века», дающая следующее определение данного понятия: «*абсурд* – это констатация смыслового, логического, бытийного, а соответственно и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире»¹.

В рамках поэтики абсурда анализируются такие художественные средства, как гротеск, фарс, метафора, приемы народной смеховой культуры и фольклора и др. Традиционным приемом поэтики абсурда, по мнению исследователей (О.Л. Чернолицкая, О.Д. Буренина), является построение сюжета стихотворения в рамках традиционного принципа *reductio ad absurdum* (приведения к не-

Двойнишникова Мария Павловна, преподаватель кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ. E-mail: tess_derb@mail.ru

María P. Dvojnishnikova, teacher of the Russian language and literature department of South Ural State University. E-mail: tess_derb@mail.ru

Зеленые страницы

лепости), т.е. принципа абсурдной ситуации, основанной на приеме алогизма и нарушения логических причинно-следственных связей.

чение в него элементов кошмара, ужаса («Вдруг // Зять схватил утюг»). Если у Д. Хармса раскрывается сюрреалистическая ситуация сна («ноги пада-

А. Введенский	Д. Хармс	Г. Сапгир
Какое утро ночь темница В траве лежала заграница Стояла полночь а над нею Вился туман земли темнее Летали птицы чоботы И поднимали соленые хоботы Тогда на ветке в русских сапогах Стоит сердечнейший монах («На смерть теософки»)	Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель пошел, перепрыгнув забор. Иван, как бревно, провалился в болото, А пудель в реке утонул, как топор. Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель в реке провалился в забор. Иван, как бревно, перепрыгнул болото, А пудель вприпрыжку попал на топор («Иван Топорышкин»)	В канаве выросли блины Поядовитей белены — Блохомор! («Блохомор») Одноэтажный дом с высокими Белыми окнами помню как дум С белыми окнами помню как дым Одноэтажный с высокими белыми Помню как ветер и помню как шум («Дом из детства»)

Как отмечает Н.А. Масленкова, стихотворение «Иван Топорышкин» Д. Хармса построено по образцу народных нескладниц, в которых смысловые связи нарочито смещены, перепутаны, при этом именно на фоне первой строфы создается эффект несоответствия². В приведенных выше текстах Г. Сапгира несоответствие проявляется в первых строках, где представлена уже сама по себе нелогичная и абсурдная ситуация, все более усиливающаяся в последующих строфах, а в стихотворении «Дом из детства» используется аналогичный прием народной нескладницы.

Одним из ведущих абсурдистских мотивов является мотив абсурдного сна, ирреального бреда, вторгающегося в привычный ход жизни. Анализ мотива сна как набора обрывочных воспоминаний, ассоциативно вызванных в связи с какими-то событиями или явлениями, не объединенных логической последовательностью, является актуальным для понимания поэтики абсурда в текстах представителей экспериментальной поэзии начала XX века и Г. Сапгира.

В стихотворении Д. Хармса «Скупость» сон интерпретируется как волшебное, идеализированное явление, мечта, в которой не существует никаких ограничений (это сон – парение). В тексте Г. Сапгира происходит «обытовление» сна и вклю-

ли в овраг»), то у Г. Сапгира сон более социологизирован («спит старуха.../вышел зять»).

Разработка понятия абсурда неизбежно заставляет исследователей обращаться к зауми, занимающей особое место в поэтике абсурда. В связи с этим тезисом, само по себе явление зауми в качестве смысловой, формальной и/или семантической аномалии можно рассматривать как элемент поэтики абсурда. Творческий экстремизм в лирике футуристов и обэриутов проявился в поисках новых форм художественного выражения действительности, вследствие чего проводились различные эксперименты со словом, с традиционными правилами грамматики и синтаксиса, с визуальным обликом стиха, что привело к изобретению зауми, активно используемой футуристами и развившейся в творчестве ОБЭРИУ.

Исследователи (М. Ямпольский) отмечают, что в текстах таких поэтов, как В. Хлебников, А. Крученых, А. Введенский, Н. Олейников наблюдается явное или скрытое нарушение основных законов логики, в связи с чем они являются примерами логического абсурда в основном потому, что в них ломается механизм традиционной языковой коммуникации. По словам О.Д. Бурениной, «нарушение коммуникативных постулатов, обязательных для нормального дискурса, и есть

Д. Хармс	Г. Сапгир
Люди спят: урлы-мурлы. <...> сон блудливый, как мечты. Сон ленивый, как перелет, Руки длинные, как переплет. <...> Голубь-турман вьет гнездо. Подъезжал к крыльцу ездок. Пыхот слышался машин. Дева падала в кувшин. Ноги падали в овраг. Леший бегал — Людий враг. («Скупость»)	Пахнет пирогами. Тихо. Прилегла и спит старуха. Из-за ширмы вышел зять, Наклонился что-то взять. <...> Вдруг Зять схватил утюг. Хряк! — Сына сбил с ног. («Предпраздничная ночь»)

проявление логического языкового абсурда³. При изучении поэтики абсурда практически все исследователи упоминают факт противопоставления его нормам языка. По словам В.Ю. Новиковой, абсурд представляет собой аномалию, суть которой – нарушение лингвистической логики на разных уровнях языка⁴.

В лирике Г. Сапгира значительное место занимают эксперименты со словом. На языковом уровне нарушение коммуникативных постулатов реализуется в появлении слов с трудно определяемой семантикой, либо с графически необычным видом, т.е. стихотворения нередко состоят из языковых компонентов, построенных на нарушении традиционных правил грамматики, словообразования и синтаксиса, которые можно назвать языковыми аномалиями, во многом аналогичными «зауми» футуристов, в частности «заумному языку» В. Хлебникова, и «сдвигологии» А. Крученых. На это указывает и стихотворение «Кузнечикус», где в незначительно измененном виде интертекстуально употребляется «цитата – заглавие» известного стихотворения В. Хлебникова «Кузнечик» и в тексте стихотворения используется его окказионализм «зинзивер», что подчеркивает главную мысль произведения – создание собственного языка (по аналогии с «заумным языком»): «*Оретикус моретикус кантарус! – / свою латынь теперь изобрету / я над любой фонемой ставлю парус / жив еретик воживлением в ничту*». Очевидная отсылка к тексту В. Хлебникова, а также упоминание его фигуры в другом стихотворении книги «Чурзел», позволяет говорить о непосредственном знакомстве Г. Сапгира с творчеством футуристов и несомненной последовательной связи приемов и традиций при их переосмыслении и дальнейшем развитии. Знакомство Г. Сапгира с текстами русской авангардной поэзии не раз отмечали люди, знавшие поэта, например, А. Кудрявицкий писал: «Мне кажется, что он поэт линии Хлебникова, прямой продолжатель Хлебникова в современной поэзии»⁵; а Вс. Некрасов отметил, что «на момент нашего знакомства Сапгир твердо ставил себе маяком Хлебникова и Заболоцкого»⁶.

Реализация абсурдных аномалий разных языковых уровней может быть наиболее полно продемонстрирована на примере лирической книги «Терцихи Генриха Буфарева», где нарушения на морфемном уровне (т.е. на уровне минимальных семантически значимых частей слова) проявляются достаточно редко, в основном встречаются корневые морфемы с трудно определяемой семантикой, например, корень «*хрегот*» в слове «*хрего-чут*», или «*биб*» в слове «*бибобус*». Основная часть языковых аномалий касается именно лексического уровня, который представлен весьма многочисленными и разными новообразованными

лексемами. В тексте книги «Терцихи Генриха Буфарева» ярко представлены новые слова разных частей речи, образованные по продуктивным моделям русского словообразования, но нередко с трудно угадываемым смыслом. Количественно преобладают имена существительные («*мурелки*», «*стакелки*», «*пельсиски*», «*качурик*», «*жустик*», «*хрястик*», «*солдутики*», «*охрамина*», «*каменила*», «*ковыряла*», «*меднолюб*» и т.д.). Также в стихотворениях в виде языковых аномалий присутствуют не только отдельные слова, но и фразеологические обороты, например, «*нет пути обратус*», «*не в складь – не в мать*», «*хоть гнем гори!*». Кроме имен существительных языковые нарушения наблюдаются в употреблении прилагательных («*крявая*», «*златозубый*», «*майороглазый*», «*белоклочковатый*», «*озабыченный*», «*моксовые*» и др.), глаголов («*скрипачит*», «*сверкеет*», «*измысли*», «*глядти*», «*разволноволновывает*», «*перехлебнулось*», «*переберибирая*», «*грегочет*», «*бежса*», «*скружсаются*»), также встречаются новообразованные наречия («*замрожено*», «*хухом*»).

Поэтика абсурда в лирике Г. Сапгира становится концептуально важным и функционально значимым стилиобразующим приемом, определяющим специфику поэтики произведений и создающим гротесковую модель мира. Проанализировав творчество представителей русской экспериментальной поэзии начала XX века и лирику Г. Сапгира в аспекте поэтики абсурда, мы пришли к выводу, что в традиционно выделяемую исследователями линию наследования традиций и приемов поэтики, включающую в себя футуризм и «лианозовскую школу» (а именно, Г. Сапгира), вполне оправданно можно включать пропущенное звено – поэтов ОБЭРИУ. В поэтических текстах Г. Сапгира наследуются и переосмысляются, получают дальнейшее развитие художественные приемы не только футуристов, но и обэриутов, что доказывает полноценное функционирование культурной модели русской экспериментальной поэзии начала XX века в лирике Г. Сапгира.

¹ Буренина О.Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб., 2005. С. 34.

² Масленкова Н.А. Поэтика Даниила Хармса (лирика и эпос): Автореф. дис. ... к.ф.н. Самара, 2000. С. 111.

³ Там же. С. 45.

⁴ Новикова В.Ю. Семантика абсурда. Краснодар, 2005. С. 28.

⁵ Беседа с Анатолием Кудрявицким о Генрихе Сапгире. Не здесь и не сейчас. СПб, октябрь 2000 //URL: <http://kudryavitsky.narod.ru/interview.html>

⁶ Некрасов Вс. Сапгир // Великий Генрих (1928–1999). Сборник памяти Генриха Вениаминовича Сапгира.

Поступила в редакцию 30 мая 2008 г.

ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: МЕСТО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ДИСКУРСА

Е.А. Ковалева

DISCOURSE SEMANTICS OF POETIC TEXTS: THE PLACE OF THE RAILWAY DISCOURSE

E.A. Kovaleva

Рассматривается понятие дискурсивной семантики поэтических текстов, выявляемой по лексическим сигналам. Нами анализируются основные направления в изучении дискурса в лингвистике, выделяется железнодорожный дискурс как одна из разновидностей дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивно-когнитивный подход, дискурсивная семантика, поэтический текст, железнодорожный дискурс.

The article is devoted to the concept of discourse semantics of poetic texts revealed on base of lexical signals. We analyze the basic directions in studying a discourse in linguistics, the railway discourse as one of versions of discourses is allocated.

Keywords: a discourse, the discourse-cognitive approach, discourse semantics, the poetic text, a railway discourse.

Последние десятилетия развития лингвистики знаменуются широким признанием связи природы и функций языка с особенностью получения знания, т.е. с когнитивной деятельностью субъекта (А. Вежбицкая, Д. Лакофф, Г.В. Колшанский, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, Ю.С. Степанов и др.). Особое внимание лингвисты уделяют созданию целостной концепции соотношения языка и мышления. Подтверждением этого является точка зрения В.В. Петрова: «Человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума»¹.

Одним из дискуссионных вопросов является определение дискурса, изучению которого посвящено множество исследований, где авторы неоднозначно трактуют это понятие, несмотря на общую востребованность обозначающего его термина, представляя разные научные направления и концепции. Примером может служить высказывание голландского исследователя Т.А. Ван Дейка: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятие языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными»². Это связано со сложностью,

смысловой ёмкостью понятий, требующих использования в своей интерпретации принципа дополненности.

В лингвистике термин дискурс рассматривается в двух аспектах: коммуникативно-дискурсивном (Б.Э. Азнурьян, Б.М. Гаспаров, Т.М. Николаева, П. Серио, М. Фуко и др.) и когнитивно-дискурсивном (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, О.Г. Ревзина, Ю.С. Степанов, Н.Е. Сулименко и др.). Представители коммуникативно-дискурсивного направления рассматривают дискурс как коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и т.д.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте, т.е. дискурс – это эквивалент понятия «речь» в сосюровском понимании. При таком подходе явления и объекты окружающего мира могут приобретать различные значения в зависимости от тех специфических обстоятельств, в которые они погружены. Дискурсивные модели в таком случае оказываются регуляторами социально-речевого и индивидуально-речевого поведения, т.е. дискурс выступает в качестве образца, нормы речевой деятельности в определённых ситуациях общения.

В когнитивно-дискурсивной парадигме исследования дискурса проводятся в режиме обработки языкового знания, при этом исследователь обра-

Ковалева Елена Александровна, аспирант кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Е. Сулименко. E-mail: alena17051983@yandex.ru

Elena A. Kovaleva, the post-graduate student of the Russian language department of RSPU by A.I. Herzen, Scientific adviser – PhD, professor Nadejda E. Sulimenko. E-mail: alena17051983@yandex.ru

щается не только к собственным лингвистическим знаниям, но также и к знанию о реальном мире, поскольку в процессе понимания и порождения активизируются все базы данных, хранящиеся в когнитивном аппарате человека. Двухнаправленность термина «дискурс» ориентирует исследователя на выявление как когнитивных, так и дискурсивных (коммуникативных) характеристик языковых единиц, то есть определяет обращение не только к когнитивному анализу единиц языка, но и к их функционированию в дискурсе.

Дискурс затрагивает ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, а также стратегии понимания и порождения речи, определяющие при необходимости темп речи, степень её связности, соотношение общего и конкретного, нового и уже известного, субъективного и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса, выбор средств для достижения конечной цели коммуникации. С точки зрения Н.Д. Арутюновой, дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) и изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, инструктаж, светская беседа). Дискурс – это речь, погружённая в жизнь»³. Характерно, что «формы жизни» толкуются здесь как то, что в стилистической концепции В.В. Виноградова названо речевыми жанрами, тем самым формы жизнедеятельности становятся определяющим понятием для разных дискурсивных практик, обслуживающих эти формы и соединяющих лингвистические и экстралингвистические знания в антропоцентрической парадигме. В таком понимании дискурс есть текст плюс коммуникативно значимые обстоятельства, в которых этот текст актуализируется. Данное понимание ведёт к прагмалингвистическому анализу дискурса, поскольку прагмалингвистика изучает речь в ситуации реального общения. Дискурс в таком случае рассматривается как последовательность речевых актов, как коммуникативное взаимодействие участников общения, как совокупность вербальных и невербальных действий. На первый план при таком подходе выходят ситуативные характеристики общения и, прежде всего, характеристики участников общения.

Приведённые сопоставления показывают, что дискурс – понятие более широкое, требующее учёта единства когнитивных и прагматических факторов. По этому поводу Н.Е. Сулименко замечает, что «любое из оснований, связанных с «жизненными» потребностями субъекта, его жизненным

пространством, результатами его деятельности, может служить отправным моментом для классификации типов дискурсов»⁴. Это проявление интегрального, когнитивно-дискурсивного подхода к языку, а не только коммуникативного и не только когнитивного.

Железная дорога явилась новым способом освоения пространства человеком, использование этого средства передвижения стало его жизненной потребностью, нуждающейся в своей лексической объективации и положившей начало формированию нового типа дискурса – железнодорожного, в терминах которого стали осмысляться самые разнообразные явления, включая и психические, ментальные и т.д. Ср., например использование номинаций железной дороги у современных авторов (В. Пелевин. Жёлтая стрела). Известно, что с первобытных времён техника – это не просто совокупность средств человеческой деятельности, но и способ человеческого бытия. Человек не мог бы существовать без техники, которая не только играет служебную роль в обеспечении человеческих потребностей, но и создаёт новые. Можно сказать, что техника – это образ жизни человека, действительно, невозможно представить себе жизнь в XXI в. без автомобилей или компьютеров, а в конце XIX – начале XX вв. такой необходимостью явилась железная дорога, позволившая улучшить жизнь людей и расширить их жизненное пространство.

Термин «дискурс» оказывается востребованным в связи с тенденцией к укрупнению научного объекта и отсюда внимание не столько к текстовой, сколько к дискурсивной семантике, на что указывает В.Е. Чернявская, выделяя семантику дискурса наряду с семантикой слова, семантикой предложения и семантикой текста: «В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употреблённых в дискурсе единиц, их узкоконтекстуальное значение, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений. Дискурсивная семантика анализирует и сопоставляет значения слов и / или предложений не только из одного текста, но отобранных (слов и / или предложений – Е.К.) для дискурсивного анализа из разных текстов, объединённых тематически»⁵. Понимая дискурс в таком ключе, необходимо учитывать индивидуальные когнитивные стратегии, которые отразились в художественных текстах, и поэтому дискурс можно рассматривать как «реконструкцию «духа времени»»⁶, которую воспроизводит поэт. Мы считаем, что именно поэтический текст позволяет наиболее полно увидеть способы лексической разработки концептов железнодорожного дискурса, проследить процесс «приращения смысла» и возникновения ассоциативных значений, понять, как индивидуальные образы остаются в долговременной памяти носителей национальной культуры.

По мнению Ю.Н. Караулова, именно поэтиче-

ский текст является процессом и результатом языковой деятельности автора как субъекта эстетики и культуры⁷. В стихотворении преобладает образное выражение смыслов, которое носит более субъективный характер по сравнению с прозаическим текстом, потому что язык поэзии более ассоциативен и созданные поэтические образы закрепляются в памяти благодаря лексической экспликации. Это подтверждается точкой зрения Л.Ф.Тарасова, считающего лексический уровень самым важным в поэтической речи⁸. К.Э. Штайн утверждает, что «поэзия аккумулирует и, фактически, содержит в себе ключевые научные и художественные идеи своего времени»⁹. О поэтической речи как высшей степени проявления свободы языка, скрытых в нём потенциалов писал также И. Бродский.

При порождении текста сознание поэта не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъектов признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности, поэтому одной из особенностей поэтического текста является лаконизм и высокая информативная насыщенность, способность передавать большой объем информации в малом текстовом фрагменте, а также представление актуального для общества объекта реального мира (в нашем случае – железной дороги) определённой эпохи с неожиданной стороны. Художественное восприятие реалии опирается на исторические и культурные знания читателя, поэтому для поэтического текста характерно многократное прочтение, что приводит к появлению новых смыслов.

В художественном тексте поэт способен увидеть окружающий мир и эмоционально отразить то, что не укладывается в рамки ранее увиденного, в результате чего, по мнению И.Я. Чернухиной, под влиянием авторского замысла появляются идеальные образования¹⁰, которые поэт передаёт в процессе коммуникации.

Эмоциональный строй стихотворения создаёт «поле напряжения»¹¹, которое в совокупности с семантической, ассоциативной и композиционной организацией текста обуславливает не только целостность этого текста, но и целостность созданного образа. Предпосылкой её создания выступает система и семантика ключевых слов культуры, связанных с обозначенным явлением, характерным для каждой эпохи, семантикой этих слов, ассоциациями, отражающими «дух времени».

Таким образом, текстовое ассоциативно-семантическое поле (ТАСП), включая номинации ключевых текстовых концептов и ассоциатов номинаций, служит способом лексической объективации авторской концепции.

«Дух времени» проявляется в том, что в текстах определённого периода закрепляется актуальное для общества событие. Например, для конца XIX – начала XX вв. таким событием стала железная дорога. Образ железной дороги встречается

в произведениях авторов XIX века: Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и др., но, начиная с поэзии «серебряного века», мы можем говорить о железнодорожном дискурсе как том возможном мире, который демонстрирует тематическую общность при освещении сходных и сопоставляемых событий и любых других, осмысляемых через его номинации и представленных в художественных текстах.

В определении дискурса мы придерживаемся точки зрения Ю.С. Степанова: «Дискурс существует, прежде всего и главным образом, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров»¹². Одним из таких «возможных миров» явился мир железной дороги, закреплённый в художественных текстах. По мнению Кубряковой Е.С., «нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления»¹³. Это обстоятельство делает текст возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, т. е. позволяет установить, «с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нём закрепились и т. д., но нет таких текстов, которые не явились бы конечным итогом дискурсивной, т.е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности»¹⁴. Для дискурса характерна обращенность к социальным и психологическим категориям, непосредственно извлекаемым из интерпретации текстов. В характеристику дискурса входит историческая составляющая с её реальным временем, указывающая на тот тип социальной активности, в рамках которой описывается событие, явление. По этому поводу Н.Е. Сулименко замечает: «Любой артефакт как продукт человеческой деятельности (в нашем случае железная дорога – Е.К.), активности, как и любые свойства этого артефакта, могут быть основой и пусковым механизмом построения соответствующего дискурса как отражения единства семиотического, культурного пространства. Информационное поле артефактов освещает природу не только их самих, но и операций, деятельности, в ходе которых они создавались и использовались, тем самым связывая дискурс как систему со средой, служащей источником его энергии и информации (средой как внешней для создателя дискурса, так и внутренней)»¹⁵. Авторы учебника «Культурология» говорят о том, что техника (см. железная дорога) – это всегда артефакт, т. е. нечто искусственно созданное, выдуманное, придуманное человеком, иг-

рающее роль в обеспечении человеческих потребностей¹⁶. Железная дорога становится ценностью, потому что человек живет в контексте культуры. Она (культура) является для него второй реальностью и становится объектом познания для человека. Это подтверждает высказывание В.А. Масловой: «Вся культура есть совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, ценность»¹⁷. Концепт «железная дорога» выступает как часть культуры и как важнейший фактор её (культуры) развития. Он (концепт «железная дорога») становится культурным кодом периода конца XIX – начала XX вв. и закрепляется в художественных текстах, в которых сохраняется и передаётся значимость реалии, поэтому реалия занимает особое место в культурном пространстве.

Исконно символическая природа города и, как следствие этого, его мифогенность закономерно приводят, с одной стороны, к превращению железной дороги в ёмкий культурный символ, а, с другой, к тому, что этот символ становится наследником традиционных культурно-мифологических смыслов. Концепт «железная дорога» становится элементом поэтического сознания, самосознания конца XIX – начала XX века и закрепляется в поэтических текстах «серебряного века». Сравните:

Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усилием сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.
(М. Волошин. Пар)

**В темных вагонах
На шатких, страшных
Подножках, смертью перегруженных,
Между рабов вчерашних
Я все думаю о тебе, мой сын, –
Принц с головой обритой!**
(М. Цветаева. В темных вагонах...)

¹ Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 40.

² Дейк ван Т.А. К определению дискурса // URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>

³ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд., доп. М., 1990. С. 136.

⁴ Сулименко Н.Е. От стиля к дискурсу // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.) / Отв. ред. М.П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 236.

⁵ Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. М.П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 134.

⁶ Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 78.

⁷ Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: КомКнига, 2006. С. 168.

⁸ Тарасов Л.Ф. Поэтическая речь (типологический аспект). Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1976. С. 137.

⁹ Штайн К. Э. Принципы анализа поэтического текста: уч. пособие. РГПУ им. Герцена, СПб. Ставрополь, 1993. С. 12.

¹⁰ Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. С. 200.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 45.

¹³ Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 516.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сулименко Н.Е. От стиля к дискурсу // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.) / Отв. ред. М.П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 235.

¹⁶ Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2005. С. 464.

¹⁷ Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Гнозис, 1997. С. 87.

Поступила в редакцию 30 апреля 2008 г.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СТИХОТВОРНОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО НАЧАЛ В РОМАНЕ «МАСТЕРСКАЯ ЧЕЛОВЕКОВ» ЕФИМА ЗОЗУЛИ

А.Ю. Хоц

SPECIFICITY OF INTERFERENCE VERSE AND PROSAIC BEGINNINGS IN THE NOVEL «MASTERSKAYA CHELOVEKOV» BY EFIM ZOZULA

A.J. Hots

Приводится анализ стиховых и прозаических фрагментов романа Ефима Зозули «Мастерская человек» с точки зрения особенностей их сосуществования в рамках единой прозиметрической композиции.

Ключевые слова: проза, версе, поэтика, жанр.

The article suggests the analysis of verse and prosaic fragments of the novel by Efim Zozuli «Masterskaya chelovekov» from the point of view of features of their coexistence within the limits of uniform compositions.

Keywords: prose, verse, poetic, short story.

Новые обстоятельства послереволюционной истории начала прошлого века обнажили назревшее в литературе 1920-х годов новое ощущение глобального, революционного перелома. Литературная практика этого периода демонстрирует обостренный интерес к поискам, в том числе на стыке стиха и прозы, приведшим к массовым экспериментам в литературе первой трети XX века¹.

В «переходную эпоху» решительной ломки литературных и общеэстетических традиций в национальной культуре проза, постоянно испытывая на себе влияние лирического пафоса, с одной стороны, и традицию соответствующей ему стихотворной структуры – с другой, оказывается достаточно проницаемой для различных типов экспансии лирического и стихового начала².

Ефим Зозуля (1891–1941) – яркий писатель своего времени и оригинальный художник первой трети XX века, широко известный в те годы в России и за рубежом. В творчестве Зозули нашли отражение многие черты «переломной эпохи», в том числе и взаимопроницаемость стихового и прозаического начал. Рассмотрение специфики авторского синтеза стиха и прозы, а также особенностей их сосуществования в рамках одного произведения является целью данной работы.

Роман «Мастерская человек» – наиболее значительное и, по словам критика и литературоведа И.Г. Халымбаджи, «наиболее яркое произведение Зозули»³. Впервые было опубликовано в

1930 году в журнале «Молодая гвардия». Из задуманного автором значительного по объему произведения в жизнь воплотились лишь 32 главы, составляющие первую книгу романа.

«Мастерская человек» – в целом прозаическое произведение, включающее несколько стиховых фрагментов. Учитывая этот факт, мы можем утверждать, что перед нами прозиметрум, то есть, текст, «состоящий из чередующихся фрагментов стиха и прозы»⁴, который имеет свои особенности, обусловленные сосуществованием и взаимовлиянием стихового и прозаического начал.

Рассмотрим особенности взаимодействия стиха и прозы в произведении. «Мастерская человек» открывается предисловием, написанным версе с привлечением различных способов визуальной (графической) актуализации текста: особых типов отступов и расположением текста на странице. Приведем фрагмент «Предисловия первого»:

Да здравствует литература!

Да здравствует вымысел!

Он один приблизит нас к будущему

Он один – реальный, дедуктивный, художественный, веселый – уведет нас от прошлого!

«Мастерская человек» – опыт реалистического вымысла,

– вымысла, основанного на реальном.

«Мастерская человек» – опыт аналитической сатиры, сатиры, борющейся не только смехом, но и анализом.

Хоц Анна Юрьевна, соискатель кафедры русского языка и истории литературы ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, проф. Е.В. Пономарева.

Anna J. Hots, competitor of the Russian language and history of the literature department of the SUSU. Scientific supervisor – PhD, professor Ponomareva Elena Vladimirovna.

*Для чего это?
Какова установка «Мастерской человек»?
Чего хочет автор?
Он хочет:
увидеть нового человека,
представить себе его,
вообразить его,
присутствовать при его родах,
суетиться в его ожидании.*

*Нового общественного человека создаст коммунизм.
Он придет вместе с новыми производственными отношениями.⁵*

Следует отметить, что предисловие, написанное версе, позволяет заведомо сделать предположение о стиховой или, по крайней мере, синтетической основе романа. Ю.Б. Орлицкий пишет по этому поводу: «Как своего рода примета или знак поэзии в прозе короткая строфа используется также в предисловиях и введениях к книгам, поэмам, циклам, написанных как самими их авторами, так и другими литераторами»⁶.

Тематически первое предисловие представляет собой изложение цели и задач автора при написании произведения и формально стилизовано под документ («запротоколировано»). Заметим здесь, что в 20-е годы XX века использование «... стилизованного под документ прозаического материала облекаемого в стихотворную «раму» было нередким явлением и активно осваивалось художниками»⁷.

Второе предисловие к роману написано прозой, однако, с первых строк и на протяжении всего романа нарушается зрительная монолитность прозаического текста, что достигается за счет графического обособления некоторых отдельных абзацев-строф, их групп или последовательного выделения нескольких абзацев подряд. Абзацы отделяются друг от друга увеличенным междустрочным интервалом, из-за чего страница зрительно не воспринимается как единое прозаическое полотно, а выделенные таким образом строфы-абзацы выглядят как самостоятельные фрагменты.

В некоторых главах увеличенным пробелом отделяется друг от друга большее число абзацев, в других – меньшее. Так из 34 абзацев «Предисловия второго» увеличенным межабзацным интервалом выделены 23 абзаца-строфы: с 4 по 24 абзац и 25, 26, 27 абзацы. Другой пример: первые 11 абзацев-строф и один последний абзац первой главы (из общего числа абзацев главы – 19) отделены друг от друга увеличенным интервалом.

В употреблении автором указанного графического способа актуализации текста в рассматриваемом романе сложно усмотреть закономерности. Можно лишь отметить, что графически выделенный абзац или группа абзацев чаще всего открывают главу, а также употребляются до и после стиховых фрагментов, где обособленность прозаических строф усиливается за счет версейной организации текста, о чем речь пойдет ниже.

Перейдем к анализу стиховых фрагментов

романа, занимающих в нем по объему не более 3 %. При этом отметим, что даже такая небольшая их доля позволяет нам говорить о прозиметрическом характере целостного произведения.

В романе «Мастерская человек» мы найдем три стихотворения, написанных верлибром: в главе четвертой, седьмой и двадцатой. Свободные стихи принадлежат перу главного героя романа – Капелову, который «...никогда не писал стихов, но боль не укладывалась иначе, как в широкие ритмические строки, в которых так легко высказывалось то, о чем можно было только смутно думать, но для чего в обыкновенной речи не хватало слов»⁸. Два верлибра (в четвертой и седьмой главах) расположены внутри прозаического текста, один завершает главу и имеет название. Стихи напечатаны более мелким шрифтом, по сравнению с основным массивом прозаического текста.

Первое стихотворение в романе читатель встречает, когда Капелов страдает от невыносимой боли, страха и одиночества после воскрешения его Латуном. Приведем небольшой отрывок:

*О, как болит душа у человека,
Который беззащитен, как свинья, которую каждый
может резать.*

*Как больно быть ненужным,
Быть пустой жестяной из-под консервов, которую
выбрасывают в мусорный ящик.
Как обидно это! Как тяжело!*

Как страшно быть ненужным и ждать смерти от людей!..⁹

Далее стихотворение прерывается прозаическим авторским комментарием, сохраняющим эмоциональный настрой и патетику стихотворения:

Капелов зарыдал от невыносимой жалости к себе, от страха перед непоправимой несправедливостью и ужасом человеческого равнодушия. Слезы катились из глаз неудержимо. И, не смахивая слез, он продолжал писать.¹⁰

После авторского отступления стихотворение продолжается следующими строками:

*Но, кто считает меня ненужным?
Ты считаешь, что я не нужен тебе?
Ты — грязный, пьяный, глупый погромщик?!
Ты?!
Кто же ты такой, чтобы считать так?!¹¹*

Верлибр строфически неорганизован и по объему занимает чуть больше страницы. К основным средствам ритмизации в данном фрагменте можно отнести обилие лексических повторов, наличие анафор. Стихотворение отличается повышенной эмоциональностью, окрашивающей его трагическим пафосом. Средствами создания специфической интонационно-речевой организации в данном этом случае можно считать лексику, присутствие интонационных фигур, синтаксических средств выразительности: обилие восклицаний, риторических вопросов, обращений.

На стыке прозы и верлибра мы находим версейные строфы, отделенные друг от друга увеличенным межабзацным интервалом, а также обнаруживаем резкое снижение объема абзацев, что

Зеленые страницы

обеспечивает плавный переход от одной формы организации текста к другой.

Так появление в романе стихотворения, отрывок которого приведен выше, предваряют 6 коротких абзацев, близких по организации к версейным, (в каждом абзаце 1–2 предложения, занимающих 2–4 строки), затем объемный абзац в 7 строк, затем «контактные» строки, «отбитые» увеличенным межабзацным отступом:

Несколько раз он прерывал письмо, так как рыдания душили его, и он рыдал громко и долго, не будучи в силах успокоиться.

Вот что он написал.¹²

Переход от верлибра к прозе также осуществляется постепенно. Прозаический текст «контактной зоны» «впитывает» организацию стихового отрывка и ведет себя, подражая стиху. Так после приведенного стихотворения текст романа организован следующим образом:

На лестнице послышались шаги. Капелов положил перо и быстро спрятал в карман исписанный листок. Но никто не постучал. Шли в верхнюю квартиру

Он достал из кармана стихотворение, попробовал прочесть, но не мог. Он чувствовал, что опять зарыдает.

Он встал и, как часто делал последние дни, принялся разглядывать стоявшие на подоконнике и столе различные эликсиры и препараты.

Он глубоко задумался.¹³

Три строфы этого отрывка невелики и вполне соизмеримы по длине, при этом две из них равны одному предложению, следовательно, отрывок написан версе. Отметим также в приведенном отрывке обилие анафор как средства поэтизации прозаической речи.

В главе седьмой верлибр, занимающий две страницы, тематически посвящен человечеству. Свободный стих седьмой главы заключен в кавычки. Приведем отрывок:

«Гул людей.

Гул людей.

Что может быть прекраснее!

Массы!

Массы!

Что может быть прекраснее человеческих масс!

Прекрасного человеческого стада!

Как приятно,

сладостно,

отъяняюще

дыхание людей –

чистое,

здоровое,

теплое,

пахучее!...»¹⁴

Данный верлибр, как и предыдущий, монострофичен. Присутствие большого числа лексических повторов создает «ритмическую широту» стихотворения. Способствует ритмизации верлибра также синтаксический параллелизм некоторых предложений и сверхкраткая строка, которой написано все стихотворение. Стихотворение проникнуто эмоционально возвышенным пафосом, что проявляется в обилии обращений и восклицаний.

Двадцатая глава «Мастерской человеков» завершается стихотворением «ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР С МЕЩАНСТВОМ» также написанным верлибром:

Кто не ругал вас, мещане?

Кто не проклинал вас?

Это делали все – и неудачники, и гении, и пророки.

Не правда ли?

Это делают богемцы. Ну и что ж! Ничего!

Вы смеетесь над ними.

В самом деле, что такое богемцы?!

Их удаль – это не платить в гостинице,

Это сидеть в кабаке на полчаса позже закрытия.

Не так ли?

Их волосы, падающие от бессонных ночей и пороков,

Часто падают на неоплаченные счета,

Которые они рассматривают слитшимися от усталости глазами.

Действительно, какой, в конце концов, яд может выплеснуться

из души богемцев!¹⁵

По объему это наиболее короткое стихотворение из трех представленных в романе (занимает половину страницы). Как и два предыдущих верлибра «ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР С МЕЩАНСТВОМ» – это строфически неорганизованный свободный стих, которому свойственны лексические и синтаксические повторы, анафоры (как средство ритмизации), приемы эмоционального воздействия на читателя – риторические вопросы, апелляции к читателю, восклицания.

«Американский ученый (Т. Бродан – А.Х.) пишет, что обычно стихотворные фрагменты в прозиметруме выступают как лирические, эмоциональные, несущие личностное отношение автора-повествователя...»¹⁶. Свободные стихи «Мастерской человеков» появляются в романе в моменты наивысшего эмоционального напряжения, но не хода повествования, а внутреннего психологического состояния главного героя Капелова. Верлибры ненавязчиво вплетены в общую прозаическую канву «Мастерской человеков».

Учитывая неравноправность стихотворных и прозаических частей романа, мы можем говорить о нем как о явлении неравноправной прозиметрии¹⁷.

Обостренный интерес авторов 1920-х годов к художественным экспериментам был оправдан новыми обстоятельствами послереволюционной истории и, как следствие, изменениями в отношениях человека и мира.

Обращение к синтезу стиха и прозы и их художественному «монтажу» в рамках одного произведения (книги, цикла), отразившееся в творчестве Ефима Зозули, открывало писателям новые возможности для расширения творческого потенциала и было откликом на изменения авторского мировидения, культурной, аксиологической направленности художественных поисков.

¹ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 4.

² Там же. С. 23.

³ Халымбаджа И.Г. Да здравствует вымысел! // Мастерская человек: сатирическая проза 20–30-х годов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. С. 412.

⁴ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. С. 412.

⁵ Зозуля Е. Мастерская человек: Сатирическая проза 20-30-х годов / Сост. И.Г. Халымбаджа. Пермь, 1991. С. 107.

⁶ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза: Принципы анализа литературного произведения: учебное пособие. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. С. 66.

⁷ Там же. С. 92–93.

⁸ Зозуля Е. Цит. соч. С. 129.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же. С. 129.

¹³ Там же. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 148.

¹⁵ Там же. С. 242–243.

¹⁶ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. С. 413.

¹⁷ Там же. С. 415.

Поступила в редакцию 28 мая 2008 г.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ Microsoft Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность, контактная информация (адрес, телефон, e-mail)).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов (данная информация предоставляется на русском и английском языке), текст статьи, литература оформляется в виде концевых сносок.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Лингвистика»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, кафедра общей лингвистики, ответственному секретарю Жеребятъевой Екатерине Сергеевне. E-mail: olingv@susu.ac.ru

5. Ознакомиться с полной версией правил подготовки рукописей и примером оформления можно на сайте ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкой: «Научные исследования», «Издательская деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 25 (158) 2009

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 9**

Редактор Н.М. Лезина

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 20.07.2009. Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ 327/325.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск,
пр. им. В.И. Ленина, 76.